

ДЖЕЙМС БЛЭЙЛОК

ЗЕМЛЯ МЕЧТЫ

ПОСЛЕДНИЙ
СРЕБРЕНИК

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ
АМЕРИКАНСКИЙ СКАЗОЧНИК.
УИЛЬЯМ ГИБСОН

FAN|ZON

Fanzon. Fantasy World. Лучшая современная фэнтези

Джеймс Блэйлок

**Земля мечты.
Последний сребреник**

«ЭКСМО»

1987, 1988

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Блэйлок Д.

Земля мечты. Последний сребреник / Д. Блэйлок — «Эксмо»,
1987, 1988 — (Fanzon. Fantasy World. Лучшая современная
фэнтези)

ISBN 978-5-04-200603-6

Омнибус от автора многократного лауреата Всемирной премии фэнтези и премии Филипа К. Дика. Два волшебных романа, действия которых происходят в магической Калифорнии, где возможно колдовство и чудеса. История трех друзей, которые открывают проход в загадочную Землю мечты во время праздника Солнцестояния и прибытия зловещего карнавала. А мистер Пенниман бродит по прибрежному городку в поисках сребреников Иуды, которые отделяют его от бессмертия, а мир — от апокалипсиса. Когда на берег выбрасывает ботинок размером с лодку и гигантские очки, трое городских сирот — Джек, Скизикс и Хелен — понимают, что происходит что-то неладное, да и старый призрак на чердаке приюта склонен с ними согласиться. В город приезжает зловещий карнавал, которым руководит мрачный джентльмен, имеющий способность превращаться в ворона. Человек размером с мышь, прячущийся в лесу, оставляет Джеку эликсир, который, возможно, позволит ему перейти во время Солнцестояния в другой мир, в таинственные Земли мечты, где хранится ключ к прошлому Джека и где начнутся их приключения. Две тысячи лет назад жил человек, который продал властям ценную информацию за тридцать сребреников. Его звали Иуда, и потом он повесился. Однако монеты все еще существуют — и по-прежнему обладают неуловимой властью над всеми, кто на них претендует. Особенно на мистера Пеннимана, которому не хватает всего нескольких серебряных монет, чтобы собрать их все, обрести бессмертие и запустить конец света... «Красиво, пугающе и волнующе одновременно. Эта книга для любителей живого языка и для тех, кто разделяет мечты автора. Блэйлок — волшебник!» — Орсон Скотт Кард о «Земле мечты» «Чудесное путешествие на поезде в нетипичное фэнтези». — Патриция Маккиллип «Мистер Блэйлок

— оригинальный автор, ориентирующийся на настоящую классику, но при этом готовый внезапно удивить вас не только тем, что он пишет, но и как». — Филип К. Дик «Необыкновенный американский сказочник». — Уильям Гибсон «Это лучший роман Блэйлока — мощный, волшебный, напряженный и смешной, он плывет по сверхъестественным глубинкам северного калифорнийского побережья, и никто из читателей никогда не сможет покинуть его пейзаж сонных прибрежных городков, странных песен, доносящихся с моря, и огромных, неизвестных городов, виднеющихся на сумеречных горизонтах. Автор — лучший из современных писателей, а этому роману суждено стать классикой в своем жанре». — Тим Пауэрс о «Земле мечты» «Поразительная и прекрасно раскрытая сюрреалистическая фантазия... Странная, сложная, мудрая, оригинальная, восхитительная — не пропустите!» — Kirkus Reviews о «Земле мечты» «Этот роман должен узаконить позицию автора как законодателя литературной моды, который не просто исследует старое, а открывает новые горизонты». — San Francisco Chronicle о «Последнем сребренике» «На фоне лирического пейзажа побережья Южной Калифорнии всевозможные теории заговора сталкиваются в веселом балагане, чтобы создать еще одну странную и замечательную книгу». — Publishers Weekly о «Последнем сребренике» «Странные и удивительные вещи в изобилии. Автор хорошо использует прибрежную местность, извлекая свой собственный бренд магии из знакомых мест и привычных вещей. Хотя библейские заговоры и ревизионистские писания сейчас на пике популярности, Блэйлок опередил интерес к ним на несколько лет вперед». — SFF Chronicles о «Последнем сребренике» «Удивительное и загадочное очарование, наполненное персонажами, которые обычно встречаются в романах Джона Ирвинга». — Booklist о «Последнем сребренике»

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-200603-6

© Блэйлок Д., 1987, 1988

© Эксмо, 1987, 1988

Содержание

Земля мечты	7
Часть первая, в которой приезжает передвижной Луна-Парк	7
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	42
Часть вторая. Через чердачное окно	51
Глава 6	51
Глава 7	58
Глава 8	67
Глава 9	77
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Джеймс Блэйлок
Земля мечты. Последний сребреник

James P. Blaylock

LAND OF DREAMS

Copyright © James P. Blaylock 1987

THE LAST COIN

Copyright © James P. Blaylock 1988

© Г. Крылов, перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Земля мечты

*Посвящается Вики.
А также Линн, Рону, Тиму и Кэти,
у которых правильные наклонности*

*Сент-Бёв к старости стал рассматривать весь жизненный опыт, накопленный человеком, как одну огромную книгу, которую нам предстоит изучить, прежде чем отойти в мир иной; и для него, казалось, не имело значения, будете ли вы читать Двадцатую главу, посвященную дифференциальному исчислению, или главу Тридцать девятую о том, как вы слушали игру оркестра в городском саду.
Роберт Луис Стивенсон, *Apology for Idlers*¹.*

Часть первая, в которой приезжает передвижной Луна-Парк

Глава 1

Дождь шел уже шесть дней, когда к берегу прибило огромный ботинок. Ботинок этот был совершенно немислимый, размером с весельную лодку, с истрепанными шнурками, за которые цеплялся целый сад какой-то неведомой розовой растительности и сине-зеленых водорослей.

Стоял октябрь, день уже клонился к вечеру. Небо задышалось от туч и морской пены, образуемой волнами, с ревом бросающимися на обнаженные рифы вокруг мыса. Громадные темные буруны накатывали на берег, напоминая собой наклонные ледяные площадки для катания на коньках; они нащупывали мелководья и обрушивались на них с такими яростью и ревом, что их было слышно за четверть мили от деревни, за фермой Эджвера и за Падшим мостом. Вдоль горизонта под тучами светилась голубая небесная окантовка, напоминающая помятую ленту, протянувшуюся от мыса на север к краю света; эта полоска напоминала старинное изделие из фарфора, водянисто-бледное от дождевого тумана, осевшего на нее.

Ботинок лежал на берегу, и от него пахло ламинариями, мокрой кожей и солеными брызгами. Из-под шнурков торчал наискосок, указуя на небо, язычок, напоминающий обезображенный парус какой-то сказочной яхты, а время от времени волна, более сильная, чем предыдущая, накатывала на песчаный берег кипящей морской пеной и перемещала ботинок еще фута на два в глубину суши, и в конечном счете, когда Скизикс увидел его на закате, ботинок стоял высоко над отступившим приливом, словно какой-то бродяга-великан оставил его там и ушел домой.

Ботинок был наполнен морской водой, которая вытекала из него через швы в подошве, но кожа так набухла за время плавания, что вода уходила очень медленно, и даже под утро ботинок был почти полон. Вода в нем под грозовым небом была темнее колодезной. Но что-то поблескивало в его глубинах – то ли бесстрастная серебристо-зеленая чешуя, то ли серебряные монетки. Чтобы узнать, что же оно такое на самом деле, нужно было закатать рукав и сунуть руку в холодную темную воду.

¹ *Apology for Idlers* (рус. «Апология бездельников») – эссе Р. Л. Стивенсона, 1877. На русский язык не переводилось. – Прим. ред.

Скизикс – так называл себя Бобби Уикхэм, а называл он себя так с пятилетнего возраста, с того самого дня, когда увидел на стене библиотеки картину, изображающую старика в шляпе со страусовым пером. Ему сказали, что это король финляндский Скизикс, который за век до нынешних дней был так знаменит, что теперь его изображение можно увидеть в любом хорошем иллюстрированном словаре. Бобби это имя показалось каким-то птичьим, а великолепие страусова пера в пятилетнем возрасте в мире его ценностей сомнению не подлежало. Теперь, в шестнадцать лет, это имя представлялось ему дурацким, но оно прилепилось к нему, и он, даже если бы и захотел, вероятно, не смог бы от него избавиться.

Он заглянул в самую глубину воды. Верхняя кромка ботиночного борта находилась на одном уровне с его, Скизикса, шеей. Если бы там лежали серебряные монетки, то дотянуться до них было бы все равно невозможно, к тому же они как бы парили у самой поверхности лишь из-за оптического обмана – часть солнечного луча заглянула внутрь, когда тучи в небе на мгновение разошлись над морем. Скизикс раскрыл свой потрепанный зонтик, когда ветерок посвежел и бросил гроздь дождевых капель ему за шиворот. Блеск серебра пропал, и тогда он понял, что это были всего лишь зайчики, отражаемые чешуей стайки маленьких рыбок.

Никакого объяснения этому ботинку не было. Он пробыл в океане неделю или около того – понять это не составляло труда, – приплыл ли он из какой-то далекой земли, или же его отнесло на юг прибрежным течением, неизвестным Скизиксу. Происхождение этого ботинка было таким же туманным, как и появление громадных очков, найденных две недели назад в путанице морской травы. Скизиксу пришло в голову припрятать ботинок. Он решил оттащить его за груды камней и прибитых к берегу коряг, чтобы потом показать доктору Дженсену. Пусть доктор увидит его первым, изучит. Очки они доктору не показывали, повесили их на стене таверны рядом с замечательной двухголовой собакой. Линзы очков были затянuty солью, песком и морскими водорослями, а латунь оправы покрыта патиной, словно превращалась в драгоценный камень. С помощью кухонной лопаточки они соскребли с линз грязь и нарисовали на них клоунские глаза, чтобы возникало впечатление, будто очки смотрят на вас со стены таверны. Двухголовая собака рядом с ними кидала на окружающих горестные взгляды, ее шерсть потускнела и местами выпала.

Скизиксу эта идея ничуть не нравилась. Ведь таким образом они высмеивали и печальную собаку, и доктора Дженсена. Кое-что высмеивать вообще не следовало. Господь знает, что *его*, Скизикса, высмеивали достаточно часто и главным образом по двум причинам: за то, что он был толстый, и за то, что он в любую погоду – стояла ли жара или лил дождь – любил прогуляться по берегу. Он почти было оставил свои прогулки, когда уже начало казаться, что дождь никогда не кончится.

В первый день проливных дождей он с рассветом выскользнул через окно из сиротского приюта, пролежав без сна почти всю ночь и слушая, как дождь молотит по тонкой крыше, как его потоки с урчанием несутся по водостокам, и все утро он провел, бродя под зонтиком по приливным заводям. Он собрал целое ведро хрупких морских звезд – их доктор Дженсен мог продать в южной части города, а к десяти или одиннадцати нужда в зонтике отпала, потому что, с ним или без, он промок с головы до пят. В пещере в склоне холма он разжег костер из прибитого к берегу дерева и весь день просидел, наблюдая за дождем через завесу дыма и нанизывая морские раковины на бечевку, вытянутую из ребер зонтика.

Ботинок доктору пригодится. Один господь знает, что доктор Дженсен будет с ним делать, но что-то точно будет, вот хотя бы исследовать его. Доктору очень были нужны очки, но хозяин таверны, человек по имени Макуилт – у него был свернутый набок нос, и он настолько окривел на один глаз вследствие какой-то изнурительной болезни, что почти ничего им не видел – заявил, что очки доктору он не отдаст. Он повесил их на стену таверны, сказал он, а доктор Дженсен может сам повеситься, если хочет. Для чего Макуилту нужен был ботинок?

Может быть, он соорудил бы из него кадку для цветов и поставил ее перед входом в таверну, а потом по вредности своей позволил ей зарастить сорняками.

Море одним глотком проглотило солнце и даже не поморщилось, и вечерний берег погрузился в темноту. Скизикс просунул руки под поношенную подошву ботинка и попытался его поднять. С тем же успехом он мог бы попытаться поднять целый дом. Ему пришлось вычерпать из ботинка воду, после чего можно было уже думать, что делать дальше, но и в этом случае все его идеи, вероятно, не стоили и ломаного гроша, потому что без помощи ему было не обойтись. К тому же его желудок начал урчать, и он вдруг понял, что если сейчас же не поест, то потеряет сознание. Остатки ланча, что он с собой принес, позволили ему продержаться до полудня. Но с тех пор во рту у него не было ни крошки. Обычно он, плохо ли, хорошо ли, ел в приюте, потом уходил оттуда и ел у доктора. Почему-то около десяти часов ему ничего так не хотелось, как горячей картошки с маслом и посыпанной солью, чтобы над тарелкой поднимался парок, а масло растекалось вокруг картофеля. Потом он ел пустые щи с хлебом в приюте, однако и эта еда была не из худших. Один раз, когда доктор Дженсен на три дня уехал на юг, Скизикс ел сырых моллюсков, и он до сих пор помнил скользкую, как у сырой печени, поверхность этих существ и их запах – так пахли сваи на пристани. Ему бы, вероятно, пришлось голодать, если бы не дочь пекаря Элейн Поттс с пышками. Добрая старая Элейн; но сейчас ее не было, она уехала на юг, на каникулы, и появится только через неделю. Пропустит солнцеворот вчистую.

Голод подавлял его, как бесшумная стремительная волна, и он вдруг поймал себя на том, что карабкается по склону к Прибрежной дороге и железнодорожным путям и деревне за ними. Наступившая вечерняя тьма укроет ботинок. В темноте его никто не найдет, и уж тем более Макуилт, который будет далеко за полночь разливать эль в кружки и собирать монеты. Ботинок был в безопасности. С вершины холма у дороги он казался не более чем приливной заводью причудливой формы. Скизикс поест, а потом найдет Джека Портленда. Джек поможет ему с ботином. Они отправятся за ним сегодня же ночью и притащат к дому доктора на тележке, старик Дженсен откроет им дверь в ночных рубаше и колпаке, а рядом с ним будет стоять миссис Дженсен. Время уже будет близиться к рассвету. Они с Джеком будут без задних ног, вспотевшие после ночной работы по спасению ботинка, и пока доктор будет на улице с фонарем под проливным дождем рассматривать его находку, миссис Дженсен пригласит их в дом и угостит домашним печеньем, кофе, сыром, соленым огурчиком и кусочком пирога.

Скизикс любил думать о еде, в особенности когда был голоден. Каждый день часа в четыре пополудни он витал в облаках, размышляя о еде, которую будет когда-нибудь есть. Несколькими годами ранее он поклялся себе, что настанет время, когда он отправится в кругосветное путешествие и по пути будет заходить поесть во все кафе и гостиницы. Он будет съедать по два десерта, а если и станет толстяком, то хотя бы добрым. Полумеры ни черта не стоили, когда речь шла о еде.

* * *

Когда он добрался до деревни под тучами и деревьями прибрежной полосы, наступила полная темнота. В каминах общих комнат и гостиных плясали веселые языки пламени. Из труб поднимался дымок. Скизикс тащился сквозь дождевые струи по мощеной улочке, которая петляла между домов параллельно Главной улице. За стеклами окон он видел семьи за обеденными столами, сестер и братьев, матерей и отцов – все они поедали картофельное пюре, жаркое с овощами, нарезанные яблоки с корицей. Если бы он постарался, то мог бы вспомнить лицо своей матери, но старался он редко. К тому же он не мог вспомнить, чтобы они вот так же сидели за столом и ели всей семьей. Ведь семьи у него не было.

Теперь у него были Джек и Хелен... и, конечно, Пиблс и Ланц. Джек жил не в приюте; а с мистером Уиллоуби на вершине холма. Джек был влюблен в Хелен, хотя и помалкивал о

своей любви, даже своему лучшему другу Скизиксу ничего не говорил. А Хелен жила в приюте по меньшей мере столько же, сколько Скизикс. Она держала в тайне свое отношение к Джеку, что, без сомнений, того обескураживало.

А вот Пиблса Скизикс недолюбливал. Его вообще никто не любил, за исключением разве что мисс Флис, которая возглавляла приют или по крайней мере была ближе, чем кто-либо другой, к его возглавлению. Пиблс «держал ее в курсе». Она сама всегда говорила: «Пиблс будет держать меня в курсе». После этого она прищуривала глаза, словно в них попал песок, и очень медленно кивала головой. Нос у Пиблса был такой же, как у Макуилта, словно кто-то свернул его набок плоскогубцами, и Пиблс всегда вертелся около мисс Флис, докладывая, что Скизикс слишком много ест.

После этого она целый час читала Скизиксу лекцию о правильном питании. Она говорила, что сама, когда была девочкой, ела только цельнозерновые лепешки и пила колодезную воду. Похоже, так оно и было на самом деле, поскольку она была тоща, как побитое ветром пугало, а под глазами у нее темнели синяки. Скизикс не понимал, какой прок от подобного питания. И даже если бы мог, то вряд ли съедал бы меньше ее пустых щей и хлеба; таких порций хватало разве что на то, чтобы не умереть с голоду. Хелен нередко отдавала ему свою порцию хлеба, потому что была маленькой и говорила, что ей мало надо, а Скизикс приносил ей засушенных морских звезд, пустые раковины многокамерных наутилусов, натиков, которых шторма в изрядных количествах выбрасывают на берег.

Но с Пиблсом приходилось как-то уживаться. Ведь он никуда не девался, все время шнырял тут и там. Уиллоуби называл таких «печальный случай». Его ненавидели почти все, кроме мисс Флис, а больше всех ненавидел его сам Скизикс. По крайней мере, так ему казалось. Скизикс перебрался через невысокий забор за приютом и пошел по высокой, до колена, траве, сунул медную линейку между рамой и оконным переплетом и сместил маленькую задвижку, которая не позволяла окну открыться. После минуты стонов, подтягиваний и дрыганий ногами он пробрался внутрь и упал на пол, закрыл окно, предварительно бросив медную линейку на траву рядом со стеной, и выглянул в коридор, откуда доносилось позвякивание тарелок и стаканов.

В воздухе висел кислый, тяжелый запах вареной капусты. По коридору в сторону Скизикса брели два кота, и он нагнулся, взяв на руки одного из них – белого с оранжевыми подпалинами по кличке Мышь, его любимца. Он был почти уверен, что этот кот может говорить, и в последнее время не раз просыпался посреди ночи и обнаруживал, что кот пристроился рядом с его ухом и нашептывает ему что-то, вот только слов он не мог разобрать. Это солнцеворот был во всем виноват – перевернул все в его голове вверх тормашками.

Завидев его, мисс Флис только моргнула. Ее волосы, казалось, сошли с ума. Половина была собрана сзади в пучок и схвачена бечевкой. Другая половина избежала бечевки и висела у нее на ушах, как весла галеры. Уголки ее рта потянулись вниз.

– Ты опоздал, – пропищала она своим едва ли похожим на человеческий голосом.

– Я заснул. Ужасно устал из-за дождя прошлой ночью.

– Ты опять *лжешь*.

– Так оно и есть, – весело поддакнул Пиблс. – Полчаса назад его не было в кровати. Я к нему заглядывал, а он еще и не появлялся. Его весь день не было. Вы посмотрите на него – у него вся одежда мокрая.

– Да, мистер Пиблс, я уверена, что мокрая. – Мисс Флис смерила Скизикса пронизательным взглядом, который мог означать, что она видит его насквозь, что ему придется сильно постараться, если он хочет водить за нос кого-то вроде нее.

– Это ты врешь, – усталым голосом сказала Хелен Пиблсу. – Я своими глазами видела, что он спал час назад, и опять же это было до ужина.

Теперь пришла очередь Хелен встретить прищуренный взгляд. Мисс Флис оглядела ее с головы до ног, словно в эту самую секунду увидела ее в первый раз. Или словно *только сейчас* увидела в ней предателя.

– А мокрая одежда? – с улыбкой спросила она, улыбаясь и кивая Пиблсу.

– Просто я спал с открытым окном, – сообщил Скизикс, не желая, чтобы Хелен лгала ради него. К этому времени ему было уже совершенно ясно, что сама мисс Флис в его комнату не заглядывала. Она редко туда заглядывала. Обычно она занималась тем, что читала бульварные романы в комнате, которую называла «зала», и предсказывала судьбу за пенни.

А еще она устраивала сеансы. Как-то раз Скизикс и Хелен заглянули в окно и, к своему удивлению, увидели призрака, появившегося в середине спиритического сеанса со стороны кухни. Одна из женщин упала в обморок, другая вскрикнула, и та, что не справилась с эмоциями, решила, что это призрак ее мертвого сына, вернувшегося по вызову мисс Флис. Но это был не ее мертвый сын – впрочем, женщина об этом так и не узнала, – это был Пиблс, обсыпанный мукой и облаченный в черную мантию. Упавшая в обморок была женой мэра, другая – сестрой мэра, а сам мэр откусил кончик сигары и чуть не поджег свои брюки тлеющим пеплом, и потребовался целый галлон дорожущего чая, чтобы вернуть участников сеанса в состояние, в котором они могли добраться до дома.

Хелен и Скизикс выждали день и только потом спросили у мисс Флис, зачем Пиблс вывалялся в муке и что означали дикие крики. Скизикс тем вечером получил лишнюю пайку хлеба, а Хелен была освобождена от мытья посуды, и два следующих месяца они прожили лучше, чем когда бы то ни было за долгие годы: приходили и уходили, когда душа пожелает, находили кусочки солонины в своих пустых щах и со смехом вспоминали время от времени, как они удивились, увидев Пиблса в таком одеянии – в мантии и все такое, вспоминали и о том, как ловко мисс Флис провела двух дам, которые, к своему несчастью, оказались слишком легковверными. А они с Хелен «смогли уличить мисс Флис и Пиблса», гнул свое Скизикс. Получили бы обманщики по заслугам. Но мисс Флис принимала все меры, чтобы избегать таких скандалов, она даже как-то вечером, наступив себе на горло, купила Скизиксу пирог на ужин, и он съел его – поделившись с Хелен – до последней крошки, пока мисс Флис стояла с открытым ртом и шипела, как бомба за мгновение до взрыва, который сровняет с землей дом. Мисс Флис ненавидела их обоих. Как и Пиблс.

После ужина Скизикс снова вышел через окно. Мисс Флис наверняка устроит ему выволочку утром – будет приглядывать за его комнатой этой ночью. Ну и что? Что она может ему сделать, посадить на половину рациона? Он мог бы переехать к доктору Дженсену. Только это означало бы бросить Хелен на растерзание мисс Флис и Пиблсу, а на это он пойти не мог. Она была ему как сестра. Он не прошел и половины пути вверх по склону до фермы Уиллоуби, когда его догнала Хелен.

– Куда мы идем? – спросила она, хотя прекрасно знала ответ: за фермой Уиллоуби не было ничего, кроме рощи секвой и лугов, задущенных ягодными плетями и скунсовой капустой.

– Только до Джека.

– А куда потом?

Скизикс пожал плечами. Он не был уверен, что хочет, чтобы с ними была девчонка в такую ночь, когда буря грозила разыграться не на шутку, а небо заполнили летучие мыши, тучи и ветер.

– Да просто прогуляться.

– Ты врешь так же неумело, как Пиблс. Вы с Джеком что-то затеяли. Что? Я вам помогу. – Она плотнее закуталась в свое пальто и подняла воротник, чтобы защититься от ветра, который задувал сюда прямо с берега и был насыщен туманистой морской солью.

Вообще-то Скизикс был очень даже рад иметь ее под боком. Он пробормотал что-то о том, что негоже девчонкам гулять в такие ночи, но Хелен так на него посмотрела, что он тут же умолк, усмехнулся ей в ответ, словно сказал это только для того, чтобы спровоцировать ее, а он, конечно, именно *для того* и произнес эти слова. Выше по холму ветер дул порывами, подхватывая недавно опавшие листья, словно собирался перенести их в соседний округ. Но после нескольких дней дождя листья затяжелели и потому почти сразу же падали на дорогу и лежали на ней темными и влажными пятнами, отливая лунным светом. По ручейкам и промоинам текла мутная вода, в них теперь до самого лета будет вода, все осадки в конечном счете окажутся в Угрёвой реке, которая, если дожди вскоре не закончатся, выйдет из берегов и затопит фруктовые сады и фермы в низине вдоль берега. Река Угрёвая в устье образовывала маленькие песчаные островки, а потом исчезала в океане над Плато Крутобережья в нескольких милях от Прибрежной дороги, где Скизикс нашел ботинок и куда выбросило гигантские очки.

Дикая фуксия расцветала в тени болиголова и ольхи вдоль дороги, но в темноте поразительный пурпуровый и розовый цвета бутонов терялись. Поросший мхом покров леса напоминал напитанную водой губку, и Скизикс с Хелен держались дороги, полагая, что лежащий на ней лиственный ковер сбережет их обувь от грязи. Вокруг стояла тишина, если не считать звуков внезапно усиливающегося дождя и стенания ветра наверху в кронах деревьев, а один раз, когда ветер спал и в воздухе раздавалось только *кап-кап-кап* воды, падающей с веток деревьев, они слышали доносящийся до них издали рев волн, которые обрушивались на берег бухты позади них и под ними. Другого высокого прилива теперь уже не будет почти до самого утра. Ботинок по крайней мере до утра никуда не денется – так что у них куча времени, как казалось Скизиксу, втроем они запросто доведут ботинок на телеге.

Он не говорил Хелен про ботинок. Она узнает, когда он будет рассказывать Джеку. Девочка пыталась выудить из него, что они собираются делать, и он порадовался этому. Потом она оставила попытки, и он возрадовался еще сильнее, потому что знал: она только притворяется, что ей все равно. И потому он пожал плечами и принялся говорить о том, летают ли бабочки в дождь или не летают, а если летают, то смывается ли дождем пыльца с их крылышек, чтобы они не напалились водой, как листья, и не закончили свою жизнь ковром на дороге. У доктора Дженсена, сказал он, когда-то жила бабочка размером с альбатроса, и у нее были красивые крылья цвета морской волны с серебряными пятнышками, как капли дождя под солнцем. Но тело у нее было телом насекомого – огромного такого насекомого, – и, если ты не хотел лишиться сна, то лучше было на нее не смотреть.

Историю про бабочку он выдумал, и Хелен знала это. Доктор Дженсен *слышал* о таком существе, да почти все слышали. Он собирался съездить на поезде в Лилифилд, где одну такую бабочку поймал сетью коллекционер, человек по имени Кеттеринг, с которым доктор Дженсен учился в школе. Откуда эта бабочка взялась, никто из них сказать не мог, возможно, ее принесло ветром из какой-то далекой восточной страны. Но одной ночью коты мистера Кеттеринга проникли в дом через открытое окно и изодрали крылья этого существа так, что те стали подобны уставшему воздушному змею, который всю осень провисел в ветвях какого-то дерева. После этого бабочка мало чего стоила. От нее фактически осталась только насекомовидная часть. И эта ненормальность отталкивала даже такого ученого, как Кеттеринг.

Хелен сказала Скизиксу, что он дурак; у доктора Дженсена никогда не было такой бабочки, это всем известно. И вообще большинство людей задумывалось: уж не является ли вся эта история выдумкой. Про доктора Дженсена много чего такого говорили, о чем люди задумывались, и именно поэтому почти никто, кроме тех, у кого не было денег, не обращался к доктору, заболев или получив травму. Он, конечно, мог вправить сустав ничем не хуже, чем соседний доктор, но делал он это в своем кабинете, больше похожем на музей – он был заполнен коробками, в которых лежали засушенные морские существа, выкинутые на берег приливом, мотыльки и жуки, змеиные кожи. А на каминной полке лежала челюсть черепа из гипса и

глины, потому что эта штукавина имела размер разломанного пополам обруча бочки, и из нее торчали зубы, подобные игральным картам из слоновой кости. А еще в деревне среди части жителей существовало подозрение, что интерес доктора Дженсена к громадным очкам напускной, а некоторые даже высказывали предположение, что ему эти очки сделали во время одной из его поездок на юг, и он сам забросил их в приливную волну, а потом устроил все так, чтобы их нашли. Зачем ему все это понадобилось, никто не знал. Он чокнутый, говорили некоторые, и это объясняло все.

Когда Хелен заговаривала со Скизиксом о докторе Дженсене в таких тонах, он от нее отмахивался. Он дразнил ее, избегая говорить о ночной тайне, но теперь она опять вцепилась в него. Доктору *нужны были* эти коробки со всякой странной живностью, сказал Скизикс, чтобы продавать на юге домам, поставляющим биологические материалы в Сан-Франциско и Монтерей, потому что врачебная практика на северном побережье не приносила доходов. Хелен сказала, что если бы он вынес всю эту дрянь из своего дома, то к нему стали бы приходить люди, которые не хотят, чтобы, когда им удаляют железы, на них глазели всякие мертвые саламандры и жабы, на что Скизикс ответил, что ничего она не понимает, после чего отказался говорить дальше. Но к этому времени они уже так или иначе пришли к Джеку, а потому Хелен стукнула его кулаком в бок и ударила по руке, чтобы он понял, что она просто валяет дурака. Она, конечно же, все понимала. А вот Пиблс не понял бы – в этом она не сомневалась. Но у Хелен был нюх на нужные вещи, как и у Джека, и Скизикс знал это, а Хелен знала, что он знает. Но она доказала, что может легко вывести его из себя, как и он ее, а потому все закончилось хорошо.

Джек Портленд жил на ферме Уиллоуби. Больше там никто не жил, кроме самого старика Уиллоуби, который за всю свою жизнь дружил только с отцом Джека, если не считать коров и ковов. Скизикс и Хелен кинули по камню в высокие ставни сарайного чердака, а Скизикс еще позвал Джека по имени – прокричал шепотом. Но, по правде говоря, нужды в таких предосторожностях не было, поскольку фермер Уиллоуби наверняка в это время храпел у своего стакана размером с пинту, а если бы и не храпел, то все равно не обратил бы на них внимания. Но ночь стояла темная и ветреная, полная дурных предзнаменований, и Скизиксу хотелось, чтобы все шло по правилам.

После полудожины камней ставни открылись, и в окне появился Джек. Они увидели, что на столике рядом с ним горит свеча, а темный цилиндр его подозрительной трубы отбрасывает темную пляшущую тень на его лицо и открытый ставень напротив. В руке Джек держал книгу, а когда увидел, кто его зовет с лужка внизу, помахал им книгой, а потом исчез внутри, наверно, отправившись за свитером и курткой.

Через минуту он снова появился в окне, закрепил металлические крючья своей веревочной лестницы на подоконнике и сбросил тетивы вниз, а потом и сам мигом спустился, как моряк по трапу. Потом он взялся за один канат, приподнял, потряс им, и крючья соскользнули с подоконника, и вся лестница оказалась на траве. Джек свернул ее, потом отбежал, забросил в дверь, которую потом запер на большой засов. Скизиксу нравилась идея Джека выходить через окна, хотя рядом была дверь. И еще ему пришлось по душе идея читать при свече. Джек, конечно, вполне мог воспользоваться фонарем, но это было бы не то же самое. Либо делай дела правильно, либо ложись в кровать. Что толку рассуждать про здравый смысл, да и вообще про все здоровое, если уж об этом пошла речь.

Скизикс оказался прав, говоря о старике Уиллоуби, который, как сказал Джек, вряд ли проснется до утра, а потому не будет тосковать по своей телеге. Через десять минут она уже грохотала по дороге, а они вдвоем сидели, вклинившись на деревянное сиденье, направляясь к бухте сквозь темную и безмолвную ночь. Небо к тому времени горело множеством звезд, затуманенных рваными облаками, и напоминало драный занавес, полощущийся в открытом окне комнаты, населенной светляками.

Глава 2

Лунного света едва хватало, чтобы видеть, чем они занимаются. Пиблс мог различать контуры кипарисов, согнутых и скрюченных, словно какие-то загнанные существа, которые, вполне возможно, выползли из свежевскрытой могилы перед ним – той могилы, которую он выкопал сам, измозолив до крови руки. Деревья стояли на границе кладбища, где оно упиралось в холмы, самые дальние могилы исчезли давным-давно под путаницей ягодных зарослей и листьев лимона, их наклонные надгробья потерялись под мхом и лишайником. Серебристого лунного света все же хватало, чтобы отбрасывать на землю тени. Луна висела над горизонтом, и тени недавних надгробий тянулись по траве, образуя строгие черные прямоугольники, отчего парнишке, когда он поворачивал голову, казалось, будто все могилы открылись и все они пусты.

Он облизнул руку, неосознанно наслаждаясь медным привкусом крови, но при этом чувствуя себя так, будто он участник ночного кошмара из разряда тех, в которых ты не осмеливаешься шевельнуться из страха спровоцировать что-то и, может быть, оказаться замеченным тем, чем тебе очень не хотелось бы оказаться замеченным. Но ветер, задувавший с гор на восток, вонзавшийся в его загривок и морозивший его пальцы, не имел ни малейшего сходства с ночным кошмаром. В кошмаре ты не ощущаешь никаких дуновений, а этот ветер он чувствовал. И в кровати он не мог проснуться, не мог повернуться в другую сторону и увидеть что-то еще с закрытыми глазами. Но в этом было что-то упоительное – в витающей где-то рядом смерти и темноте.

Он с тревогой посмотрел на кипарисы. Он мог вообразить, что за этими покореженными сучьями, стоящими внаклонку пнями, за треском ветвей под напором ночного ветра скрывается что-то угрожающее. И полностью закрыть глаза он не мог. Глаза его понемногу перемещались туда-сюда. Он видел что-то краем глаза – видел то, чего не должно было быть здесь, понимал, что для обретения уверенности он должен смотреть на них прямо. Тут было плетение ягодных кустов, чуть ли не сверкающее в лунном свете, оно смещалось на ветру, как нечто отвратительное из лесной чащи, состоящее из листьев и прутков, ползущее дюйм за дюймом в сторону кладбища и дышащее на ветру, словно скорбя о каком-то умершем.

Больше всего он боялся того, что они могут найти в гробу. Тело лежало там уже почти двенадцать лет. Он слышал, что волосы у мертвецов продолжают расти даже после того, как кости высохнут, станут хрупкими и старыми. Время от времени, когда вода в реке Угрёвой поднималась, она вскрывала могилы на склоне холмов, и у скелетов, уносимых под постукивание мослов мутными речными потоками к морю, были волосы, ниспадавшие на их плечевые кости, и в путанице этих волос виднелись всевозможные финтифлюшки, с которыми хоронили покойников.

В это время раздались слова проклятия и скрежет лопаты о металлические ручки гроба, а потом ее царапанье по сосновым доскам. На человеке, стоящем перед ним по пояс в могиле, был черный плащ с манжетами. Его темные и маслянистые волосы ниспадали на плечи. Судя по серому цвету его бородатого лица, он и сам, возможно, был уже неделю как мертв, а потом выкопан и оживлен.

Мальчишка, который стоял, опершись на лопату наверху и полузакрыв глаза, а теперь, когда до гроба докопались, был охвачен ужасом, но еще больше боялся ненавистного человека в могиле. В отличие от лунных теней вокруг них и дыхания существ, переносимых ветром, он был самым воплощением ужаса. Несмотря на его слабость – он словно оголодал, устал и страдал от болезни, – его темные глаза смотрели непримиримым взглядом. Но человек в плаще предложил – разве нет? – Пиблсу нечто, стоящее и этого ужаса, и еще кое-чего.

Человек выругался еще раз, а потом прошипел что-то сквозь зубы.

– Что?

– Я сказал, дай мне лом. Глухой, что ли?

Пиблс ничего не ответил, но подобрал ломик, лежавший в сырой траве, и протянул его человеку, который посмотрел на него так, словно был готов убить его на месте и все дела. Человек снова принялся за работу – подsunул ломик под крышку гроба, после чего послышался треск проржавевших гвоздей, выдираемых из дерева, потом скрежет лома, когда подгнившее дерево подалось, крышка хрустнула и сломалась. Человек еще раз выругался и ударил закругленной стороной лома по крышке раз, другой, третий, он молотил и молотил, звук ударов разносился в ночи. Наконец человек перевел дыхание, а от крышки не осталось ничего, кроме щепок, все еще удерживаемых на стенках основания длинными обшивочными гвоздями.

Когда облако закрыло луну, Пиблс отвернулся. Деревья над ним погрузились в темноту, медленно исчезли тени надгробных камней. Капля дождя упала на его руку, которая с такой силой сжимала черенок лопаты, что тот задрожал. Упала еще одна капля, потом еще. Через час гравийная дорожка из кладбища превратится в мутный ручей, в котором завязнут колеса их тачки, а домой ему придется идти две мили под дождем. Он поправил очки у себя на носу, приложил козырек ладони ко лбу, защищая очки от воды, и посмотрел на человека в черном плаще, который стоял рядом с могилой и с ухмылкой смотрел на него испепеляющим взглядом, словно не мог принять решения – то ли ему радоваться без меры, то ли без меры злиться.

Пиблс заглянул в могилу, ожидая увидеть там зубы без десен и пустые глазницы, клочок седых волос, грязную и поеденную червями одежду, сморщенную на ксилофонной кривой грудной клетки. Это видение его пугало, но одновременно и очаровывало. Что-то в нем питало слабость к идее смерти и разложения. Как-то ему попалась книга на высокой полке в деревенском книжном магазине, в ней он нашел изображения инструментов для пытки и мертвого человека на виселице. Он вырвал страницы с этими картинками и сохранил их, хотя и боялся, что их могут найти, одновременно ненавидя людей, которые могут их обнаружить, потому что именно они были виноваты – а разве нет? – в том, что он вынужден жить в страхе быть обнаруженным. То были всего лишь картинки, а то, что лежало в могиле мертвым все эти долгие годы, вовсе никакая не картинка.

Он наклонился, чтобы разглядеть получше, с наслаждением предвкушая потрясение ужасом. Но его ждало разочарование. Скелета было почти не видно под обломками крышки. И паутины волос непомерной длины он не увидел. Плоть обратилась в прах и, казалось, даже кости начали разрушаться, а потому скелет состоял из разлагающихся частей, напоминая поучительную иллюстрацию из археологического учебника.

То, что лежало в гробу, являло собой такую безвозвратную мертвечину, что и пугаться-то было нечего. Он не увидел ни разлагающейся плоти, ни ухмылку зомби – только медленно исчезающие останки давно мертвого и забытого человека, укрытые грудой книг и стеклянной посуды, словно погребенные под содержимым комнаты алхимика, обрушившимся на них в ходе землетрясения. Он увидел обломки слегка затушеванной слюды и с полудюжины конических мензурок. Тут же были фрагменты катаной меди и обломки стеклянных трубочек, торчавшие из всего остального, как копья. Была здесь и глиняная емкость, которая вполне могла вместить отрезанную голову, и в ней лежал потрескавшийся гипсовый бюст бородатого человека со свирепым лицом, челюсть и левое ухо у него отсутствовали. По гробу были разбросаны длинногорлые винные бутылки без этикеток.

Человек в плаще молча сидел на корточках перед могилой и гладил свой подбородок. Пиблс подошел поближе и, плотнее закутавшись в куртку, чтобы защититься от дождя, принялся разглядывать щепки, разбросанные по гробу. Луна снова появилась из-за облаков, словно с лампы неожиданно сняли покрывало, и лунное сияние на мгновение осветило кри-вое стекло тяжелой, почти непрозрачной бутылки, которая наполовину была заполнена какой-то темной жидкостью. Человек наклонился и достал книгу, которая, казалось, перегнулась от

влаги. Ее страницы склеились, а обложка оторвалась от корешка, словно черви, сведя тело к одной хрупкой оболочке, решили поработать над кожаным переплетом книги. На первой странице книги сверху черными чернилами было написано «Ларсу Портленду от Дженсена», а потом шли дата и год, канувший в вечность двадцать пять лет назад.

Книга выпала из бледных рук в могилу, скользнула по земляной стенке и улеглась рядом с наполовину заполненной бутылкой.

– На что уставился?! – вскричал человек, повернувшись к мальчику, который читал через его плечо. Пиблс подался назад, споткнулся о лопату и упал спиной на мокрую траву. Человек рассмеялся низким гортанным смехом и покачал головой, потом снова потянулся рукой в могилу, взял бутылку, понюхал и швырнул в ночь.

Потом он вытащил череп и принялся вглядываться в него, постукивая пальцем по его затылку. Хрупкая кость треснула под его ногтем, словно это была оболочка дерева, внутри съеденного термитами.

Он стиснул череп обеими руками и сжал так, что тот раскрошился, а хрупкие зубы попали в могилу. Следом за зубами он бросил и то, что осталось от черепа.

– Мертв тысячу лет, – пробормотал он, а потом его пробрала дрожь, словно от холода.

Молния, прорвавшаяся сквозь тучи, осветила кладбище, потом грянул гром и внезапно хлынул ливень. Человек, не сказав ни слова, натянул шапку на лоб и, ссутулившись, устало пошел по траве, ступая по могилам своими ботинками. Мальчик смотрел на него несколько мгновений, потом вскочил, схватил лопаты, ломик и тяжелое кайло, поспешил с этим грузом следом за человеком, пока не догнал его. Человек ударил его по лицу тыльной стороной ладони, вырвал грязные инструменты из его рук и зашвырнул подальше. Потом посмотрел на сжавшегося от страха мальчика и сказал:

– На кой черт нам краденые инструменты? – Он сказал это так, будто объяснение оправдывало его жестокость, потом грубовато помог мальчишке забраться на телегу и сел сам, взял вожжи. Телега, громохкая, направилась к Прибрежной дороге, ветер приносил раскатистый смех, ревавший им вслед, потом смех сменился звуками мучительного кашля, а все это скрепила воедино длинная очередь проклятий. Кладбище за считанные мгновения погрузилось в пустующую темноту под затянутым тучами небом, и дождь хлестал по мху и траве, накапливался, и вскоре потек ручейками по склону в сторону моря, часть воды пролилась в зев недавно открытой могилы, заливала странный мусор в виде книг, стекла, костей и прочей всякой алхимической всячины, словно поднимающаяся приливная волна, погребаящая под собой причудливых обитателей давно высохшей приливной заводи.

* * *

Ботинок по-прежнему стоял на потемневшем ночью песке и напоминал выброшенного на берег кита. Они выехали на скользкую, утрамбованную поверхность дороги, идущей вдоль берега, остановились, заблокировали колеса и надели на морду лошади мешок с кормом. Времени у них оставалось в обрез – уже перевалило за полночь, а им нужно было добраться до доктора к двум, если они хотели выклянчить еду у миссис Дженсен. Что касается Хелен, то еда не очень ее заботила, в отличие от Джека и в особенности от Скизикса, чей желудок в этот момент заявлял о себе, как о сдувшемся шарике. Он жалел, что не взял с собой что-нибудь перекусить, но с этим уже ничего поделать было нельзя, так что им не оставалось ничего другого – только поспешать.

Джек поставил фонарик со шторкой на выброшенное на берег бревно так, чтобы свет падал на ботинок, после чего они все втроем принялись вычерпывать из ботинка воду подойниками. Но несмотря на громадные размеры ботинка, они не столько вычерпывали воду, сколько мешали друг другу, а когда Хелен опрокинула целое ведро морской воды на брючину Скизикса

сзади, он оставил это занятие и в бешенстве пошел искать жердины, чтобы использовать их как рельсы.

Задник ботинка был задран вверх, поэтому они осушили эту его часть первой, а потом попытались опрокинуть ботинок, чтобы вылить остальную воду в песок. Но Хелен с Джеком не смогли с этим справиться. Из темноты появился Скизикс, притащивший длинные, напитанные водой жердины – по одной в руке, и теперь они попытались втроем перевернуть этот злосчастный ботинок, но тот стоял, как вкопанный. Тогда они подсунули одну из принесенных Скизиксом жердин – это было здоровенное сломанное весло, как им показалось, с громадного затонувшего весельного корабля – под носок, потом вклинили туда другую деревяшку, после чего принялись заталкивать первую еще глубже под подошву таким образом, чтобы ботинок развернулся пяткой к морю. Затем они с помощью своих рычагов-жердин принялись поднимать носок, чтобы вода перелилась из носка в пятку. Они вычерпали из него воду и наклонили еще сильнее, вычерпали воду еще раз и наконец положили ботинок набок. Океанская вода хлынула из него, обтекая язычок и шнурки, вынося с собой косячок серебристых рыбок, которые вылетели на влажный песок и начали на нем извиваться.

Хелен стала подбирать рыбок и бросать их в свое ведро, потом поняла, что там нет воды, и понеслась туда, где пенистые волны налетали на берег, зашла в море по щиколотку, набрала ведро и побежала назад – туда, где Скизикс и Джек укладывали ботинок на две жердины.

– Останься там, где стоишь, – гаркнул Скизикс, который все еще бесился из-за своих мокрых брюк.

– Я должна спасти этих рыбок.

Скизикс смерил ее сердитым взглядом, говорившим, что сейчас не время спасать рыбок, но она сделала вид, что не видела его взгляда, и продолжила свою спасательную операцию. С громким стоном, подразумевавшим, что ему никогда не понять таких девчонок, как Хелен, Скизикс оставил ботинок и тоже стал подбирать рыбок и бросать их в ведро Хелен с подчеркнутой осторожностью, давая ей тем самым понять, что, хотя у него есть работа и поважнее, он готов угодить ей ради ее рыбок. За каждую рыбку, брошенную им в ведро, она говорила ему «спасибо», а потом стала делать вид, что это рыбки говорят ему «спасибо», и ее рыбки разговаривали со Скизиксом высокими булькающими голосами, словно пускали пузыри в воде. Скизикс сделал угрожающий жест, притворившись, будто собирается съесть одну из рыбок – откусить ей голову и тут же проглотить.

Хелен сделала вид, что ничего не видела, развернулась и снова пошла к воде, чтобы выплеснуть несколько дюжин рыбок в отступающую волну. Скизикс бросился следом за ней, кинул в ведро свою рыбку, а потом с умным выражением на лице сказал Хелен, что она молодец – не купилась на его дурачество, а ее не менее умный ответ заглушила зигзагообразная молния с одновременным ударом грома, под который они оба бросились назад к ботинку, пригибаясь под струями дождя, принесенного сильным ветром и молотящего поверхность моря. За считанные секунды они промокли с головы до пят.

Они обсудили, не стоит ли им укрыться в пещере отвесного берега, но пришли к выводу, что это дело бесполезное, на них уже и так не осталось ни одного сухого места, так что не имело смысла прятаться от дождя, к тому же, чем дольше ботинок будет стоять под дождем, тем больше воды в него попадет и тем тяжелее он станет. А потом они поставили его каблуком вперед на жердины и принялись толкать вниз к воде, где перед ним образовалось что-то вроде носовой корабельной волны, а скорбные, мокрые от морской воды шнурки ботинка волочились следом по обеим сторонам.

– Нам нужны еще две жердины, – объявила Хелен, и сразу вся тройка отправилась на поиски. Джек нес фонарь таким образом, чтобы шторка была защищена от дождя, а пробивающийся через нее слабый свет освещал темный берег. На берег было выброшено немало вся-

ких коряг, но ничто не подходило для их нужд, а то, что могло подойти, было погребено под бревнами и ветками и отчасти зарыто в песок. И когда дальнейшие поиски уже стали казаться бесполезными, Скизикс нашел кладбище старых железнодорожных шпал, сброшенных сюда с гребня наверху. Они без труда унесли две штуки. Ветер хлестал их в лицо, и волны прибоя с ревом бросались на скалистую оконечность бухты, но они дотащили шпалы до места, где под завесой дождя лежал ботинок.

Никто из них не оспаривал глупость их миссии. Перед ними стоял побитый и пропитанный водой ботинок, который, по существу, был не нужен никому, кроме какого-нибудь великана. Но, насколько им-то было известно, ни здесь, на берегу, и нигде в другом месте великаны не водились. А этот ботинок никуда не денется и утром – если они его оставят, – и потому, может, не стоит тащить его ночью, увязая во влажном песке, под холодным дождем.

Но было что-то замечательное в выполнении бесполезной работы. Ее можно было превратить в разновидность искусства. Как-то раз они потратили целый день и целую ночь, сооружая укрепленный песочный замок на этом самом берегу. Доктор Дженсен обещал восемнадцатифутовый прилив на следующее утро, и они рассчитали, на какой высоте строить этот замок, чтобы рок его точно настиг. В замке на песке не было никакого величия, если приливная волна не доходила до него. Они построили вокруг замка стену из камней, которые приносили в ведрах с галечного вала на юге, выкопав внутри ров глубиной до пояса, а потом между рвом и замком соорудили ограждение, углубленное на два фута в песок, и оплели его бурыми водорослями, и обложили всяким плавучим мусором, который мог принять на себя унцию-другую наступающей воды.

Они работали допоздна, а потом уснули в пещере над берегом. Все трое проснулись после полуночи, чтобы продолжить работу над сооружением замка на песке при свете луны, и они все еще работали – строили позади замка город минаретов, куполов, бетонных дорог, – когда небо на востоке побледнело, а луна исчезла за водянистым горизонтом, полежав мгновение дымчатым островом на море. Они видели из пещеры, как прилив покатился по берегу, но слишком устали, чтобы отреагировать иначе чем безмолвным счастьем, когда камни, ров и стены выдержали первую атаку волн. Но за ними последовали новые волны, они наступали длинными прямыми рядами из темного океана, размывали песок за стеной из камня, уносили из кучи все деревянное, заполняли ров и обрушивались на башни, шпили и купола, заполняли подземные туннели. Не прошло и минуты, как на берегу не осталось ничего, кроме горки влажного песка, возвышавшейся, словно черепаший панцирь, и маленькой площадки в форме веера, усеянной хаотически гладкими камнями и деревяшками.

Их отделяли от ботинка ярдов двадцать, когда с вершины холма до них донесся резкий свисток поезда. Скизикс вскрикнул от удивления и уронил шпалу, которую тащил по песку, держа один ее конец обеими руками. Джек тоже кинул свою шпалу и во всю прыть бросился к пещере, Хелен припустила за ним по пятам. Они карабкались по песчанику склона, соскальзывали, цеплялись и подтягивали себя к входу в пещеру, в которой ее своды защитят их от дождя. Оттуда они могли видеть железнодорожный мостик в том месте, где пути пересекали водный поток футах в восьмидесяти от них вдоль берега.

Железнодорожные пути давно уже пришли в негодность. Их перекосило, поела ржавчина, и немало шпал много лет как пали жертвами термитов и скользких склонов. Но было в этой ночи что-то, как и в дожде, и в ветре, и в приливе, и в темной громаде ботинка, стоявшего на песке, словно туша бегемота, – во всем этом было что-то, делавшее невозможное появление здесь поезда отчасти ожидаемым.

Много лет назад тут ходил на север прибрежный поезд «Летающий волшебник», который из Сан-Франциско отправлялся сначала на юг и подбирал пассажиров в городках на границе с субтропиками. Однако со временем население на севере уменьшилось, и нужда в этом поезде отпала. И в дождливый сезон вода с прибрежных гор крошила склоны отвесного берега, под-

мывала шпалы и пути, снося их понемногу в сторону волнующегося океана вниз. В конечном счете пути пришли в ветхое состояние. Последний поезд – странным образом – прошел здесь во время солнцеворота двенадцатью годами ранее, но никто так и не понял, то ли пути подремонтировали по такому случаю, то ли поезд с луна-парком к солнцевороту в Рио-Делле и Мунвейле оказался здесь каким-то чудом.

Раздался еще один свисток и скрежет тормозов, и Джек со своего места в пещере увидел пар, клубящийся из-под вагонов. Поезд замедлялся. Он проехал по кривым путям, и в какой-то момент могло показаться, что он собирается пересечь поток по мостику, но тут он почти мгновенно исчез за пеленой дождя и за секвойями, которые спускались по склону к морю. Один за другим подернутые туманом вагоны проносились мимо, темные и низкие, открытые и загруженные странными угловатыми машинами.

– Что это? – прошептал Скизикс, имея в виду не поезд, а хлам в вагонах.

Джек отрицательно потряс головой, поняв вдруг, что его трясет еще и от холода. Ветер с океана задувал прямо в пещеру, доходил до задней стены и возвращался к выходу. Здесь он был суше, чем на открытом берегу, но там, по крайней мере, их головы были заняты чем-то другим, а не холодом и влагой. Холод, казалось, пришел вместе с поездом, может быть, поезд и привез его вместе с паром, который вихрился и уносился в подернутую туманом ночь. Они не видели поезд, но услышали, как он остановился, и Джек предположил, что, хотя ветер и дует в противоположном направлении, сюда доносится мягкое пыхтение работающего вхолостую двигателя.

– Всякое аттракционное барахло, – прошептала Хелен.

Скизикс подпрыгнул, словно Хелен ткнула ему пальцем в ребра.

– Что?

– В вагонах. Эта круглая штуковина – колесо обозрения, а еще там в одном из вагонов были маленькие кабинки для колеса. Ты что – не видел?

– Да, – сказал Джек, потому что уж он-то, *конечно*, видел, хотя понятия не имел, на что смотрит. Хелен родом с юга, из Сан-Франциско, и уж она-то луна-парков повидала немало. Но на север со дня последнего солнцеворота никаких карнавалов не приезжало, а Джек был слишком юн, чтобы помнить, что такое луна-парк. Того, что случилось во время последнего карнавала, он не мог полностью забыть, никогда... хотя время от времени у него, возможно, и возникало такое желание. В библиотечных книгах он видел фотографии луна-парков и прекрасно знал, что такое колесо обозрения. Но одно дело увидеть такое колесо в книге, собранным, в подсветке, когда весь парк внизу под ним, и совсем другое дело – увидеть колесо разобраным в вагоне проезжающего мимо с грохотом поезда.

– Почему вы думаете, они останавливаются в самой нижней точке? – спросил Скизикс шепотом, но достаточно громким, чтобы услышать за шумом дождя. Ни Джек, ни Хелен не ответили, потому что не знали, а потому Скизикс сам и дал ответ на собственный вопрос: – Я готов поспорить, это какая-то механическая поломка. Мы могли бы проехать по Прибрежной дороге и посмотреть.

– Я замерзаю, – сказала Хелен. – Если я куда и поеду, то только домой в кровать. Никто из нас ничего не знает про этот поезд, и меня это вполне устраивает. Ему тут совершенно незачем останавливаться. У него здесь *не может быть* никаких дел. Если нам повезет, то он уедет до того, как мы доберемся до Прибрежной дороги, я уж не говорю – до берега, а он сейчас, судя по звуку, именно там и находится.

С этими словами она и Джек вышли под дождь, соскользнули по склону к берегу, где взяли железнодорожные шпалы и подтащили их к ботинку. Джек смотрел, как Хелен несет шпалу на плече, балансируя ею, словно та ничего и не весит. Он восхищался ею. Ему нравились и ее темные мокрые волосы, и ее старенький шерстяной свитер. Она увидела, что он смотрит

на нее, из-за чего он тут же смущенно отвернулся, уронил свою шпалу на песок, а потом снова закинул на плечо, радуясь тому, что в дождливую ночь не видна краска, залившая его лицо.

Скизикс и Джек подтащили ботинок, затолкали его на пару установленных параллельно шпал, а потом поволокли, как по рельсам. Доехав до конца, они остановились в ожидании, когда Хелен притащит им пару оставленных позади жердин; они бросили их в песок, как продолжение шпал. Так они и меняли одни рельсы на другие, толкали по ним ботинок, пока усталые и промерзшие, не добрались до телеги с впряженной в нее уснувшей лошастью. Джек на всякий случай уложил одну шпалу перед задними колесами. Потом они втроем подняли носок ботинка на задник телеги. Хелен и Скизикс крепко ухватились за него, а Джек обежал вокруг, подставил плечо под пятку, чтобы не дать ботинку упасть на дорогу. Теперь двое его друзей принялись тащить ботинок наверх, а он подпирал его снизу. Так совместными усилиями они затолкали ботинок целиком на скользкую от дождя телегу и задвинули его до самого конца, пока он не уперся в перекладину спереди. Лошадь проснулась и заржала, тряхнула головой, чтобы прочистить глаза. Тяжелыми, пропитанными водой шнурками они привязали ботинок к боковинам, оставив половину каблука свисать с телеги.

В четверть третьего они уже молотили в дверь доктора Дженсена колотушкой, а еще через десять минут стояли, дрожа, в комнате у его камина, смотрели, как миссис Дженсен включает духовку и вытаскивает из кладовки пирог. Слава богу, дрова в камине еще не догорели, потому что доктор ложился и топил камин поздно, и угли в нем так пылали жаром, что не стоило никакого труда растопить его заново, и через считанные секунды дрова в нем уже снова запылали.

Ботинок они перетащили в каретный сарай доктора, где хранились и несколько других сокровищ – округлый, выпуклый лист треснутого стекла, похожий на какое-то невероятное часовое стекло; медная пряжка от пояса размером с оконный переплет; и запонка, которая вполне могла сойти за серебряное блюдо. Но ботинок был лучшим из всех экспонатов, потому что, если часовое стекло, пряжка и запонка могли быть изготовлены изобретательным ремесленником с намерением подшутить над кем-нибудь, то ботинок – нет. Его явно носили. Каблук был сношен до такой степени, что под ним просматривалась подошва, носок был поцарапан и подран, а сбоку снаружи образовался выступ, словно ботинок был маловат великану-владельцу и его ступня боком все время давила на подъем ботинка изнутри и растянула кожу.

Доктор Дженсен от радости потерял дар речи. Казалось, этот ботинок доказывает ему что-то, как и невероятное появление поезда, которое к тому же встревожило его. Но он так и не сумел толком объяснить, что доказывает ботинок и чем тревожит поезд. Для Скизикса это не имело значения – его в этот момент не интересовали слова, – он ни на мгновение не отрывал глаз от окна освещенной кухни. А вот Джека это волновало.

Случилось что-то, затрагивавшее его лично. Он в этом не сомневался. Что-то пришло с этим дождем. Воздух, казалось, сместился, словно сменились сезоны. Утром он чуть ли не ощущал запах перемен через окно. Океан волновался. Ветер дул днем и ночью. Скот стал капризным и опасливым, коровы паслись и все время посматривали по сторонам, словно слышали чье-то приближение по открытым полям, хотя видно ничего не было, кроме высокой травы, колышущейся на ветру, или тени проплывающего по небу облака.

Двумя днями ранее Джек проснулся посреди ночи от звука коровьего мычания в сарае внизу. Он распахнул окно, решив, что кто-то бродит поблизости в темноте, но не увидел ничего, кроме ночных теней и залитого лунным светом лужка с лесом и холмами, поднимающимися вдаль. Но низко над горизонтом за Мунвейлом в небе сверкали огни, словно в грозу, вот только у огней была окраска, хотя и слабая – голубая, лазурная и зеленая, и грома не было слышно пусть бы и далекого, в воздухе висела тишина, какая бывает перед грозой. Потом начался дождь. Он, казалось, омыл небеса, словно освободил от акварельной раскраски.

Позднее той ночью он услышал звуки голоса. Он проснулся, но никого рядом не увидел, только по стропилам под крышей пробежала мышь. Но вдруг остановилась, повернулась и с

любопытством посмотрела на него, странно приподнявшись на задних лапках. А на следующее утро он сделал необычное открытие: вода из ванной, когда он вытащил заглушку, полилась в дренажное отверстие, но еще и через борт, и через мгновение ванна сделалась сухой, это напомнило ему картину, на которой океанская вода сливалась куда-то через край плоской земли. Здесь же вода должна была закрутиться вихрем вокруг дренажного отверстия, но ничего такого не случилось. Солнцеворот имел побочные эффекты такого рода, он изменял порядок вещей, иногда на срок в две-три недели, иногда – навсегда. Но Джек забыл об этом. Нужно было доить коров, сгребать траву в снопы, а он отсутствовал вторую половину дня, провел это время с Хелен и Скизиксом, они относили еду и одежду Ланцу, их рассеянному другу, который жил один в лачуге на лугу над морем.

Ланц мог бы жить у мисс Флис, если бы захотел, деревня платила бы за его пребывание там. Но ему больше нравилось одиночество. У него был зверинец из чучел, поеденных жуками и рассыпающихся на части, но он с ними разговаривал тихим голосом, а обзавелся ими, когда таксидермист Райли закрылся из-за отсутствия заказов. Ланц в некотором роде был похож на одно из своих чучел – высокий, ссутулившийся и драный, набивка из него словно высыпалась, а ходил он на расхлябанный дерганный манер – если бы его таким увидела мисс Флис, то завопила бы благим матом. Что касается разговоров, ему больше нравилось общаться со своими набитыми опилками существами, чем с любым из тех, кто мог ответить ему словом.

Хотя он и мог прибиться к мисс Флис, сиротой в прямом смысле этого слова он не был, или по меньшей мере никто не был уверен, что он – сирота. Кто-то говорил, что он сын Макуилта, владельца таверны, и горбатой цыганки, которая держала птиц в чердачной комнате над таверной. Несколькими годами ранее теплыми летними вечерами можно было услышать ее пение канарейкам. Пела она трелевые песни, похожие каким-то образом на восточные и древние, их словно пели на языке самих птиц. В один прекрасный день жители деревни обнаружили, что среди птиц живет мальчик, считалось, что мальчик нем, хотя позднее выяснилось, что Ланца просто не научили говорить на каком-либо другом языке, кроме языка канареек. Макуилт настаивал, что ребенок этот – найденный, которого он отдал цыганке с выплатой ежемесячно определенной суммы и все это чисто от доброты сердца. Последнее его заявление надолго превратилось в своего рода шутку, люди говорили, что все это выдумки, поскольку все знали, что такого органа, как сердце, у Макуилта нет.

Эта шутка в изрядной мере основывалась на скандальной действительности. Про Макуилта справедливо говорили, что вероятность принятия им найденного или содержания цыганки не больше, чем вероятность подачи им золотой монетки в виде милостыни нищему, иными словами, такой вероятности не существует вообще. Женщина умерла, как говорили, во время родов, когда Ланцу было восемь, и некоторое время ходил лаконичный злой слух, что родила она какое-то чудовище, и Макуилт не поскупился взять в аренду лодчонку и в спокойную погоду отправился в море, отгреб от берега на три мили и выбросил выродка в океан на глубине. Некоторые даже шли еще дальше: говорили, что под воздействием чистого ужаса он убил и женщину, но доказано это так и не было.

Так или иначе, но Ланц убежал в лес и остался там, а деревенские ребята приносили ему все, что требовалось для выживания. В деревню он избегал заходить, хотя иногда и помогал Скизиксу вылавливать всякую живность из приливных заводей, а время от времени миссис Дженсен навещала его хижину над отвесным берегом с корзинкой еды. Как-то раз Хелен принесла ему канарейку в клетке, но Ланц в ужасе убежал при виде птицы, и после того случая они не видели его несколько месяцев.

Все это было очень странно, и чем позднее ночью Джек задумывался об этом, тем все более странным оно ему казалось. Размышлять о подобных делах после полуночи – такое себе дело. Внутрь проникло немного тьмы, которая набрасывала тени на то, что было обыкновенными подробностями и событиями. Поздний час исподтишка и понемногу менял их облик,

пока ты не начинал видеть закономерности в камнях, лежащих в истоптанных лугах твоего мозга, повторяющиеся детали, которые были приблизительными очертаниями почти узнаваемых форм.

Джек стряхнул с себя сон. Миссис Дженсен выкладывала на стол остатки яблочного пирога, рядом стоял кувшинчик со сметаной и лежал большой кусок мяса и крупный клинышек сыра. Скизикс кивнул Хелен из вежливости, потом сел и угостился говядиной и сыром. Вид Скизикса, поглощающего еду, рассеял все сомнения, подозрения и колебания в голове Джека. Садясь за стол, он подумал, что в яблочном пироге что-то есть, превращающее все его ночные страхи в насмешку. Но откусывая пирог раз за разом, он, сонный и сохнувший перед огнем, не мог прогнать мысли о звуке мечущегося ветра и барабанищего дождя.

Глава 3

Джек Портленд проснулся поздно утром с ощущением, что только что поел. У него ушло несколько мгновений на то, чтобы понять, что он два часа посреди ночи провел у доктора Дженсена, подражая Скизиксу, который непрерывно уминал еду.

Небо немного расчистилось. Оставшиеся облака неслись по небу, гонимые порывами ветра и иногда роняя на землю капли дождя, чтобы совсем не утратить навыка, но явно имея намерения обратиться наконец в бегство.

Из чердачного окна в ясный день Джек мог видеть полпути до Мунвейла. Разглядеть дальше мешали Мунвейлские холмы и окутывающий их низкий подвижный туман. Было бы, наверное, хорошо иметь возможность в весенние рассветы видеть далекий шпиль крытой гонтом церковной крыши или перья сонного дыма, витающего над далекими трубами, как туманное обещание волшебства за этими холмами. Но Мунвейл находился слишком далеко, а шпили его церкви были скрыты от глаз. Любой дымок из каминной трубы вполне мог оказаться плывущим облаком, а единственным свидетельством существования города было слабое мерцание по ночам на горизонте, тянущееся почти до самого моря.

Он никогда не был в Мунвейле, в отличие от Хелен. Будь жив его отец, они вдвоем побывали бы и в Мунвейле и дальше. Когда-нибудь... подумал Джек. Но мысль о том, чтобы покинуть Рио-Делл и отправиться в путь в одиночестве, лучше было оставить мечтой. Так было безопаснее. Как и большинство мечтаний, и это, сбывшись, могло немного потускнеть.

Ветер задувал в открытое окно, шелестел страницами его книги. Джек протянул руку и захлопнул один из двух ставней, зафиксировал его деревянным штифтом, и в этот момент ветер с грохотом захлопнул второй. Хотя слабый свет и пробивался внутрь через дырки от сучков и в щели между дубовыми досками стен, для чтения этого не хватало, а потому Джек зажег три свечи на столике рядом с кроватью, посмотрел на язычки пламени, которые плясали и подмигивали, когда ветер сквозь щели между досками добирался до них совсем уж слабыми дуновениями. Ему хотелось найти такую книгу, которой, казалось, не требуется ни начало, ни конец, которую можно читать с любой страницы и при этом ничего не упустить – этакое неторопливое чтение при свечах.

Он, конечно, мог бы спать и в доме. Мистер Уиллоуби вполне мог согласиться на это, такой вариант мог даже быть предпочтительнее для него. Иногда мистеру Уиллоуби хотелось пообщаться еще с кем-то, кроме котов. Джеку редко хотелось иной компании, кроме его друзей. Приблизительно через год после смерти отца Джека мистер Уиллоуби ни с того ни с сего попросил мальчика называть его «папа». Джек предпринял мучительные усилия, выполняя его пожелание, и они оба целый месяц с трудом пытались привыкнуть к этому обращению, но оно никогда не казалось естественным ни одному, ни другому, а потому Джек отказался от этой затеи. Спустя какое-то время он остановился на обращении «мистер Уиллоуби», а спустя несколько лет сократил его до «Уиллоуби».

Джек прожил с матерью несколько коротких лет и почти не помнил ее, только по печальным, обычно пьяным реминисценциям старика Уиллоуби. У Джека была фотография матери в бархатном платье – том самом платье, в котором она умерла. Уиллоуби приходился ей дядей, и теперь был единственной семьей, какая оставалась у Джека. Уиллоуби старался как мог, но не был создан для воспитания мальчиков-сирот. Уиллоуби вообще мало для чего был создан, но взгляд на вещи у него был правильный.

«Фермер из меня никудышный», – мог признаться Уиллоуби, покачивая головой, словно вспоминая что-то такое, говорить о чем не имел полномочий. Джек называл это откровением третьего стакана – сентиментальность и грусть, но без крайностей отчаяния, которое наступало после пятого стакана. И Уиллоуби был прав, хотя и не вполне. Его ферма представляла собой образец разора в виде запущенных, заросших сорняками пастбищ, сломанных заборов и с полдюжины коров, обо всем имеющих свое мнение, эти коровы, по мнению Джека, считали себя истинными *хозяевами* фермы. Как-то раз в солнечный день Джек увидел одну из коров скачущей по деревенской улице совсем рядом с муниципалитетом; у Джека не было ни малейших сомнений, что скачет она в муниципалитет, чтобы попытаться внести поправки в документы Уиллоуби на право владения землей в обмен, возможно, на шестьдесят тысяч кварт молока во временное пользование.

Но слова Уиллоуби «фермер из меня никудышный», казалось, намекали, что есть и другие области деятельности, к которым он приспособлен в гораздо большей степени. Его жизнь могла бы сложиться и по-другому, вытекало из его откровений. Он вспоминал мать Джека, покачивая головой. Тогда Джек менял тему разговора, радуясь, однако, тому, что хоть ненадолго, но мог заглянуть в прошлое. Доктор Дженсен как-то сказал Джеку, что настанет день, когда он ясно увидит все, что случилось, и Джек решил, что Уиллоуби прав. Он нередко был прав на свой манер.

Когда Джек в двенадцать лет переехал из дома в сарай, Уиллоуби сказал, что Джек точная копия отца и когда-нибудь переедет в царства, гораздо более отдаленные, чем сеновал.

Но отец Джека был мертв – застрелен на лугу. Джек полагал, что у Уиллоуби это такой способ философствовать о смерти – называть смерть царством, будто она представляет собой нечто большее, чем ничто. Это называлось «оптимизм после двух стаканов», выпитых Уиллоуби, и этот оптимизм сопровождался прищуриваниями, кивками и немедленно третьим стаканом, который, будучи выпит залпом, прекращал подобные мистические разговоры и переводил голову Уиллоуби из режима кивков в режим отрицательного покачивания. Однако после семи стаканов его голова возвращалась к прежнему режиму кивков, сопровождаемых глубоким звучным храпом. Храп этот продолжался до утра и был одной из причин, по которым Джек переехал на чердак в сарае.

Другая причина восходила к одному вечеру, когда семь стаканов не усыпили Уиллоуби, и он на протяжении восьмого стакана бормотал что-то неразборчивое о том, как Ларс Портленд сделал сиротой своего сына. За этим последовала вообще какая-то полная чушь, перешедшая в сон, и, хотя бедняга Уиллоуби на следующее утро ничего не помнил об этом своем срыве, Джек выждал две недели, по окончании которых объявил, что ему нравится чердак сарая. Ему нужен вид из окна, сказал он, и так оно и было.

Ферма, пребывавшая в разоре, денег не приносила. В шесть лет Джек знал, что старик Уиллоуби где-то припрятал немного денег. Джека совершенно не интересовало, откуда эти деньги взялись. Он никогда не хотел ничего, кроме вида из окна. Да еще раскрытия нескольких запутанных тайн. А теперь у него появилось странное чувство, что со сменой погоды, светлым небом по ночам и странным поведением воды в ванне кто-то уже ухватил занавес рукой и готов в любую секунду отдернуть его в сторону.

Он вдруг понял, что думает о чем угодно, но только не о чтении. Две свечи задуло, а один из ставней погромохивал об оконную раму. Ветер тихонько посвистывал в щелях. Внизу

заскрипели ржавые петли, а потом дверь сарая хлопнула. Скользнул вверх по стене желтый луч фонаря, и появился Уиллоуби – пришел заняться своими сырами. Он запер дверь, чтобы ветер не распахивал ее, и стал потихоньку и фальшивя напевать что-то себе под нос. В доме сегодня будет кофе.

Джек натянул брюки, надел рубашку и свитер, подошел к перилам лестнички, ведущей на чердак. Половина пола, отделенная от скота невысокой, надежной панельной стенкой, содержалась в чистоте. Вдоль стен стояли столы и скамьи, заваленные лоханями, ведрами, сыродельной марлей. Сыры в сетках свисали с потолка, лежали в формах вдоль стен, лежали парами одна на другой и рядом с другими, как дома вдоль улицы.

Джеку и Уиллоуби в жизни было не съесть столько сыров, а на продажу Уиллоуби их не выставлял. Сыры были предлогом для содержания шести коров. Для того чтобы обеспечить их молоком и маслом, хватило бы и *одной* коровы. Несколько лет назад Джек думал, что сыры в один прекрасный день придут к чему-нибудь, что им так или иначе будет положен конец. «Есть вещи, которые не кончаются никогда, – загадочно проговорил Уиллоуби. – Не могут случиться. Окончание им не свойственно».

Многие из этих сыров давно уже превратились в прах, а остальные – в нечто вроде мышинного городка, в котором, размышлял Джек, есть старейшины и мышиный мэр. «Пусть мыши едят их», – снисходительно говорил Уиллоуби. В нем много что вызывало восхищение.

Джек видел, как мыши обрабатывали сыры. Они появлялись из маленьких прогрызенных улочек, потом снова исчезали, тащили кусочки из самых глубин к тайному месту назначения. Для чего они этим занимались – этого Джек знать не мог. Зачем перетаскивать сыр из домика в домик, когда весь этот город построен из сыров. Может быть, это объяснялось старением сыра; мыши были истинными ценителями сыров.

Уиллоуби несколько секунд медлил у сырной формы, выругался себе под нос и вышел из сарая, захлопнув за собой дверь. Луч фонаря рыскал по сырам, прорезая прохладный подвижный воздух сарая. Из темноты раздался шум – кошачье мяуканье и скрежет когтей по дощатой стене сарая. Кот неожиданно впрыгнул в круг желтого света, приземлился на все четыре лапы, пытаясь прижать что-то к полу. Это была мышка, беззаботно пробегавшая к трещине в напольной доске.

– Эй, – закричал на кота Джек, решив принять сторону мышки. Он наклонился, чтобы взять свой ботинок и швырнуть им в кота через перила, но потом увидел, что его крика оказалось достаточно. Кот остановился там, куда прыгнул – в круге света, отбрасываемого фонарем. Он стоял, широко раскрыв глаза, словно увидел что-то, чего никак не ожидал увидеть. Джек тоже широко раскрыл глаза и медленно выпрямился. Никакой мыши на полу сарая не было; на полу стоял крохотный человечек размером с большой палец. В руках он сжимал мышиную голову, точнее сказать, маску. Джек таращился не более доли секунды; прежде чем он обрел дар речи, прежде чем успел крикнуть человечку, чтобы тот оставался на месте, на человечка прыгнул кот, и тот метнулся к щели в стене сарая и исчез.

Джек чуть ли не слетел вниз по лестнице. Крохотный человечек исчез, потерялся в высокой траве. Джек хотел было броситься за ним, но сразу же отказался от этой затеи из страха растоптать его ненароком. Он вернулся в сарай, сорвал фонарь с крюка, поднес к щели в сайдинге сарая, попытался осветить таким образом, чтобы увидеть, что находится по другую сторону, снаружи. Но не увидел ничего, кроме утренних сумерек и, как он и предполагал, стеблей травы.

Дверь открылась, и в сарай вернулся Уиллоуби, вид у него был раздраженный и усталый. Он выгнал из сарая кота и спросил у Джека, что он искал, стоя вот так на коленях на полу сарая. Джек пожал плечами. Ответить на этот вопрос было невозможно.

– Увидел что-то? – спросил Уиллоуби, скосив на него глаза.

– Да, я так думаю. Наверно, это была мышь.

– Ты *не уверен*, что это была мышь?

– Слишком темно. Не разглядишь толком. Оно было похоже на...

– Что-то, что не было мышью?

– Именно, – сказал Джек. Ему вдруг пришло в голову, что Уиллоуби ничуть не удивится, услышав, что в сарае появился крошечный человечек в костюме, а потом исчез в темноте. – И что это было?

Уиллоуби неожиданно пожал плечами, словно устал от этого разговора.

– Ничего такого, во что тебе следует совать нос, – ответил он, взял фонарь и вернул на крюк. – Я все же думаю, что это была *мышь*. А *что еще*? В общем, не суйся в эти дела, только время даром потеряешь. Когда начинают подглядывать во всякие щелочки, это плохо кончается, запомни мои слова. Твой отец нашел, что искал... ты это уже знаешь. Так что забудь. У тебя есть занятия поинтереснее. Если хочешь знать, погода переменялась к лучшему, а когда я сегодня утром возвращался из города, на Коттонвуд, у развилки, нашел вот это.

Он протянул Джеку листок зернистой бумаги с кричащей расцветкой, бросающейся в глаза даже в полутьме сарая. «ЛУНА-ПАРК!» – было написано наверху. Под этим словом какими-то усталыми, нечеткими буквами было напечатано «Всемирная знаменитость доктор Браун»; эта подпись могла бы показаться таинственной и экзотичной, если бы не дешевый и безвкусный рисунок с цветной заливкой: вид на луна-парк с высоты птичьего полета: американские горки и карусели, колесо обозрения с радугой крашенных кабинок, висящих под разными душераздирающими углами, широколицые люди, с широко раскрытыми глазами выходящие из комнаты смеха через окно, из которого выглядывает скелет с наклоненной головой в фетровой шляпе и с драгоценными камнями в глазницах.

Джек разглядывал рисунок несколько секунд, потом поднялся к себе на чердак и натянул на ноги ботинки. Он сместил задвижки, чтобы распахнуть ставни, спугнул ворона, который явно перед этим сидел на наружном подоконнике. Птица имела громадные размеры; она размахивала крыльями перед открытым окном и, казалось, смотрела на него. В одной лапе ворон сжимал когтями маленькую палочку. Эта идея нашла отклик в душе Джека – ворон с тросточкой. Ворон описал широкий круг над лугом, после чего направился в сторону моря. Летел ворон удивительно быстро, Джеку показалось, что он слышит удары его крыльев по воздуху, даже когда птица превратилась в черную точку, едва различимую на фоне зеленоватой голубизны моря за Плато Крутобережья.

На самом крутом берегу, или на плато за утесом берега, стояло еще недостроенное основание для колеса обозрения, а на краю луга валялись всякие металлические штуки – угловатые разобранные скелеты из забавных аттракционов, изображенных на рекламной листовке, все еще остававшейся в руке Джека. Он схватил свою шапку и бросился прочь. Кофе мог подождать.

* * *

В то утро состоялась громадная миграция крабов-отшельников, все они двигались вдоль берега на юг, по камням, вокруг мыса, потом снова по мелководу, затем вверх и по длинной полосе, которая тянулась почти до самого городка под названием Скотия. К полудню образовалась более или менее непрерывная линия этих существ, все они несли на себе шляпки-раковины и направлялись к какому-то неведомому пункту назначения. Скизикс провел на берегу все утро, вылавливая этих существ и бросая в брезентовые мешки для доктора Дженсена. Сам доктор и приостановил эту охоту в полдень, когда стало ясно, что эти существа просто намерены добраться до города и все усилия Скизикса собрать целый воз этих крабов лишены смысла. Крабы явно *направлялись* в Ньюкасл. Доктору Дженсену казалось, что рынок крабов-отшельников невелик.

А еще, по мере того как день шел к зениту, крабы вроде бы стали увеличиваться в размерах. Первый ручеек крабов, казалось, состоял из существ размером с большой палец, обитающих в улиточных домах. К десяти раковины значительно увеличились в размерах, некоторые из них вполне могли вместить кролика, и перемещались они по песку на удивление быстро. Около полудня из зеленого океана появился краб размером со взрослую свинью, обвешанную морскими водорослями, он издавал звуки, похожие на шелканье, словно кто-то постукивал друг о друга высушенными бамбуковыми палочками.

Этот поход продолжался много часов. Все прибывающие крабы прогнали с берега Скизикса и доктора Дженсена и разорвали в клочья один из брезентовых мешков, откуда выскочили сотни крабов поменьше и примкнули к общей колонне, спешащей на юг. Доктор Дженсен отправился домой за своей латунной подзорной трубой, а потом вернулся наблюдать, прячась на берегу в кустах рядом с разрушенными временем железнодорожными путями. Когда он приложил ухо к горячей, ржавой стали рельса, ему показалось, что он слышит отдаленный рев старого «Летающего волшебника», врезающегося в северное побережье. Но то, что он слышал, явно было больше сродни звуку океана в морской раковине. На фоне этого звука он слышал слабое металлическое *щелк-щелк-щелк* мигрирующих крабов, передающееся по железнодорожным путям.

* * *

Небо в это самое утро было синеватым, как по вечерам, и Джек видел звезды, хотя их мерцание было едва заметно днем, но в целом весь небосвод напоминал зев перевернутого ведра, наполненного водой и отраженными звездами. Джек, сунув руки в карманы, двинулся в направлении отвесного берега в надежде увидеть Хелен, которой не нашел, зайдя к мисс Флис. В деревне он слышал разговоры про мигрирующих крабов, а потому знал, где ему искать Скизикса. А еще он слышал, что какого-то человека убили после восхода, а его обескровленное тело сбросили с отвесного берега в приливную заводь. Нашел его там доктор Дженсен.

Джек прошел по лугу в сторону луна-парка, пиная на ходу высокую траву и прислушиваясь к молчанию океана и раздававшемуся время от времени стуку молотков. Воздух почти не двигался. Джек жалел, что поленился пойти вслед за Скизиксом и не предпринял больших усилий, чтобы найти Хелен. Даже Ланц был бы неплохой компанией. Он вдруг почувствовал груз одиночества – никого, кроме него самого, да травы с дикими цветами и далекого луна-парка, из-за расстояния казавшегося крохотным, на лугу не было.

Он понятия не имел, куда идет. На самом деле никакого луна-парка еще не было – не было ничего, кроме недостроенных скелетов каких-то сооружений. Но они странным образом влекли его, словно куча мусора была в некотором роде волшебной, может быть, неким порождением колдовства, а потому и притягивала его. Он мог бы развернуться и пойти назад, а мог свернуть к Прибрежной дороге и пойти на юг, где почти наверняка найдет шляющегося по берегу Скизикса. Но ему казалось, что луна-парк появился совсем не случайно, что его навели погода, странные приливы, цвета, раскрасившие горизонт, а теперь еще и небо с поволокой.

Сборкой всевозможных аттракционов молча занимались всего несколько человек, все они были худые, бледные, убогие, в помятой, рваной одежде. Двое сколачивали каркас деревянной арки, напоминавшей ворота посреди пустыни и перекрывавшей грунтовую дорогу, идущую от берега и теряющуюся в сорной траве.

Джек вдруг увидел Макуилта, который разговаривал с неизвестным Джеку человеком. Незнакомец стоял к нему спиной. У него были длинные волосы, ниспадавшие ему на плечи, а кожа его рук имела необыкновенно землистый цвет, белизну рыбы, слишком долго пролежавшей на берегу. На ногах у него были поношенные ботинки с засохшей грязью. Черный плащ вкупе с черными волосами делал его похожим на крупную черную птицу.

Человек повернулся и смерил Джека недовольным взглядом, словно ждал его, но ничуть не порадовался его приходу. Недовольство, однако, сменилось на мгновение выражением, которое отчасти было выражением узнавания, а отчасти – удивления, словно человека-птицу в чем-то уличили. Но прежнее недовольное выражение тут же вернулось на его лицо, к тому же злобно-недовольное. Джек кивнул и прошел мимо, отметив длинный пулевой шрам на щеке незнакомца. Он шел, держа руки в карманах и глядя в землю, словно спешил на Плато Крутобережья, а по луна-парку проходил просто по необходимости, потому что тот лежал на его пути. Но Джек, направляясь к берегу, чувствовал своей спиной взгляд незнакомца. Он откуда-то знал, что этот человек и есть тот самый доктор Браун с листовки. И еще он знал, что этот доктор ему не нравится.

Джек обошел деревянные щиты, на которых были намалеваны улыбающиеся клоуны, и аляповатые крутящиеся акробаты, и невероятные, мрачные фрики. В свое время эти картинки были замечательными. Но их эпоха давно уже прошла, а теперь изображения настолько выцвели от дождевой воды и солнечных лучей, что превратились в усталых призраков прежних картин. Стоял здесь и крытый вагон с брезентовым полотнищем на двери. Над полотнищем было написано: «Ребенок-Аллигатор», но надпись была довольно старая, выцветшая, и это означало, что фрик уже давно перестал быть ребенком. За вагоном грудой на луговой траве лежало с полдюжины скелетов, чьи кости были связаны серебристой нитью; скелеты в этот мрачный день были цвета грязной слоновой кости.

Распорки, шестеренки и поручни, сваленные в кучу рядом со скелетами, были древними и покрытыми ржавчиной. Они тоже были нарисованы в далеком прошлом, но краска отшелушилась, а потому то, что раньше было клоуном в остроугольном колпаке и воротнике-горгере² на велосипеде, теперь представлял собой отсеченную голову, висящую над колесом без спиц, при этом и половина головы отслаивалась грязным розово-голубым листом. Между груд всякого металла стояла какая-то незавершенная штукovina, которая могла быть то ли ульевой печью³, то ли паровым двигателем. В нескольких ярдах на боку лежала каллиопа⁴, а между печью и каллиопой стояла поленница высотой до плеча, рядом с ней была свалена груда угля.

Когда он проходил мимо, все разговоры прекращались, словно люди говорили о чем-то не предназначенном для чужих ушей. Потом он спустился по тропинке на песчаный берег. Никаких причин приходить сюда у него не было, но он почувствовал огромное облегчение, оказавшись здесь. Прилив был низкий. Он мог пройти вдоль оснований отвесного берега, обходя приливные заводы, мог без труда пройти по рифам, которые обычно лежали ниже уровня воды. Так он добрался до бухты. Единственная альтернатива была вернуться по тропе и снова пройти по луна-парку, но делать это у него не было ни малейшего желания. Он дождется, когда все успокоится, и вернется не один, а возьмет с собой друзей.

Скизика на берегу Джек не нашел, зато наткнулся на доктора Дженсена с подозрительной трубой и маленьким блокнотом в кожаном переплете, в котором он вел подсчет крабам. Он сказал, что его подсчеты достоверны не настолько, насколько ему хотелось бы; тучи крабов наверняка успели проползти ночью, а рано утром подсчеты вел Скизикс, но он не раз сбивался, начинал сначала, а потом опять сначала, и в конечном счете дал оценку, перемножив свои данные, но доктор Дженсен так еще и не смог их оценить.

А какое это имеет значение, спросил Джек, но доктор Дженсен в ответ только пожал плечами. Может, и никакого. Если подумать, то *ничто* не имело особого значения – ведь так? – кроме сэндвича и тарелки, с которой ты будешь его есть. Правда, и тарелка особого значения не

² *Горгера* – воротник из накрахмаленной ткани или кружев, плотно охватывающий шею, атрибут одежды представителей высшего и среднего классов Позднего Средневековья.

³ *Ульевые печи* получили свое название из-за характерной формы, напоминающей форму улья диких пчел.

⁴ *Каллиопа* – паровой орган, использующий локомотивные или паровозные гудки. Отличается громким, пронзительным звуком. Типичный инструмент имел 32 гудка.

имела. Клерки целые дни проводили, записывая какие-то цифры в столбики, потом складывали их, нередко находки, которые они делали, приводили их в волнение. Да и доктора Дженсена цифры интересовали, а его цифры были ничуть не хуже цифр клерков, а может быть, и лучше. Миграций крабов-отшельников не наблюдалось уже двенадцать лет. Другая такая возможность не предоставится еще двенадцать лет. А потому доктор Дженсен имел намерение извлечь из этой все, что можно, с прицелом на извлечение из этих сведений прибыли. Часть прошлой миграции он пропустил и с тех самых пор горевал по этому поводу.

Джек некоторое время просидел на высоком берегу, разглядывая небо над океаном. Звезды померкли, но небо по-прежнему оставалось синим, а море, теперь более спокойное, чем прошлой ночью, перекачивалось под напором маслянистого прилива и отливало зеленым цветом бутылочного стекла. На мгновение могло показаться, что небо стало плоским, как поверхность моря, и приобрело материальность, хотя витало где-то в нескольких милях наверху. Потом, хотя ничего заметно не изменилось, небо стало казаться чудовищно глубоким, он словно смотрел в чистейшую океанскую воду, и только расстояние ухудшало видимость. Его одолевало необъяснимое ощущение, что глубины моря и неба скрывают от него какие-то подробности – что-то неминуемое, что-то выжидающее.

Доктор Дженсен сообщил, что у него такое же ощущение, в особенности в преддверии солнцеворота, приходящегося на каждый двенадцатый год. Почему его так называли – «солнцеворот», он не мог сказать, поскольку солнце к этому, казалось, не имело никакого отношения. После своего переезда на северное побережье с целью открыть здесь практику он видел уже два таких. Каждый раз прибывал передвижной луна-парк, один и тот же луна-парк, насколько ему было известно. Проводились различные церемонии, празднования, некоторые отправляли в океанское плавание и дальше корзинки с хлебом и осенними фруктами. Рыболовы устраивали себе каникулы то ли потому, что они их заслужили, то ли потому, что во время солнцеворота им в сети попадались такие вещи, что лучше бы их в жизни не видеть.

В тех немногих лодках, что этим утром вышли в море, были новоприбывшие. Вряд ли кто из жителей деревни купил бы у них рыбу, если бы рыболовы поймали что-то такое, что им хватило бы духу сохранить. Но с большей степенью вероятности они могли поймать какой-нибудь плавучий океанский мусор – вещи, снесенные в океан на востоке после высокого прилива и так долго находившиеся в воде, что обрастали бородой водорослей и червей. Двенадцать лет назад сын таксидермиста сошел с ума, съев рыбу, выловленную в солнцеворот, и несколько дней после этого говорил голосами давно умерших жителей городка. В лунном свете *казалось*, что мальчик похож на тела людей, чьим голосам он подражал, и таксидермист, чей бизнес и без того почти не приносил доходов, убрал куда подальше стеклянные глаза и набивку и обосновался спиритом в одной из палаток луна-парка.

Но и карьера медиума ему не удалась, хотя несколько первых часов казалось, что он наконец-то сделал состояние. Мертвецы требовали, чтобы их выслушали, но, как выяснилось, им и после смерти, как при жизни, нечего было сказать. Погруженный в транс сын невнятно проборматывал неизменный монолог, состоящий из усталых жалоб, пока им не овладевал наконец старик Пинкерд, сбитый насмерть шестью годами ранее телегой, на козлах которой сидел пьяный приезжий из Мунвейла. Он хотел, чтобы чужака привлекли к ответственности по закону, и больше не в силах был откладывать это на потом.

Устами мальчика мертвый старик пробормотал что-то про судебное преследование, хотя мальчик явно вкладывал в слово «преследование» совсем другой смысл, отчего у всех создавалось впечатление, что смерть превращает людей в идиотов. И без того глупая жалоба выглядела еще глупее потому, что человека из Мунвейла, управлявшего телегой, убила молния, и случилось это через неделю после того, как он переехал мистера Пинкерда, что сводило на нет все возможные судебные преследования. Люди задумались, почему мертвый старик Пинкерд не знал про удар молнии, почему сам не предъявил обвинений незнакомцу из Мунвейла,

так сказать, в потустороннем мире. Жители деревни, слушавшие сына таксидермиста, пришли к общему мнению, что ими получено еще одно подтверждение того, что мертвецы не знают и половины того, что им приписывает общественное мнение, и в мертвом качестве остаются такими же идиотами, как и в живом. Когда старик Пинкерд закончил наконец свою страстно-призрачную речь, а сын таксидермиста уснул на своем стуле, слушатели испытали такое же всеобщее облегчение, как и в тот день, когда старик умер шесть лет назад.

Когда сын таксидермиста проснулся через полчаса, аудитория к этому времени уменьшилась, зато вдруг объявилось множество призраков, желающих говорить, и притом одновременно, однако ни один из них не был в настроении отвечать на вопросы, отчего мальчик, как показалось, вдруг сошел с ума и, быстро преодолев этап неразборчивой чепухи, перешел на визг, который пресекся, когда стул под ним упал на спинку, а самого мальчика пришлось унести в кровать.

Доктор Дженсен никогда прежде не видел ничего подобного. Вполне вероятно, что все это было мистификацией. Если подумать, то представлялось вероятным, что *вся* странная история с солнцеворотом была обманом, внушением. Люди исходили из того, что мертвые могут говорить, а потому и слышали загадочные послания, произносимые голосом, похожим на стрекотание кузнечиков и кваканье жаб. Они приняли, не подвергнув сомнениям, появление двухголовой собаки, которую нашли мертвой на улице неподалеку от таверны. Появись она на полгода раньше, они бы покивали головой, прищурили глаза, и пошли бы слухи, что это вовсе не двухголовая собака, а ловкая подделка, состряпанная таксидермистом совместно с Макуилтом. Доктор Дженсен считал, что во время солнцеворота люди готовы поверить во что угодно.

Чем больше Джек думал об этом, тем больше готов был согласиться с последним. По крайней мере *сейчас* он был в настроении поверить во что угодно. И вполне возможно, что именно это настроение и превращало вещи вполне рядовые в нечто экстраординарное. Вполне возможно. Но вот вчерашний поезд никак нельзя было отнести к рядовым событиям. Вчера днем железнодорожные пути были в полуразрушенном состоянии. Шпалы вымывало, и они соскальзывали на берег. Рельсы были поедены ржавчиной и покорежены подвижками земли. В таком же полуразрушенном состоянии они пребывали и сегодня утром. Рельсы лежали на солнце погнутые, и были хорошо видны с того места, где на отвесном берегу сидели Джек и доктор Дженсен. И тем не менее прошлой дождливой ночью по ним, пыхтя паром, прошел поезд.

– Вы слышали паровозные гудки ночью? – рассеянно спросил Джек, разглядывая в подзорную трубу Дженсена здоровенного краба, выбиравшегося из моря на берег.

Доктор Дженсен помолчал несколько секунд, потом признал: да, слышал. Это было еще одним проявлением солнцеворота – появление поезда, который всегда приходил посреди ночи, а потому никто его и не видел, не было и никаких свидетельств того, что поезда когда-либо заходили дальше Мунвейла, а между Рио-Деллом и Мунвейлом не было места, где поезд мог бы развернуться. Так что он не мог приехать и отправиться в обратную сторону ночью.

Много лет назад, когда доктор Дженсен и Кеттеринг были студентами университета, они посетили старика, с которым Кеттеринг познакомился в одном из баров Чайнатауна. Это был занятный человек, одного взгляда на которого хватало, чтобы почувствовать, что он является источником зла, хотя ничто в его внешности об этом не говорило. Звали его Во Линь, и он заявлял, что чудовищно стар. Это не было похоже на ложь. Кеттеринг согласился поставлять ему лабораторных животных, главным образом ягнят и цыплят, хотя старик и не говорил, для чего ему нужны эти животные. Дженсену не очень понравилась эта затея, но затея была не его, а Кеттеринга, а тот никаких вопросов не задавал.

Старик в свое время был машинистом – водил поезда, как он сказал, не воображаемые, а настоящие. Но ему надоело это занятие. Он жил на набережной в полузаброшенном складском сооружении, разделяя его с летучими мышами, совами и воронами. Передние помеще-

ния склада были заставлены проржавевшими механизмами, догнивающими останками разобранного луна-парка, принесенными сюда много лет назад и оставленными разрушаться под воздействием океанского воздуха.

Часть крыши провалилась, окна были выбиты или висели на петлях. Плети ежевики и плюща поддерживали наклонившиеся стены, которые представляли собой поеденные термитами оболочки не крепче бумаги, и ветер нередко свистел в термитных ходах, и эти звуки напоминали пустую музыку бамбуковой флейты. Этот человек был алхимиком, и он умирал. Судя по его виду, он, возможно, уже и умер не один раз, но был возвращен к жизни каким-то чудодейственным средством.

Они прошли по разрушенному складу в широкое пустое помещение на сваях с окнами, выходящими на океан. Через пыльное стекло окна можно было разглядеть совсем рядом со складом мостки, по которым проходили железнодорожные пути, холодный прилив, бурлящий внизу, и каменистые островки, плывущие по бухте и видимые сквозь пыльное стекло окна. Туман, казалось, вливался внутрь в разбитые окна, а через проломленную крышу комната наполнялась влажным морским воздухом и запахом смолы, соленых брызг и засохших водорослей. Доносились сюда издали на крыльях ветра и паровозные гудки, хотя ни Дженсен, ни Кеттеринг не могли поклясться, что это всего лишь не свист ветра в термитных ходах.

Туман, вихрящийся в комнате, плыл к затянутому материей потолку и рассеивался, как пар; все время, что они провели там в ожидании, прислушиваясь к каждому звуку, до них через сваи доносились звуки донных волн в бухте, постукивание перекачивающихся камней и раковин по прибрежному галечнику. Сочетание похожего на пар тумана и призрачных гудков вкупе с постоянным шорохом и постукиванием океана создавали впечатление железнодорожного депо. Потом (хотя вполне вероятно, что это была только игра его воображения) ему показалось, что склад – не что иное, как музей паровых машин, локомотивов, каллиоп и двигателей, и все сооружение сотрясается и постукивает на том месте, где стоит, словно в каком-то колдовском превращении само уподоблялось находящимся в нем диковинам.

Потом ветер стих, море успокоилось, туман сошел, и они снова стояли в заброшенном, пришедшем в упадок складе. В конечном счете все это было только игрой воображения. И все же позднее на той неделе, когда они вдвоем проезжали по набережной, никакого складского сооружения они там не увидели, хотя железнодорожный мостик оставался на своем месте, его сваи уходили в землю бухты и ниже линии прилива были покрыты мидиями, рачками и морскими звездами.

Кеттеринг сдуру решил, что складское сооружение каким-то необъяснимым образом было *поездом*, а с ним вместе и луна-парк, и все это, по существу, было одним и тем же. Правда, Кеттеринг всегда был мистиком. Старик больше в город не возвращался, пока они были там, хотя Дженсен увидел его двенадцать лет спустя в Рио-Делле во время солнцеворота. В тот год старик Пинкерд вернулся из мертвых и заправлял в луна-парке – то было дело рук Во Линя, – но сказал, что это в последний раз. Он от этих дел устал; помимо луна-парка ему приходилось брать на себя еще кое-какие обязательства, а у него, мол, на это уже не хватает духа.

История, рассказанная доктором Дженсеном, не очень прояснила ситуацию, и когда Джек сообщил доктору о поезде этой ночью, тот только пожал плечами. «А я что говорю?» – ответил он, словно в этом и состояло убедительное объяснение, после чего вернулся к наблюдению за крабами – прошли еще не все, и время от времени появлялись опоздавшие. Он, казалось, не был склонен к разговору. В этот момент появился Скизикс, он доедал пончик и пребывал в крайней степени возбуждения. Один из рыбаков поймал кое-что, запутавшееся в его сети на мелководье. Скизикс не стал говорить, что это такое. Он покачал головой, улыбнулся и, надувшись от собственной значимости, пошел по тропинке следом за Джеком – они оба поспешили в деревню увидеть улов. Доктор Дженсен же остался разглядывать море через свою трубу.

Глава 4

Деревенские магазины и прочая сфера услуг сосредоточились на Главной улице, которая петляла по холму, доходя фактически до дома Уиллоуби. Здесь располагались бакалейный магазин и две гостиницы, парикмахерская, магазин хозяйственных товаров, таверна Макуилта, открытый рынок, магазин, продававший подержанную мебель и посуду, пекарня Поттса, мастерская таксидермиста. Последняя, конечно, была уже несколько лет как закрыта, и к ее окнам прилепилась грязь. Улочки и проулки отходили от Главной под углами, некоторые через полквартала заканчивались тупиками, другие, петляя, уходили дальше в холмы за пределы ферм, расположенных на окраинах, в каком-то месте сворачивали на волоки или просто переходили в тропинки, исчезающие во фруктовых садах или в лесу.

Океан наступал на Главную улицу с высоким приливом. Когда вода уходила, после нее оставались грязь и морская трава, там и здесь – устричные садки, мидии на сваях и камнях. Из илистого дна прилив извлекал скелеты весельных лодок. Рядом с ними стояли целые лодки, оставшиеся после отступления воды в ожидании следующего высокого прилива. Открытый рынок, который на самом деле был пустым местом с десятком сосновых халуп с жестяными или медными крышами, расположился на останках старой пристани, которая уходила в мутные воды бухты. Прежде пристань была длиннее, а в ее конце располагалось то, что можно было назвать модным рестораном. Но с тех пор уже сорок лет прошло, а тогда Рио-Делл был более процветающим городком, и старый «Летающий волшебник» все еще ходил вдоль берега до Мунвейла, и Саннибрея, и Кресент-Сити. Две трети пристани в конечном счете осели на мягкий грунт дна и развалились. Ресторан – приговоренный полтора годами ранее – был порублен на растопку. За прошедшие годы руины пристани были поглощены морем. Владельцы рыболовецких лодок продолжали использовать пристань по прежнему назначению, а сами рыбаки жили либо в своих лодках, либо в лачугах рынка.

А сегодня казалось, будто половина городка собралась у рынка. Джеку на глаза попала мисс Флис, бродившая туда-сюда с сеткой, полной капусты, а Скизикс утверждал, что это отсеченные от тел головы, а вовсе никакие не капустные кочаны. Почти никто не планировал что-то покупать. Утро уже было позднее для покупок, большинство зеленщиков уже час назад как укатали свои тележки домой. Намерения у людей были иные. Джек увидел шляпу Макуилта, бродящую около одной из рыбных лачуг, потом шляпа улетела, словно кто-то под ней взорвал хлопушку. Толпа в начале пристани разразилась буйным смехом, а люди, находившиеся подальше, стали напирать, чтобы подойти поближе и узнать, что всех так рассмешило. Скизикс проскользнул в толпу и исчез из поля зрения Джека.

Через секунду Джек услышал свист Скизикса, но увидеть его не удалось. Скизикс свистнул еще раз. И тут Джек увидел его – на балконе, тянувшемся вдоль стены гостиницы «Гавань». На балкон вела дверь изнутри гостиницы, но она уже несколько лет как была заколочена после того, как один постоялец-лунатик вышел на балкон на рассвете и перевалился через перила на улицу. Еще на балкон можно было подняться по медной сливной трубе, с которой до балкона было рукой подать. Летом Джек и Скизикс иногда спали там, иногда бесшумно забирались по трубе в темноте и смотрели оттуда на деревню, ждали восхода луны из полуночного моря, прислушивались к щебету канареек из комнаты над таверной по другую сторону улицы. Их тут же прогнали, если бы увидели там днем, но все были слишком заняты – потешались над Макуилтом. Правда, смех был вымученный, в нем слышался какой-то холодный, пустой отзвук, словно они смеялись над тем, над чем не следует смеяться, но как руки без дела находят себе занятия – то выкручивают свои же пальцы, то ерошат волосы, так и они находили в смехе занятие для своих голосов.

Смех смолк, сменившись проклятиями Макуилта. Джек легко догадался почему. В деревянной кадке, наполненной морской водой перед лачугой рыболова, плавало какое-то странное существо с огромными выпученными глазами. Создавалось впечатление, будто его выловили глубоко в океанической впадине, и резко уменьшившееся давление во время подъема начало взрывать его изнутри, а глаза грозили вылететь, как пробки из детского ружья.

Существо билось в кадке, засасывало в обилии воду через пульсирующие жабры, словно в маленькой кадке ему не хватало океана. Чешуя у него по бокам была размером монетки в полдоллара и сверкала на солнечном свете как множество радуг внахлест. У существа имелось что-то очень похожее на шею, хотя эта шея и казалась Джеку довольно странной, а его плавники вполне можно было принять за руки. А вот хвост был чисто рыбий, и существо хлестало им по днищу кадки, совершая равномерные ритмичные движения, словно пытаясь отправить закодированное послание. Внезапно оно заметалось в кадке, потом зацепилось своими брюшными плавниками за край, словно собираясь выкинуться в мутные воды бухты.

Поймавший его рыбак скинул существо назад в кадку и приказал там и оставаться. Он считал это забавой, размышляя с пьяной ухмылкой, готовили ли когда-нибудь прежде в Рио-Делле филе из такой нечисти. Однако все было явно не так смешно, как ему хотелось бы. Небольшая группка рыболовов стояла поблизости и, покуривая трубки, отрицательно покачивала головами, однако не в ответ на его вопрос, но с таким видом, который как бы говорил: они умывают руки и не хотят касаться этого темного дела. Они были людьми старых устоев и лодок своих сегодня утром в море не выводили. Лучше было выждать с недельку, пока океан не вернется в свое нормальное состояние и странный плавающий мусор, поднятый штормами солнцеворота, не унесет назад в тени подводных гротов, где и останется.

Джек ткнул Скизикса в бок локтем и показал на толпу, где в тени стояла мисс Флис, волосы ее были убраны с лица назад и схвачены ленточкой. Она глуповато улыбалась, словно этого от нее все и ждали, а еще наклоняла голову и коротко хлопала ресницами в некой пародии на флирт и все это время не сводила глаз с существа в кадке. Никто с ней не говорил, хотя время от времени она поворачивала голову и широко распахивала веки, словно только сейчас увидела старого друга, направляющегося к ней через толпу. Один раз она мельком, едва заметно помахала рукой в сторону улицы, но и Джек, и Скизикс видели, что махать там некому – улица пуста. Впрочем, она не могла надолго отводить взгляд от рыбы.

– Оно что – поет? – прокричал кто-то с краю толпы.

– Поет-поет! Сами должны были слышать! – Рыбак снова скинул существо в кадку, но быстро отдернул руку, словно оно укусило его. Он слабо улыбнулся и повел плечами, затем сунул в рот палец. – *Конечно*, оно поет. Я его на обманку мусорную поймал, но его не наживка интересовала. Я его подцепил, да-да, подцепил, когда подводку делал, катушку крутил. Он плыл к берегу вместе с приливом. А я-то поначалу решил, что это медуза какая.

– По мне так оно ни на какую медузу не похоже, – сказал пекарь Поттс, стряхивая муку со своего передника.

– Это потому, что ты не рыбак, – крикнул человек, который спрашивал про пение. – Ты бы вообще принял его за *рулет* с джемом. – И рассмеялся таким истерическим смехом, что, казалось, это может для него плохо кончиться. Однако никто вместе с ним не рассмеялся, и это его взбесило. Он кашлянул один раз, потом обратился к женщине, стоящей рядом с ним, и сказал ей сценическим шепотом: – Это же точная копия Макуилта, верно? – И снова разразился смехом.

Макуилт, который наблюдал за существом в кадке с таким же вниманием, как и мисс Флис, развернулся и шагнул к этому человеку, который рывком выпрямился и прищурился, посмотрев на владельца таверны.

– А ну заткнись! – сказал Макуилт, глядя на него мрачным взглядом.

Человек прыснул со смеху, подмигнул женщине рядом с ним и потянулся к шляпе Макуилта, чтобы сдернуть ее с его головы. Шляпа сделала кувырок в воздухе и, к немалому удивлению толпы, приземлилась точно в кадку. Рыбоподобное существо в кадке принялось биться под шляпой, выплескивая воду на пристань.

– Ну, что ты против этого можешь сказать?! – воскликнул мучитель Макуилта. – Оно надело шапку папочки!

В воздухе, казалось, вдруг повис острый нож. Никого не волновало, что Макуилту нанесено оскорбление, большинство просто надеялось увидеть мордобой. Джеку показалось, что давление падает и на небе собираются грозовые тучи. Он услышал что-то в посвежевшем ветре, но не мог понять, что именно – то ли какое-то гудение, то ли музыка вдалеке, то затихающая, то становящаяся громче на ветерке, а к этому еще примешивался и какой-то далекий рокот, похожий на звук волн, которые разрушаются, ударяясь о берег бухты. Скизикс начал было что-то говорить о мисс Флис, но Джек шикнул на него, велел прислушаться, и наклонил голову. Скизикс, казалось, тоже это услышал. Звуки каллионы – вот, что это было. Джек двинулся по доскам балкона в сторону улицы и остановился, когда смог заглянуть за угол. Звук доносился до них с отвесного берега, из луна-парка. Он видел вдалеке часть луга между крышей таверны и трубой пекарни, излучину небольшого заросшего травой холма, склон которого опускался к берегу и морю. А над лугом виднелась вращающаяся без перерыва в ритм с неторопливыми гудками каллионы, приводимой в действие паровой машиной, верхушка колеса обозрения с пустыми, но двигающимися кабинками.

Когда Джек вернулся к Скизису, который довольно улыбался, показывая на двух рассерженных мужчин, Макуилт уже извлек из кадки свою промокшую шляпу и теперь махал кулаком перед лицом своего обидчика.

– Не смей больше меня задирать! Я тебя предупреждаю!

– Я тебя задирать не буду, я тебя окуну в эту кадку!

– Только попробуй – пожалеешь! Да и дальше «попробуй» у тебя дело не пойдет.

Мужчина отступил на шаг, обвел Макуилта взглядом, который должен был испепелить противника.

– Я с юга. Если ты бывал там, то должен был слышать обо мне. Ты бы мне ботинки лизал, если бы знал, кто я.

– И *кто* же ты? – раздался крик из толпы, и все рассмеялись.

Человек повернулся и посмотрел, словно сожалея, что не может определить, кто это кричал, и разделаться с ним.

Макуилт плюнул себе на руки и растер плевков, потом взял свою мокрую шляпу и сунул кулак в тулью, выпрямил ее, надел на голову и сказал:

– Мой тебе совет: *возвращайся* на юг, пока не влип в какую-нибудь историю. Я не из тех людей, кого можно задирать, думая, что это сойдет с рук. – Потом он похлопал рукой об руку, словно давая понять: он сказал все, что хотел.

Его противник расправил плечи, сделал шаг вперед и сложил пальцы в кулак.

– Я пережевывал людей и побольше тебя, а потом использовал их на наживки, – сказал он. – Я вырву из тебя легкие, вот что я сделаю. Ты и пикнуть не успеешь. – Он щелкнул пальцами перед носом Макуилта.

– Вот этого-то я и хочу больше всего... – начал Макуилт, но его прервали – кто-то из толпы толкнул противника Макуилта в поясницу прямо на хозяина таверны.

– Хватит болтать! – прокричал кто-то, и из тени вылетела сердцевина яблока и ударила человека в щеку. Макуилт, увидев свой шанс, когда человек повернулся к нему спиной, чтобы послать проклятия тому, кто бросил в него недоеденное яблоко, ударил того по затылку. Но он переусердствовал, и его повело вперед, он схватился за свою шляпу, а его противник развернулся и с размаху нанес удар по воздуху – на добрый фут выше головы Макуилта.

Сила, которую он вложил в удар, увлекла его на лачугу рыболова, по пути он перевернул кадку, и морская вода из нее хлынула на пристань. Рыбак закричал и попытался ухватить скользкое существо, с одной стороны, опасаясь быть укушенным еще раз, а с другой – боясь, что его добыча окажется в воде бухты. Макуилт бросился на человека с юга, который опять сбил с него шляпу одним ударом по голове. Джек услышал, как лязгнули зубы Макуилта, когда закрылся его рот, а потом подбородок ударился о шею.

Через мгновение они сошлись в драке, упали на пристань и покатались по ней, осыпая друг друга ударами. Толпа подалась назад, чтобы дать им больше места, и они перекатывались туда-сюда, но никто из них ничего не добился, пока они не ударились о лачугу рыбака. Сам же рыбак, оставив мысль изловить еще раз извивающееся существо из кадки, которое наконец перевалилось через край пристани и исчезло в воде, бросился на Макуилта и его противника и принялся молотить обоих кулаками.

– Черт бы вас драл! – прокричал он. – Вы... – Но прежде чем он нашел нужные слова, лачуга покачнулась и рухнула, образовав на пристани горку сгнивших досок. – Силы небесные! – воскликнул он, по-настоящему впадая в ярость, он ухватил Макуилта за брюки на заднице и воротник рубашки и швырнул в воду. Другой человек подпрыгнул с проклятиями, замахал кулаками с яростью ветровой мельницы, приглашая всех желающих подойти и получить свое. Но рыбак очень спокойно и неторопливо, одним ударом уложил приезжего, а потом отправил его с пристани вслед за рыбой.

Толпа встретила его действия одобрительными криками. Потом криками они поддерживали и Макуилта, который сам выбрался из воды, шляпа чудесным образом осталась в его руке, а он стоял, пока вода, муть и водоросли стекали и падали с него на пристань. Рыбак, стоя на четвереньках, смотрел с пристани в мутную воду, пытаясь разглядеть сбежавшую рыбу, если она и в самом деле была рыбой. Но пойманное им существо исчезло, вернулось в бухту. Другие рыбаки делали вид, что они не увидели ничего примечательного, только смотрели в свои бумажные тарелки и покачивали головами.

Скизикс улыбнулся Джеку. Он любил такие штуки – пусть задиры колотят друг друга. Мальчики возбужденно стояли, опершись на перила балкона, одержимые невысказанной решимостью оставаться там, пока их отсюда не прогонят. Толпа уже расходилась. Южанин тоже выбрался из воды и, опозоренный, пошел прочь, но тут обнаружил, что подруга оставила его. Сделав с десяток шагов, он повернулся и уставился на рассеивающуюся толпу, словно хотел сказать им что-то на прощанье, но опасался, как бы те сильные слова, что были у него на языке, не поставили их в тупик. Потом он сделал жест, будто хотел погрозить кулаком, но взрыв смеха в его адрес вынудил чужака передумать. Через десять минут на пристани никого, кроме рыбаков, не осталось; рыбаки ремонтировали сети, наматывали лесу на спиннинги и попивали пиво из оловянных кружек. Рыбак, потерявший свою добычу, снова отправился в море на своей плоскодонке. Джек видел, с какой страстью он налегает на весла; гребец вскоре исчез за береговым изгибом, образующим вход в бухту.

В этот момент, когда на улице воцарилась послеполуденная тишина, из-под пристани появилась мисс Флис и торопливо пошла по илистому дну к берегу – к нескольким перечным деревьям-переросткам, которые захватили задний двор мастерской таксидермиста. Оба мальчика наблюдали за ней, они знали, что последние полчаса она пряталась под пристанью. В руках она несла мокрый льняной мешок, прижимая его к своему лягушачьего цвета платью, словно содержимое мешка могло вдруг зашуметь и выдать ее. Джеку на мгновение показалось, будто он слышит чириканье мелких птичек в воздухе, смешивающееся со вздохами каллиопы и криками неугомонных чаек.

Джек и Скизикс устали от сидения на балконе. Некоторое время они смотрели на улицу внизу, но там ничего такого не происходило. Жители уже получили свою дневную дозу развлечений и вернулись к работе. Старая миссис Уайт повесила сушиться стиранные простыни

на заднем дворе своего дома за жилищем таксидермиста, и Скизикс убежденно сказал, что это саваны для покойников, они будут надуваться ночным ветром, пугая жителей до утра. Но ничего такого не случилось. Может быть, эффект будет сильнее, когда над горами в полночь поднимется луна, но в этот момент они оставались обычными простынями, и с точки зрения развлечений мало что значили, даже развлечений воображаемых. Потом собака миссис Барлоу пробежала через одну из простыней и выдернула ее из прищепок, и это было очень неплохое зрелище, хотя и продолжалось всего одну минуту. После этого долго вообще ничего не было. Прошло полчаса, и они раза два слышали крики Макуилта. Потом он, чуть не сорвав дверь, выбежал наружу и повесил на нее табличку «ЗАКРЫТО». Несколько мгновений казалось, что из ярости Макуилта выйдет что-нибудь занятное и оживит их день, но, по правде говоря, Макуилт редко что производил, *кроме* ярости, а потому его выходки были по большому счету обычным кривляньем.

В конечном счете они решили отправиться в приют и найти Хелен, которая наверняка сидела на чердаке и рисовала «виды», как она их называла. Она ненавидела, если ее отрывали от этого занятия по утрам, но день уже начинал клониться к вечеру. Может, они принесут ей какой-нибудь еды, чтобы она могла со спокойной душой оторваться от своего занятия. Они, конечно, пошутят над ее художествами, хотя в разговорах между собой они не раз признавали, что ее картинки очень даже неплохи. Джек не мог понять, как Хелен удается убеждать кисточку, или карандаш, или кусочек угля делать то, что ей нужно. Она могла заставить скулы выглядеть скулами, могла нанести светотени именно туда, где они и должны быть, и придавать лицу удивительное выражение, и ты не мог точно определить, что все это значит и откуда взялось.

Джек тоже пробовал рисовать. У Хелен был планшет для хранения огромных листов бумаги и деревянная коробочка. Коробочка имела затейливый вид, и хранила она в себе множество угольков, и мелков, и наполовину выдавленных тюбиков с масляными красками. Еще там лежали пятьдесят толстых, надежных кисточек, изготовленных из волосков песочного цвета, имеющих на конце толщину не больше толщины иглы, пригодных, вероятно, для рисования ресниц, а также бессчетное количество конических, пышных на вид кисточек для малавения небес. Коробочка с красками казалась Джеку чем-то волшебным, а большие листы зернистой бумаги – такими многообещающими. Ему представлялось совершенно вероятным, что коробочка и листы бумаги, как магические амулеты, волшебным образом побудят его руку к сотрудничеству, к изображению того, что он видел мысленным взором.

Однажды он, поощряемый одобрением и советами Хелен, изобразил дерево, которое выглядело почти как дерево, в особенности если отойти подальше и прищуриться или, еще лучше, так скосить глаза, что видеть сразу два дерева, стоящих рядом; в этом случае возникало то, что Хелен называла «интригующим ощущением ракурса». Скизикс высказал предположение, что было бы еще лучше ослепнуть, чтобы картинка давала интригующее ощущение всего, что твоей душе угодно. Джек отказался работать с деревьями и нарисовал лицо, но с кривыми глазами, словно их скосил порыв ветра. Нос, к его великому разочарованию, скривился набок, хотя Джеку и казалось, что он рисует его прямым. Кроме того, лба на лице явно было мало-вато, отчего последнее обретало необъяснимо идиотское выражение, а уши торчали в стороны, как рождественские украшения. Скизиксу эта картинка доставила немало чудесных моментов, он без устали говорил Джеку, какие именно особенности картины делают его «уникальным» среди художников. Но ни в коробочке, ни в бумаге никакого волшебства не было. Волшебницей была сама Хелен.

Джек и Скизикс плелись по улице, пинали камушки, выбрав более долгий обходной путь. Когда они поравнялись со входом в маленький узкий проулок, называвшийся Кварц-лейн, до них донеслись неистовые звуки куриного квохтанья. «Собаки», – сказал Скизикс и повернулся лицом к проулку, имея в виду, как предположил Джек, что курицу беспокоят собаки, с чем

Скизикс никогда не желал мириться. Джек взял в каждую руку по камню, а Скизикс подобрал палку, и они поспешили за угол мимо деревянного забора, опутанного цветущим страстоцветом. В проулке было полно всякого мусора, лежащего вдоль заборов: старые соломенные подушки, поломанные колесики тачек, пришедший в негодность и проржавевший садовый инструмент. Набивной стул, в котором поселилась колония жуков, а рядом с ним с полдюжины банок из-под краски, стоящих внаклонку и с подтеками содержимого, засохшего несколько месяцев назад.

Джек подумал, что дело тут вовсе не в собаке. Никакого рычания слышно не было, только отчаянное куриное кудахтанье, которое вдруг пресеклось на пронзительной ноте, отчего мальчишки бросились вперед, преодолели последние ярды проулка, сорвали цветочные плети с узкого прохода между двумя покосившимися заборами. Там на коричневых листьях стоял на коленях над мертвой уже курицей Пиблс, разделявая ее ножовкой, одновременно прижимая птицу к земле левой рукой. Он резко повернулся, посмотрел на Джека и Скизикса. На его лбу блестели капельки пота, глаза были широко раскрыты. Ему уже удалось расчленить курицу на две части вдоль грудины, а теперь он, казалось, пытался выпотрошить ее в маленькую полотняную сумку, лежащую рядом с его коленом.

Джек и Скизикс не произнесли ни слова. Никто из них не верил своим глазам. Пиблс вскочил на ноги и побрел еще глубже в проход, издавая какой-то непонятный набор звуков, который в тиши проулка звучал неразборчивой тарабарщиной. Он в страхе таращился на Скизикса, который не мог найти подходящих для данного случая слов, а потому замахнулся и ударил бы Пиблса по голове, если бы палка не просвистела дюймом выше, стукнув по деревянному забору. Тогда он отбросил палку, словно ядовитую змею. «Что...» – начал было он, но замолчал, глядя на Пиблса, который семенил прочь от него, затолкав куриные части в окровавленную сумку, а сумку засунув себе под куртку. Джек отступил из прохода в проулок, и Скизикс последовал за ним, ступая по его следам.

Пиблс выполз из прохода с такой ненавистью и оскорбленностью на лице, что могло показаться, будто он только что расчленил и выпотрошил не курицу, а двух друзей и уложил *их* внутренности в сумку. Желание Скизикса ударить Пиблса – сделать что-нибудь, чтобы наказать его, – сменилось недоуменным ужасом перед его деянием. Что это означало? Зачем Пиблс убил курицу? Собирался ли он ее съесть? Не украл ли он и убил эту курицу для мисс Флис? Не была ли курица едой ему на ланч? Зачем ему понадобилась ножовка? Зачем он делал это в тени пыльного проулка? Была в его действиях какая-то извращенность, приводившая в ужас Джека и Скизикса, возможно, еще и по той причине, что они не понимали случившегося. Но ни Джек, ни Скизикс не были удивлены. Да что говорить – когда он шествовал в направлении Главной улицы с сумкой в руке, а они провожали его взглядом, им обоим казалось, что чего-то в этом роде всегда и ожидали от Пиблса.

До приюта они дошли молча, словно о случившемся нечего было сказать. Шутки на этот счет не проходили. Это был еще один пункт, подлежащий включению в список тайных увлечений Пиблса, в котором уже было обжигание собственных ладоней пламенем свечи и собирание клочков человеческих волос. Они проникли внутрь через окно Скизикса, вошли в тесную кладовку в коридоре и поднялись по нескольким крутым ступенькам в оплетенную паутиной темноту. Джек, считая ступеньки, выставил перед собой руку, пытаясь нащупать дверь в потолок. Он остановился, наконец нащупав вход, и Скизикс ударился о него. Джек шикнул на него и три раза постучал по деревянной панели, выждал секунду и ударил еще два раза. Потом последовал ответный стук, послышался скрежет задвижки. Неожиданно в отверстие, только что закрытое панелью, хлынул свет, и в нем появилось лицо Хелен. Джек и Скизикс поднялись на чердак в самой его середине, где под коньком крыши можно было встать во весь рост, не сгибая шеи.

Чердак сиротского приюта мисс Флис освещался главным образом через дюжину слуховых окон. В солнечный день это просторное помещение представляло собой мешанину тени и

света, а в дни пасмурные здесь преобладала одна только тень. Хелен нашла пару подсвечников среди старой мебели, сваленной здесь у стен и просто на полу, так что даже в самые темные дни она могла рисовать при свечах. По вечерам она на чердак не поднималась. Как и Скизикс.

Они обнаружили несколько свидетельств того, что по ночам на чердак пробирался Пиблс. Или по меньшей мере делал это от случая к случаю. Мисс Флис туда определенно не совалась, ведь на чердаке обитал призрак. В прошлом мисс Флис использовала спиритизм для того, чтобы манипулировать людьми, но и она всегда не очень доверяла собственному чердаку. Она вообще ничему особенно не доверяла. Совсем недавно с приближением солнцеворота в поисках волшебства для достижения какой-то туманной и призрачной цели она стала демонстрировать нечто вроде нездорового любопытства к оккультизму. Но мысль о призраке на чердаке приводила ее в ужас, а потому она стала избегать его. Иногда она слышала бормотания призрака через вентиляционные отверстия. Хелен тоже их слышала. Она называла призрака «миссис Лэнгли» – так звали женщину, которой принадлежал этот дом, после ее смерти переданный городом мисс Флис, чтобы она открыла в нем сиротский приют. Мебель на чердаке тоже принадлежала миссис Лэнгли, но ею не пользовались лет двадцать, и ее покрывала пыль и паутина. Мисс Флис могла бы ею пользоваться, но не захотела. Она предпочитала пустой дом, а хлам ее всегда пугал. А еще она отчасти верила, что эта мебель наверху облюбована призраками, недаром столько времени простояла на чердаке.

Хелен же нашла с миссис Лэнгли общий язык. Джек не раз был свидетелем того, как она разговаривала с ней, хотя ответных слов призрака никогда не слышал. Призрак время от времени разыгрывал Хелен, например, запирали дверь на чердак изнутри, отчего Хелен не могла туда подняться. Это случалось дважды. Скизиксу пришлось взять приставную лестницу и забраться на чердак через единственное открывающееся распашное окно во фронтоне, причем сделал он это только после того, как Хелен пообещала купить ему пирог, мороженое и рутбир⁵. Но и после ее обещаний он какое-то время колебался. Тогда Хелен попросила его придержать лестницу, чтобы она могла *сама* подняться наверх, открыть окно и залезть внутрь, если уж он так боится, но Скизикс и слышать об этом не хотел. Он категорически утверждал, что девчонки такими вещами не должны заниматься. Пробравшись на чердак, он высунулся в окно и помахал Хелен, вероятно, чтобы показать ей, какой он ловкий. В этот момент девочка увидела парящее над ним лицо, которое чуть подрагивало и было призрачно-бледным на фоне темени чердака. Скизикс, слава богу, его не видел, а то бы бросился головой вперед по лестнице. Но что-то он все же услышал – слабое хихиканье из всех уголков чердака, словно там сустились мыши. После этого он несколько месяцев не поднимался на чердак.

Один раз Хелен нашла на подоконнике засохшую корочку сэндвича, а вскоре после этого – бумажный шарик оригами с символами снаружи и прядью человеческих волос внутри. Внутри же был кусочек медной проволоки. У Хелен «родимчик», как она сказала, вскочил, так, по крайней мере, она сказала Джеку и Скизиксу. И корочку, и бумажный шарик она выкинула в окно на заросший травой луг внизу, а позднее в тот день увидела, как Пиблс нашел шарик в траве. Он бросил на окно свирепый взгляд и с удивлением увидел, что и она смотрит на него. Она помахала ему и улыбнулась, чтобы еще сильнее раздражить его, но на самом деле и вполнину не была такой спокойной, какой заставляла себя выглядеть.

Джек, который вырос не в приюте для сирот, был не так хорошо, как Хелен и Скизикс, знаком с чердаком и связанными с ним историями. Ему чердак представлялся уютной комнатой, несмотря на немалые размеры. Может быть, тут все дело было в качестве дерева: грубые, плохо обструганные балки, порченная дождем дранка, видимая за обшивкой, неровные стены, обитые некрашеными клепаными панелями. Дерево имело множество насыщенных тонов, уси-

⁵ *Корневое пиво*, или *Рутбир* – сладкий североамериканский безалкогольный напиток, традиционно изготавливаемый с использованием коры корня сассапарилового дерева.

ленных свечами Хелен. На фронтонах здесь и там проступали неровности, вместе с ними перекашивались и окна, отчего лучи света, попадавшие внутрь, почти сразу же перехватывались частью стены или просевшей крыши, а пол пестрел пятнами света, перемежающимися с полосами тьмы.

Стояли тут и книги, засунутые в книжные шкафы в общей груде мебели. Дети не могли оттащить мебель в сторону, чтобы добраться до книг, потому что мисс Флис услышала бы движение наверху и устроила бы им нахлобучку. Один раз она пригрозила запереть Хелен и Скизикса на чердаке, обвинив их в намерении похитить собственность миссис Лэнгли, ставшую теперь, естественно, собственностью мисс Флис. Теперь, когда Хелен и Скизикс стали свидетелями ее манипуляций с женой мэра, угрозы с ее стороны практически прекратились и, вероятно, она не стала бы препятствовать их хождению на чердак, пока они ведут там себя тихо и не двигают мебель. Вообще-то мисс Флис являла собой разновидность ленивицы, которая хочет только одного: чтобы ее оставили в покое и она могла бы читать дешевые романы и жалостливо разговаривать сама с собой. Она требовала только, чтобы ее не сердили. Правда, ее высказывания мало чего стоили, и Хелен со Скизиксом давно это поняли. Они могли делать, что пожелают, пока своими проделками не выводили из себя мисс Флис.

Кроме того, им следовало хорошенько подумать и о миссис Лэнгли, ведь книги в конечном счете покупала она. Она еще не отказалась от них полностью. Хелен не хотела рисковать, боясь ее обидеть. Она слишком любила свою чердачную мастерскую и делала все, что было в ее силах, чтобы ублажить давно умершую старушку. Но Джек никак не мог выкинуть из головы мысль о книгах. И теперь, когда с востока стали надвигаться дождевые тучи, когда небо потемнело и чердак осветило пламя десятков свечей, он решил, что настало самое подходящее время посмотреть, что это за книги. Вполне возможно, конечно, что грош им цена, этим книгам: может, это были старые учебники или романы, читать которые невозможно, или какие-нибудь технические книги. Но, с другой стороны, они могли быть и чем-то совершенно другим.

Лежа на животе и глядя из-под ободка низкого стола, сквозь лес из ножек стульев, он разглядел темные корешки на нижней полке в остальном не попадающего в его поле зрения шкафа. Хелен и Скизикс держали свечи, а Джек на спине пополз под стол, помогая себе ногами. Отделанная бисером оборка пыльной скатерти пришлась ему на щеку и на глаза. Он прополз дальше, глядя на сводчатый потолок вдаль, глядя на мебель, укрытую пожелтевшими простынями, большинство из которых за прошедшие годы провисло, соскользнуло, упало на пол.

– Дай мне свечку, – прошептал он.

– Ты тут пожар устроишь, – сказала ему Хелен, корча ему гримасу из-за ножек стола.

– Не устрою. Без свечи я не смогу читать названия книг. Не морочь мне голову.

Хелен засунула голову под стол и придвинула в его сторону по полу горящую свечу. Джек взял свечу и прополз подальше, пробираясь между стульев. Он повернул свечу горизонтально, чтобы капли воска упали на пол, а потом поставил ее в затвердевавшую восковую лужицу. Затем прополз мимо высокого резного буфета, преодолел лабиринт стульев, поставленных у шкафа, который еще хранил запах ароматного кедра.

Он видел темные очертания лиц Скизикса и Хелен рядом с сиянием свечи, оставшейся позади, и ему вдруг пришло в голову, что сейчас он увидит там и бледное лицо миссис Лэнгли, витающее в воздухе. Ему вдруг разонравилась идея ползти между этой разноразмерной мебелью. Запах пыли, разлагающихся простыней и заплесневелого дерева, странный аромат камфары и кедра создавали у него впечатление, что он ползет ночью по лесной чаще.

Он поднял свечку и перенес ее на шесть футов вперед, откуда она осветила книги. Отталкиваясь от задней стенки массивного платяного шкафа, он просунул голову и руку между ножек набитого кресла, почувствовал, как винтовые пружины расчесывают его волосы, а вокруг него дождем падают хлопчатые пушинки. Он протянул руку к книжному шкафу, уже

мог потрогать его пальцами. Подтянулся еще немного, зацепил пальцем одну из высоких книг, вытащил ее и поднес к пламени свечи.

Проходы среди нагроможденной, сваленной кое-как мебели, казалось, уходят в бесконечность во всех направлениях, как туннели в пещере гоблина, и все они теряются во тьме. По крыше над ним начал молотить дождь, а потом и стекать вниз, и через считанные секунды по сточным канавам с бурчанием и ревом понеслись потоки воды. Он попытался вылезти из-под стула, задел локтем свечу и вдруг оказался в темноте. Свет подсвечника Хелен мерцал где-то сзади и казался ему светлячком в лесной чаще, и до него, словно откуда-то из глубины его ушей, донеслась адская смесь звуков: птичий щебет, гудки каллиопы и тихий шепот голосов, пытающихся сообщить ему что-то, хотя он никак не мог сообразить, что именно.

Он резко развернулся, его свеча отлетела по полу в сторону и исчезла из виду. Остальные книги внезапно перестали его интересовать. Его ничто больше не интересовало, кроме одного: как поскорей выбраться отсюда. Книгу он толкал впереди себя, полз, отталкивался, чуть ли не роняя стулья. Он ухватился за уголок одной из простыней, накрывавших мебель, потянул ее, убедился, что она закреплена, а потом стал подтягиваться по ней, минуя раскоряченные ножки курительного столика. Простыня от его резких движений соскользнула со столика и упала пыльным саваном на его лицо.

Джек вскрикнул, сорвав с лица простыню, испугавшись, что на него-таки напал призрак миссис Лэнгли. Он почувствовал чьи-то руки на своих ботинках, принялся лягаться, ударяясь икрами о ножки стула. Потом он почувствовал, что его тащат, и перекатился на спину, книгу он теперь держал в руке, а голова освободилась от простыни и ударилась об пол. Он чуть согнул шею, но тут же ударился обо что-то лбом и снова распластался по полу, затем увидел свет и Скизикса, который держал его за щиколотки.

– Ты уже *заткнешься*? – сказала ему Хелен, вытаскивая книгу из его рук. – И это всё? Всего *одна* книга! А столько шума и ерзанья. Где моя свеча?

– Я ее потерял, – ответил Джек, проигнорировав остальные вопросы.

– Мне нужна эта свеча. Свечи – штука дорогая. Ползи назад и найди ее. И достань еще пару книг. Эта на вид очень неплоха.

Она некоторое время разглядывала обложку, потом подошла к столу и положила книгу на курительный столик.

Джек поднялся, принялся отряхиваться, сделав вид, что не слышал распоряжение Хелен. Скизикс встал в полутьме под коньком крыши и посмотрел в вентиляционное отверстие в полу, в котором виднелся свет газовой лампы в помещении внизу: кухне мисс Флис. Интерес Джека к книгам сильно уменьшился. Он прошелся пятерней по волосам, заправил рубашку в брюки – после ползания по полу между сваленной как попало мебелью вид у него стал расхристанный. Его рука предательски дрожала, и он сунул ее в карман, потом повернулся посмотреть в окно на улицу и перевести дыхание.

Дождь молотил по деревьям, растущим вдоль обочины. Небо за последние полчаса потемнело от одной линии горизонта до другой, и только над самой дальней его частью над океаном еще виднелся солнечный свет. Вечер уже почти наступил, и солнце клонилось к серому Тихому океану. Дождь все усиливался, и запад превратился в сплошной дождевой туман с вкраплениями умирающего оранжевого цвета. Джеку открывался вид за крышами домов по другую сторону улицы – со всех крыш стекали водопады воды, которая уже накапливалась лужами на перенасыщенных влагой лугах. Он видел и мастерскую таксидермиста дальше по улице на пути к гавани, а еще дальше можно было разглядеть даже части пристани, в остальном скрытой от глаз Джека. Теперь на пристани не было даже рыбаков.

Таверна Макуилта все еще оставалась закрытой – Джек разглядел кажущуюся крохотной издалека табличку, повешенную на вбитый в дверь гвоздь и покачивающуюся на ветру и дожде. Возможно, Макуилт находился на отвесном берегу в луна-парке, который выбрал особо

плохую неделю для подготовки к своему открытию, если только они и в самом деле *могли* выбирать. Луна-парк, отчасти из-за того, что Макуилт оказался связанным с ним, стал странно зловещим. И рассказы доктора Дженсена о складах на набережной никак не уменьшали это ощущение. Солнцеворот был для Джека чем-то большим, чем праздником урожая и каникулами, и это немного привлекало его, но одновременно и усиливало его подозрения в том, что тут происходит что-то неладное.

Макуилт на берег не пошел. Он забрался на крышу своей таверны – на глазах Джека вылез туда через дверь в плоской крыше, и теперь горбился под дождем, а в руках держал пустой маленький бочонок для виски. На крыше был навес с тремя стенками и односкатной крышей, под которым лежало что-то, укрытое брезентом. Он затащил бочонок под этот навес, где можно было укрыться от дождя, потом спустился в открытый люк, откуда появился несколько секунд спустя с огромными очками, стекла которых были закрашены. Он поспешил перенести очки под навес, словно ему было важно сохранить их сухими, и положил рядом с бочонком, после чего неторопливо разжег свою курительную трубочку. Отерев дождевые капли с лица рукавом рубашки, он сдернул брезент с кучи, которую тот закрывал. Под брезентом оказалось что-то вроде мостков, сколоченных из досок и на косых коротких ножках. Две задние ножки были короче, чем передние, отчего вся конструкция как бы устремлялась в небеса, как подставка под огромный телескоп.

Джек поманил Скизикса к окну, кивнул в сторону Макуилта, который принялся выделывать незнамо что. Хозяин таверны поднял свой бочонок, уложил его в другой бочонок большего размера и стал молотить по крышке меньшего молотком, разбивая ее в щепы. Он сорвал верхний обруч, и бочарные доски раскрылись наружу, как лепестки цветка, вот только больший бочонок не дал им упасть. Он извлек из гигантских очков одно из стекол и вставил его на место выбитой крышки малого бочонка, надел обруч, неловко удерживая стекло одной рукой, сбил обруч вниз так, чтобы бочарные доски плотно обжимали стекло.

Потом он достал малый бочонок из большого, перевернул и, поставив его в большой вверх другим концом, повторил всю последовательность действий.

А Макуилт действительно знал толк в изготовлении бочек. Джек слегка удивился тому, что такой начисто гнилой человек, как Макуилт, способен не только врать и обжуливать, но легкое удивление сменилось более сильным, когда хозяин таверны вытащил меньший бочонок из большого и поставил на деревянное приспособление, а потом приподнял заднюю часть, где ножки были покороче, чтобы уменьшить угол, под которым эта штукавина смотрела в небеса. Обрывком веревки он привязал бочонок к доскам, надежнее заблокировал ножки, а потом прижался носом к одной из линз. Джек предположил, что он увидел Мунвейл, а точнее, грядущих затянутах туманом холмов, за которыми скрывался Мунвейл и которые уже были подернуты вечерними сумерками.

Эти холмы казались сине-черными на фоне неба, и звезды горели над горизонтом, как и утром этого дня. Но небо не выглядело ночным, оно казалось утренним над холмами – серым и розовым в подсветке восхода, хотя шел уже шестой час вечера, и хотя солнце, когда оно все же *взошло*, появилось над прибрежными горами в месте, на девяносто градусов по компасу удаленном на восток от этого.

– Ты только посмотри, – сказал Скизикс, показывая на таверну. Хотя он произнес эти слова шепотом, зато таким тоном, что Хелен, оторвавшись от книги, тоже встала и протиснулась к окну между двумя ее друзьями, чтобы посмотреть самой.

– Телескоп, – сказал Джек отчасти для себя, отчасти для Хелен: Макуилт построил телескоп из бочонка для виски и гигантских очков. Он намочил тряпку в дождевой воде и принялся счищать краску с линз. Делал он это очень методически, два раза останавливался, доставал карманные часы, смотрел на циферблат, а один раз заново набил табаком трубку. Наконец он взял латунную оправу гигантских часов и сунул ее в пустой бочонок, который подкатил к

навесу, словно очищая пространство, чтобы приступить к работе, которую считал по-настоящему важной. Когда он закончил, нижняя часть солнечного диска уже погрузилась в океан, а над верхней баламутились тучи, и было неясно, какая из этих двух стихий поглотит светило. И в то же время невероятным образом солнце, казалось, встает над Мунвейлскими холмами.

Джеку вдруг захотелось припустить поскорее домой, чтобы посмотреть в свой собственный телескоп. Макуилт нацеливал свой телескоп на что-то, и Джеку хотелось узнать, на что именно. Но даже если он будет бежать всю дорогу, на этот бег по лужам и хляби под дождем уйдет минут пятнадцать. Солнце за это время сядет, и ему не удастся раскрыть тайну Макуилта, и он ничего не добьется. К тому же он не мог исключить вероятность того, что линзы обычного телескопа, какой был у него, недостаточно отшлифованы для таких дел. Даже если он успеет застать солнце, из окна своего чердака он, возможно, и не увидит ничего, кроме обычного вечернего неба, а Хелен и Скизикс тем временем будут развлекаться, глядя на Макуилта.

Хозяин таверны бросил тряпку, положил свою трубу на крышку вентиляционного отверстия, торчащую над крышей. Прикрыв глаза козырьком руки от исчезающего света, он вглядывался в линзу, вставленную в бочонок-телескоп, потом выбил чурки из-под задних ножек подставки и посмотрел снова, оттащив перед этим бочонок на полдюйма вправо, словно в поисках нужного ему угла наблюдения. Потом он достал карманные часы, несколько секунд смотрел на них, прищурившись, затем огляделся, оценивая дождь и словно пытаясь понять, слабеет ли он, потом снова уставился на часы. Его голова кивками отбивала секунды.

За тучами, застывшими небо по направлению к Мунвейлу, тянулась темно-синяя полоса пастельного цвета, шрам на небе, который лег на холмы, как залитый солнцем водоем. Сияющая оранжевая дуга солнца, один лишь тонкий ломтик, горящий на голубизне, словно минутой ранее погрузился в океан, потом промчался за холмами, чтобы снова подняться и словно отказываясь совершать надлежащий оборот вокруг земли.

Над холмами небеса представляли собой сплошной туман и солнечный свет, и звезды странным образом просматривались над солнечным светом, как светляки, и все это подрагивало сквозь дождь, парило, как воздух над разогретым асфальтом. Это напоминало изображение, проецируемое на небо и готовое в любое мгновение распасться на части и рухнуть на травянистые склоны холмов. Тени на голубом фоне сгущались, обретали золотистый оттенок по краям в лучах этого необычного солнца. Тени образовывали нечеткие очертания зданий (возможно, городских), словно в небесах отражались церковные шпили и колокольни Мунвейла. Но у Джека возникло странное впечатление, что никакой это не Мунвейл, а на небе отражается тень самого Рио-Делла, увеличенная до гигантских размеров наклонным углом странных солнечных лучей. Дождь ослабел. За его звуками слышались другие, далекие и приглушенные, – то ли пыхтение большой паровой машины, может быть, паровоза, который тащит состав по склонам холмов к далекому, затянутому туманом городу, выдувая из своей громадной паровой трубы дым, который кажется облачками на горизонте.

С океана подул ветер, срывая листья с деревьев на другой стороне улицы, закручивая их вихрем, унося в сторону леса. Брезент Макуилта взлетел в воздух, как воспаривший призрак, и прилип к его коленям. До Джека, перекрывая даже вой ветра, доносилось эхо проклятий Макуилта, но Джек не обращал внимания на ругань. Тени в небе сгущались, кружились, становились угловатыми и острыми, теперь они превратились в дома с окнами, башенками, и коньками, и скатами крыш, поднявшимися так высоко над холмами, что в них вполне могли жить гиганты.

Макуилт смотрел через свой странный телескоп и, казалось, даже не заметил, как брезент соскользнул с крыши, как последовал за ним хлам, который он только что укладывал – сломанные стулья, швабры и ведра, две огромные картины маслом, – все это подпрыгивало на утяжеленном дождем ветру, поднималось в воздух и с грохотом падало на брусчатку улицы.

Раздался звук бьющегося стекла, громкий и резкий, словно хрустальный канделябр упал на пол чердака. Джек увидел, как линзы на телескопе Макуилта треснули и рассыпались, словно их взорвало давление внутри бочонка. Хозяин таверны вскрикнул и отпрянул от своего телескопа, прижал руки к лицу, хотя треснула вовсе не та линза, к которой он прижимал лицо.

Его крик разорвал напитанный дождем воздух, и он принялся отрывать от лица то одну, то другую руку, оглядываясь с безумным видом, потом снова прижал обе руки к лицу, вскрикивая, проковылял несколько шагов, наконец упал на колени в лужу и свернулся там калачиком в сгущающейся тьме.

За несколько мгновений небо почернело настолько, что Джек, Скизикс и Хелен видели теперь только контуры фигуры Макуилта. Ложное солнце в той стороне, где находился Мунвейл, моргнуло и погасло, как пламя свечи, а с ним погас и город теней. Раздался удар грома, молния пронзила холмы, а на небе не осталось ничего, кроме черноты, дождя и листьев, бесящихся на ветках деревьев.

Глава 5

Скизикс стоял с открытым ртом. Он закрыл глаза, потом медленно открыл их, словно ожидая увидеть какие-то изменения. Хелен вытянула руки к глазам Скизикса, щелкнула пальцами, затем распахнула рот, подражая его выражению, и выкатила глаза.

– Щи поданы, – сказала она, тыкая пальцем в живот Скизикса. Ее друг моргнул, огляделся, сначала посмотрел на Джека, потом на Хелен. На чердак через вентиляционные отверстия принесло запах пустых щей.

– Щи, – с отвращением сказал Скизикс. – Я их не буду есть.

Хелен рассмеялась, словно это было маловероятно.

– Ты что думаешь... – начал было Скизикс, но его голос тут же стих.

Хелен снова села за стол и начала листать книгу.

– Я предлагаю вам обоим лучше приглядеться к этому. – Она подтащила подсвечник через стол поближе, чтобы осветить фронτισпис. Настроенный скептически Джек наклонился над ней. Он увидел изображение города на фоне голубого, словно фарфорового неба: узкие башни, построенные на обтесанном камне, аркообразные мосты, перекинутые, вероятно, через реки, а может быть, над плывущими облаками, красные крыши домов, торчащие над зарослями деревьев, не имеющими стволов, высокие окна, выходящие на луга, тянущиеся в никуда, в бесконечное голубое зеркало небес. Это не было похоже на город, который они только что видели, но плыл он в таком же волшебном небе, окрашенном в сумеречные цвета.

– Забудь о щах, – сказал Джек, подтягивая стул к столу. – Поесть мы можем попозже у меня.

Скизикс неожиданно кивнул и тоже подтащил к столу стул.

– Тогда мы сможем поесть еще раз у доктора Дженсена, после того как покажем ему эту книгу и расскажем о Макуилте и очках.

– Да перестань ты о жратве, – сказала Хелен. – Лучше послушай вот это: «Наш мир – лишь один из множества, – прочла она, начав с первой строки на первой странице, – миллионов миров, бесконечного множества миров, все они одинаковые, и все они разные, и все они вращаются друг вокруг друга, как тени звезд. Мы воображаем, что мы одни во времени и пространстве, мы чванливы, и именно во время солнцеворота нам напоминают, насколько мы незначительны в громадных глазах вечности – озарение, осененные каковым, мы должны были бы рассмеяться над собой, но ничего такого не происходит – мы не смеемся. Напротив: наш разум закликает на этой мысли, и мы отправляемся на нелегкие поиски какого-нибудь средства, с помощью которого можно покинуть захудалую деланку той сельской местности,

которую мы нанесли на карту как место нашего обитания. Кому-то везет. Чьи-то поиски заканчиваются для искателя разрушением.

– Кто-то из нас мистифицирован, – сказал Скизикс и отправился к вентиляционному отверстию, чтобы еще раз взглянуть в него.

– Тебя все мистифицирует, если оно не лежит на тарелке, – сказала Хелен. – А это проще пареной репы.

Скизикс поморщился.

– Лучше бы пирог. Мы все *знаем*, что на солнцеворот тут что-то происходит. Как в сезон горячих ветров, все взвинчены. Люди прячутся в проулках, залезают на крыши. Слышат голоса по ночам. Жители начинают болтать на каких-то смешных языках. А поезд с луна-парком, пришедший по разрушенным путям, – откуда он взялся? Что с ним случилось? Макуилту показалось, будто он увидел что-то – что именно? Вот что я хочу знать. *Что* он увидел?

– Могу поспорить: он увидел собственное лицо, – предположила Хелен, – отраженное в стеклах. Представь, какое это могло произвести на него впечатление. Представь, какое бы это впечатление произвело *на тебя*. Посмотри на это и заткнись. Это все про легенды, связанные с этим «множеством миров», как она их называет...

– Кто? – спросил Скизикс.

– Не поняла?

– Кто эта *она*?

Хелен подняла голову и усмехнулась.

– Догадайся.

Скизикс устало покачал головой, давая понять, что и не собирается. Но Хелен знала, что ему ужасно хочется знать. Как и Джеку. Но дразнить Джека было совсем не так интересно, как дразнить Скизикса. Хелен вела себя так, словно принимает его напускное безразличие за чистую монету. Джек заглянул через ее плечо, он и вполтину не был настолько мистифицирован, насколько, по его собственному признанию, был заинтригован Скизикс.

Джек был привычен ко всякой мистике. Он много лет знал, что смерти его отца сопровождали странные обстоятельства – или исчезновению, что уже должно было означать это слово, – которые скрывались от него, возможно, потому, что и сам Уиллоуби не вполне их понимал; доктор Дженсен, вероятно, думал, что так будет безопаснее. И дело было не только в голых фактах того случая. Джек всегда держал уши на макушке в надежде услышать какие-нибудь крохи той истории то здесь, то там. В ней не было ничего постыдного, по крайней мере в его понимании. В том факте, что его мать любили или помогали трое мужчин, включая его отца, не было ничего такого, что нужно было бы скрывать. Одним из этих мужчин был доктор Дженсен. Ну и что? Джек давно знал, что она умерла четыре года спустя после его рождения и что отец утверждал, будто ее смерть была намеренным деянием одного доктора – некоего Алджернона Харбина, – который был отвергнутым претендентом.

Подробности убийства на отвесном берегу в луна-парке солнцеворота были достаточно скандальны, чтобы удовлетворить всех жадных до сплетен жителей городка, даже если им и без того хватало тем для чесания языков – монстр Макуилта, канарецкая цыганка и сын таксидермиста. Ларс Портленд вызвал убийцу на бой и застрелил его – пуля с близкого расстояния попала Харбину в голову, но и сам Портленд был убит – ему пуля попала в сердце. Это, по мнению закона, было хладнокровное убийство. Но, по мнению Джека, и вполтину не такое хладнокровное, как убийство его матери, и ради чего? Ради мести ее мужу? Ради мести *ей самой* за то, что она отвергла мрачного и умного Алджернона Харбина?

Тело убитого доктора Харбина исчезло. Предположительно он упал с утеса в залитый лунным светом Тихий океан. Его тело, вероятно, унесло на юг прибрежным течением, и в конечном счете оно стало пищей для рыб и крабов, а затем для морских птиц, селящихся на песках пустынных мысков к северу от Сан-Франциско. Оператор карнавала исчез в это же

время, а вместе с ним и сам луна-парк. Шериф округа искал его несколько недель, хотя поиски вряд ли проводились с надлежащим усердием. В конечном счете обе стороны были мертвы. Предъявлять обвинение было некому. Коронером в то время служил доктор Дженсен, он и похоронил Ларса Портленда на кладбище рядом с женой, придя к заключению, которое трудно было оспорить.

Настоящей жертвой Джеку всегда представлялся доктор Дженсен: он получил отказ от женщины, которую любил, он похоронил своего лучшего друга, который тоже получил отказ от этой женщины. И Джек много лет подозревал, что доктор знает больше, чем говорит, что существуют некие части этой тайны, которые не погребли под последним комком земли, брошенным с лопаты на могилу кладбища Рио-Делла. Джек всегда подозревал, что доктор Дженсен по прошествии времени откроет их, но теперь ему уже стало казаться, что некоторые из этих откровений унесло ветром или по разрушенным ныне путям железной дороги, которая много лет простояла в запустении.

– Сдаюсь. – Скизикс скорчил Хелен гримасу. – Ты победила. У тебя есть книга, а у меня нет. Я не стану ее отбирать, потому что ты девчонка и можешь заплакать.

– Ты хочешь сказать «потому что я сверну тебе набок нос». Забудь. Спроси меня по хорошему или отправляйся есть щи.

Скизикс неторопливой походочкой подошел к ней, ухватил за косички по одной в руку, принялся сплетать их над ее головой так, чтобы тени плясали по стене.

– Вот тебе Нос, а вот тебе Рог, боевые косичные парни, воссоздают побоище на пристани, – сказал он, после этих слов косички отвесили друг другу поклоны и бросились в бой, принялись колотить друг друга, а он тем временем воспроизводил звуки драки языком.

Хелен развернулась на стуле и два раза ударила его по животу, что заставило его отскочить назад, но при этом он успел зацепить ногой стул Хелен и перевернул его вместе с ней под звонкий треск и смех. Хелен прижала одну руку ко рту, а другой умудрилась нанести Скизиксу еще один – последний, – удар, а потом оторвалась от упавшего стула и встала.

Пока продолжалась эта потасовка, Джек схватил книгу, а потому от Хелен досталось и ему – книгу она у него отобрала. Скизикс победно *затрубил*, приложив руки ко рту, а потом разразился смехом.

Снизу до них донесся пронзительный голос:

– Кто там? – Это был голос мисс Флис. – Это ты, Бобби? Ты на чердаке? Кто там на чердаке? Я узнаю, кто! А ну, спускайся сюда. Это ты, Хелен?

Голос смолк – мисс Флис прислушивалась. Скизикс, Джек и Хелен стояли бездвижно, почти не дыша, но улыбаясь друг другу. Джек подкрался и взглянул вниз через вентиляционное отверстие. Там, склонив голову набок, стояла мисс Флис с деревянной ложкой в руке. Пиблс сидел рядом на табурете.

Джек дал знак Хелен рукой, и та – очень тихо, чуть ли не по-птичьи – начала подражать голосу чердачного призрака миссис Лэнгли, повторяя, как это нередко делал и призрак, отрывки из романтических стихов о мертвых влюбленных и разрушенной жизни. Ее голос то повышался, то понижался на безмолвном чердаке. Мисс Флис стояла в той же позе и слушала. Хелен резко замолчала и свирепым взглядом посмотрела на Скизикса, словно оповещающая его о том, что она сделает с ним, если он не удержится и рассмеется.

Мисс Флис постояла еще несколько мгновений, а потом, явно удовлетворенная, вернулась к тому, что делала прежде, до начала потасовки на чердаке. Джек недоумевал, чем же таким она занималась. Она склонилась над большой оцинкованной лоханью, внимательно разглядывая что-то внутри. Вместе с ней смотрел и Пиблс, он то засовывал конец ложки в лохань, то выдергивал, его плечи сотрясались, причиной тому, вероятно, был едва сдерживаемый смех. Мисс Флис распрямилась и пошла к двери, чтобы запереть ее. В лохани, описывая неторопли-

вые круги, плавала та самая тварь из океана, чье существование послужило причиной отвратительной стычки, случившейся этим утром.

Джек прищурился, глядя на это существо. Оно странным образом не походило на рыбу при свете газовой лампы на кухне – мясистое и розовое, с плавниками, которые легко можно было принять за руки, – словно сотворенное кем-то, кто желал создать человеческое существо, но на полпути забыл, что хотел сотворить человека, и принялся создавать рыбу, а получилось вообще бог знает что. Теперь, когда Джек смотрел на это существо, в нем зашевелилось смутное подозрение, что гнев Макуилта на пристани был порожден страхом, а не был всего лишь реакцией на оскорбление. Хелен подошла к нему, за ней медленными и огромными шагами последовал и Скизикс, расставив руки в стороны и шевеля пальцами, словно изображая тайного заговорщика в каком-то безвкусном театральном представлении. Возникло впечатление, что его выходки не кончатся ничем хорошим, разорвут его изнутри, и потому Хелен посмотрела на него строгим взглядом: только вздумай зашуметь. В конечном счете она поставила на кон больше, чем Джек и Скизикс вдвоем.

Мисс Флис раскрыла маленькую полотняную сумочку, замаранную кровью, и вытащила из нее части курицы, принесенной Пиблсом из проулка. Могло показаться, что эта курица вызывает у нее отвращение, словно не так уж и хотелось мисс Флис делать то, что она делала. Пиблс смотрел, как зачарованный. Он снова предложил ложку существу в лохани. Ложку тут же вырвали из его руки, из-за чего мисс Флис на него зашипела. После этого они оба попытались достать ложку, осторожно засовывая в лохань руки, и тут же отдергивали их – словно пытались схватить что-то с раскаленной сковороды.

Мисс Флис в конечном счете удалось вытащить ложку; она недовольно посмотрела на Пиблса и убрала ее от греха подальше в раковину. Она пригасила газовую лампу и зажгла с полдюжину свечей, которые, по существу, представляли собой комки черного воска. После этого послышались стоны – своего рода заклинания. Джек прислушался внимательнее. Поначалу эти звуки напоминали вой ветра под карнизами, ветра, несущего с собой темноту. Эти звуки исходили от мисс Флис. Она стояла с закрытыми глазами и напевала то, что, видимо, было песней. Потом она взяла сахарницу, взяла горку сахара и просыпала ее тонкой линией в виде круга на пол кухни. Она положила внутренности курицы посередине круга, а пять черных свечей расставила по его периметру через равные интервалы, не забывая при этом напевать. Пиблс наблюдал за происходящим со своего стула.

Джеку показалось, что мир вдруг погрузился в пугающую темноту. Он слышал вой ветра в деревьях и стук дождя по кровле. На мгновение у него возникло впечатление, будто он воспарил над вентиляционным ходом, повис в окружившей его темноте. Он заставил себя посмотреть на неподвижно стоящего рядом с ним Скизикса, на лице которого застыла странная смесь выражений – страх, любопытство, отвращение.

Мисс Флис собрала воск, стаявший с одной из мягких свечей, покатила его в сахаре, потом провела им по куриным потрохам, липким от полусохшей крови, и после этого уронила этот маленький шарик в лохань. Раздались плеск и звуки, издаваемые существом, вынырнувшим на поверхность воды, потом – тишина. Ее гнусавое пение безостановочно продолжалось, пока она готовила еще один восковой шарик, но на сей раз она положила его, облепленного сахарным песком, на столешницу и протянула что-то Пиблсу, который вроде не хотел брать то, что она протягивала. Пиблс отрицательно покачал головой, на что мисс Флис таким же образом покачала головой ему в ответ, не переставая гнусавить, теперь уже громче, словно крича на Пиблса единственным доступным ей способом. Пиблс снова покачал головой. Мисс Флис схватила его за руку, сжала ее локтем и уколола его ладонь. Иголка – вот, что она предложила ему, но он был не в состоянии или не испытывал желания самому взять у себя кровь. Он поморщился, когда она его уколола, но не заплакал. В его глазах на миг промелькнуло выражение ненависти, которое сменилось очарованием, когда он посмотрел на капли крови, падав-

шие на воск в сахаре; при тусклом освещении эти капли окрашивали и воск, и сахар в темно-красный цвет. Мисс Флис уронила восковой шарик в лохань, и существо проглотило его.

На сей раз Джек мельком увидел его рот – тот появился на миг из мелкой воды и ухватил шарик на поверхности. Потом оно принялось плавать по лохани кругами в неистовых поисках, как показалось Джеку, новых шариков. Гнусавая песня стала звучать тише, еще тише, перешла на шепот. К ней присоединился еще один голос – у этого голоса был высокий тембр и журчание, как у резкого свиста крохотных нырковых птиц, и этот голос явно принадлежал существу в лохани. Мисс Флис модулировала собственное пение, ускорила темп, чтобы он отвечал интервалам пения существа в лохани.

Потом к двум голосам присоединился третий. Он возник в темноте чердака. Дождь, казалось, вдруг замолотил по крыше в ритм, а этот новый голос запел нечто, показавшееся Джеку церковным гимном, слова были вполне разборчивы, но не несли никакого смысла.

– Заткнись! – прошептал Скизикс.

Пение продолжилось. Мисс Флис внизу принялась раскачиваться на своих каблуках. Пиблс стоял на табурете с закрытыми глазами, прижимая большой палец к ладони другой руки.

– Ты уже *заткнешься*?! – зашипел Скизикс на Хелен.

Джеку тоже хотелось, чтобы Хелен заткнулась. Ему ничуть не нравилось то, что происходило на кухне. Запах капустного супа смешивался с ароматом свечей и тонким, медным запахом крови, и все это ударяло ему в нос, вызывало тошноту. Это ничуть не было похоже на мисс Флис или на какие-то прежние эпизоды с Пиблсом. Это было нечто иное, нечто, вызывавшее мерцание и дрожь в густой, влажной атмосфере чердака, всего дома.

– Это не я, – прошептала Хелен.

Джек и Скизикс посмотрели на нее. Они-то думали, что она играет роль миссис Лэнгли, продолжая подшучивать над мисс Флис. Но это было не так. Она молчала и смотрела. Перед ними, в пыльной глубине низкого, прячущегося в тени конька крыши, в пустом воздухе будто бы колыбалась темная вуаль. Она была видна, несмотря на темноту, парила там, как город теней, который они видели над Мунвейлскими холмами. Она кружилась, словно в водовороте, замерла, превратилась в лицо – лицо старой женщины, потом она повернулась боком и уставилась в темную стену. Длинные седые волосы торчком стояли у нее на голове, а ее неморгающие глаза вперились в пустоту. Ее рот открывался и закрывался, как рот деревянной куклы – она подпевала мисс Флис и существу в лохани. Джек не мог разобрать ни одного слова из тех, что она напевала. Какая-то его часть попыталась прислушаться к словам, другая часть всем сердцем желала очутиться где-нибудь в другом месте на земле.

Сама мисс Флис, казалось, пребывала в ужасе. Ее колдовство, с какой уж целью она там колдовала, должно было привести к какой-то непостижимой цели, но мысль о голосе с чердака доставляла ей беспокойство. А Пиблс внимательно к нему прислушивался. Его глаза были полужакрыты, он словно обдумывал результаты магии мисс Флис. Он снова взял ложку, лениво постучал ею о свое колено в ритм странному пению, потом нагнулся над лоханью, посмотрел на мисс Флис, чьи глаза были сосредоточенно закрыты, и осторожно ткнул ложкой в рыбоподобное существо. Оно прекратило свое канареечное пение, высунулось из воды и, ухватив Пиблса за палец, принялось бить хвостом в лохани и било до тех пор, пока под вопли мальчика не свалилось назад в лохань и не замерло там.

Пиблс со стоном соскочил со своего табурета, размахивая рукой. Ему откусили мизинец. Мисс Флис, выйдя из своего транса, сосредоточенно долю секунды смотрела на руку без пальца, а потом тыльной стороной ладони ударила его по щеке. Пиблс прекратил прыгать, замер, его откушенный палец упал на пол. Потом он аккуратно запеленал палец в полотенце, механически развернулся и вышел из комнаты, его лицо при горящих свечах было призрачно-бледным.

Джеку показалось, что чердак взбесился. Воздух неожиданно наполнился каким-то клубящимся туманом, в нем, словно как в ветре, появились кристаллики льда, а внутри тумана и вокруг него раздавались звуки, издаваемые котами и птицами, всякий щебет, пiski и мяуканье, словно всю эту животину перемешивали на сковородке. Песнопение на чердаке становилось громче и громче, словно соревнуясь с какофонией, которая кружила в пространстве снаружи от тумана. По углам чердака тени прояснились до сумеречного багрянца, а среди него посверкивало что-то, что вполне могло оказаться маленькими звездами, или парящими в воздухе светлячками, или искрами, рожденными спонтанно заряженной, вихрящейся атмосферой.

Мисс Флис неожиданно погрузилась в смятение. Она размахивала своей деревянной ложкой и криком звала Пиблса, потом наклонилась, чтобы посмотреть на рыбу, и ударилась своим костлявым бедром о край стола. Она отпрянула и выругалась от боли. Активность на чердаке уменьшилась, воздух неожиданно стал спокойнее. Джеку показалось, будто что-то упало, плюхнулось на пол, словно атмосфера, притомившись, решила присесть отдохнуть. Звездчатые пазы в помещении вернулись в состояние тени, коты отмяукались и смолкли, канареечный щебет прекратился с последней усталой трелью.

Мисс Флис возобновила свои песнопения, но звучали они неважно. Рыба ей не подпевала. Миссис Лэнгли словно онемела. Не осталось ничего, кроме тишины, вдвойне пустой тишины по контрасту с предшествующей ей какофонией звуков. Мисс Флис откашлялась, издала пробную тихую трель, чтобы понять, получится ли, но результат был тот же – никакой. Две свечи погасли, Пиблс, когда он танцевал со своим пальцем, разбросал сахарный песок из круга и, наступив на куриные потроха, раздавил их.

Призрачное лицо под коньком крыши на чердаке исчезло. Единственными звуками, когда мисс Флис наконец смолкла, были звуки ветра, дождя и бульканье кипящего супа. Джек, Скизикс и Хелен прокрались на цыпочках назад к столу, никто из них не нарушил молчания. Хелен взяла книгу, раскрыла ее, но книга ее мало интересовала.

– И что? – сказал Скизикс наполовину ошеломленным, наполовину недоуменным тоном, потом обратился к Хелен: – Так *кто* эту книгу написал?

Хелен закрыла книгу, потом повернулась и уставилась в окно.

– Виола Лэнгли, – сказала она и показала на книгу, словно приглашая их проверить.

* * *

Улицы были погружены в темноту, сырость и тишину. Тучи неслись по бездонному небу. Луна в двух днях от полнолуния проглядывала время от времени сквозь тучи, словно глаз, изготовленный из бивня мамонта. Лунные тени плясали и скакали на ветру, как гоблины, они растягивали стороны домов, взмахивали руками над своими головами, потом исчезали, превращались в ничто, когда тучи скрывали луну и улицы снова погружались в темноту.

Ланц шел по улице в темноте, опасаясь как теней, так и света. В путанице волокон дерева в частоколе кедровой ограды виделись лица, ухмыляющиеся и исчезающие в вихрящихся, освещенных луной тучах. Уханье совы, заблудившейся где-то среди веток потерявшего листву дуба, преследовало его от открытой пешеходной дорожки, уходящей от Главной улицы, до узкого петляющего проулка. В дождливо-темной пустоте дуба было что-то тайное, что-то наступающее. То же самое поджидало его и в проулке. Он увидеть его не мог, но не сомневался, что уж оно-то его прекрасно может видеть.

В то самое мгновение, когда туча погрузила проулок в темноту, он увидел наклонные очертания черного пугала на фоне выбеленной стены пристройки, ветер раскачивал туда-сюда набитые соломой руки пугала, словно они были на шарнирах. Он услышал это шуршание, оставившись и замер, выжидая, думая, что слышит хлопки крыльев каких-то летучих существ в

ночи. Неожиданно он почувствовал, что его окружают наступающие тени, эльфы и домовые, и скользкий, чувственный ветер. Проулок изгибался так резко, что дальше десяти или пятнадцати футов он не видел, но чувствовал – что-то там прячется в грязи и выброшенной мебели. Он развернулся и побежал, ветер дул ему в спину.

Краем глаза он увидел, как на резком порыве ветра пляшет пугало, раскачивается и машет руками, тянет швабру, которая удерживает его в земле поросшего сорняками сада. Шапку с него сдуло, она, словно летающая тарелка, прилетела на крышу сарая, потом скользнула по дранке и с треском ударилась о штакетины низкого забора. Ланц побежал назад к Главной улице, слыша за спиной ксилофонное позвякивание шапки, шуршание соломы, крики совы и треск ветра – все это проходило по извилинам его мозга, как музыка оркестра гоблинов.

Его дом в лесу соскользнул по склону холма. Семь дней дождей превратили землю в жижу, и его развалюху снесло к морю, он и оглянуться не успел. Его набивные зверушки исчезли вместе с домом, они громко кричали, жалобно плакали, визжали, их глаза потемнели от страха и удивления. Ланц думал спасти их, но густая грязь, непрекращающийся дождь и темень помешали ему.

Может быть, от них что-нибудь еще останется к рассвету. Они вполне могли просто остановиться где-нибудь на высшей точке отвесного берега и ждать хозяина там, близ приготавливаемого луна-парка. А могли и не остановиться. Через два или три дня их принесет в приливную зону залива Сан-Франциско, словно утонувший зоопарк. Их найдут люди с закатанными брючинами, отлавливающие при низком приливе двустворчатых моллюсков среди стеклянных глазок и тряпичной набивки, водорослевых улиток и литторин.

Ланц мог это видеть. Он мог закрыть глаза и увидеть, словно оно было нарисовано на полотне размером со стену сарая. Но думать об этом он не мог, не мог он шаг за шагом проследить их странную одиссею: вот их смыло вниз, вот они замерли на крошащейся кромке берега, вот на них накатывает взбаламученная морская пена прибойной волны, а потом уносит с собой в потоке, опутав водорослями и всяким мусором. Он мог вообразить только какие-то обрывки случившегося – оно мелькало в вечерних коридорах его воображения, как фрагменты ландшафта, видимые в подзорную трубу, если смотреть не с того конца.

Он закрыл глаза и увидел их, все они передвигались быстро в темноте океанического желоба, уносимые на юг глубоководным потоком. Он видел страуса и голову лося, бездомную собаку и разевающую рот рыбу, и ряды ровных зубов внутри рта, напоминающие нарезанные фортепьянные струны, была там и обезьяна с шерстью клочьями, и лист фанеры, в который ввинчено шестнадцать шурупов, и все ровными рядами, а шурупами прикручены морские раковины, и погонофоры, и коралловые черти, которые махали и кланялись в подвижных приливах.

Он вдруг очутился перед таверной Макуилта. Его каким-то образом принесло туда, выбросило на берег. Ночь, казалось, вела его, словно припасла для него некий пункт назначения, о котором он даже не догадывался. Он посмотрел на чердачное окно, воображая, что может вернуться назад во времени, и на мгновение и вправду смог. Он услышал пронзительный щебет двух дюжин крохотных птиц, почувствовал плесневелый запах их нечищенных клеток, запах птичьего корма и мешков из холстины, запах нарезанного картофеля, лука и бекона, приготавливаемых на плите.

Он был худ, и одежда на нем висела, как на пугале, что гналось за ним от самого проулка. Он уже много лет как перестал заботиться о еде. У него были сосновые орешки, и черника, и грибы. Время от времени он заглядывал к миссис Дженсен. Ей он доверял. Он слушал музыку, приносимую ветром с океана и через отвесный берег. Это была праздничная музыка, и там, на западе, где распадалась тучи, он видел что-то вроде мигающих звезд. А может быть, это были праздничные огни, горящие над морем словно тысяча свечей.

В таверне горел свет. Ланц подкрался к окну и заглянул внутрь, насколько то позволяла муслиновая занавеска. Он увидел, как Макуилт ударился коленом о деревянный стул, выругался, попытался лягнуть этот стул, но промахнулся и от приложенных усилий чуть было не упал на спину. Его глаза были завязаны тряпкой, и даже по собственной таверне он пробирался на ощупь, как слепой, задевал табуретки, ударял кулаком по барной стойке, жутко взвизгивал.

Ланц не мог понять, что происходит. Зачем Макуилт повязал тряпку себе на глаза? Ланц прижался губами к трещине в стекле и хотел было сказать что-то, но тут же остановился, потому что в голову не приходило никаких слов. Он прогудел в трещину, производя звук, похожий на вой ветра, задувающего под дверь. Он увидел, как Макуилт повернул голову и раскрыл рот от удивления. Ланц заверещал белкой, потом воспроизвел звуки воды, журчащей в дренажной трубе. Макуилт закричал хриплым голосом, смел рукой с прилавка дюжину стаканов. Нащупывая путь руками, он подошел к стене, прижался к ней, его голова поворачивалась из стороны в сторону, когда Ланц начал насвистывать в трещинку, подражая канарейке и издавая, словно издавека, высокие, тонкие звуки.

* * *

– Вы посмотрите! – воскликнул Джек, отрываясь от книги и показывая на окно. Кто-то заглядывал в окно таверны. В темноте Джек не мог разобрать, кто это, но когда незванный гость пошел прочь в обход здания и в сторону боковой улочки, Джек увидел, что это Ланц, долговязый, облаченный в какое-то тряпье. Он шел своей странной походкой – бочком и шаркая подошвами по земле.

Скизикс уже поднимал дверь чердачного люка. Джек и Хелен последовали за ним вниз, проскользнули в одну из спален и вышли из дома через окно. Пиблс ушел полчасом ранее, все еще прижимая тряпку к своему пальцу. Он направился к берегу, оглядываясь по дороге, словно опасаясь, что за ним следят, – и был прав.

Они не хотели застать Ланца врасплох. Если они устроят за ним слежку, то он уйдет от них. А потому они стояли в тени на другой стороне улицы и смотрели. Ланц склонился над чем-то лежащим под одним из деревьев, высаженных вдоль бортового камня. Он вытянул обе руки и поднял что-то. Это была часть подозрительной трубы Макуилта, часть гигантских линз. Осколок был довольно крупный – размером с голову Ланца.

В этот момент из-за туч выглянула луна, осветив улицу. Ланц поднес стекло к лицу, посмотрел через него на другую сторону улицы на трех своих друзей. Джек помахал, чувствуя себя глупо, его испугало неожиданно увеличенное за стеклом лицо Ланца. Его глаза, казалось, выросли до размера тарелок. Над ними в деревьях послышался какой-то шорох, потом хлопки тяжелых крыльев. Огромный ворон взлетел с ветки, описал круг над таверной, а потом опустился и уселся на булыжниках мостовой, меньше чем в шести футах от места, где стоял Ланц. Джек уставился на ворона. Ворон был тот же самый, он по-прежнему держал в лапе палочку.

Ланц посмотрел на ворона через стекло, слегка подпрыгнул, словно от испуга, потом стал смотреть куда-то над птицей, словно желая в чем-то убедиться. Ворон прыжками приблизился к нему, потом неловко взлетел и уселся у него на плече, осторожно потоптался там, а потом, как могло показаться со стороны, что-то прошептал в ухо Ланцу. Тот стоял неподвижно; выслушав птицу, бросил кусок стекла в сорняки, словно это какой-то мусор, развернулся и пошел по Главной улице, оставив позади недоумевающих друзей. Ворон вспорхнул с его плеча и полетел в сторону высокого берега, освещенного теперь огнями луна-парка.

Джек перебежал улицу и отыскал в траве стекло, но когда посмотрел в него, то не увидел никакого волшебства, только лица Хелен и Скизикса, которые в стекле были маленькими и далекими, словно стояли в миле от него на вершине холма. Вероятно, это, как и лицо Джека,

казавшееся им громадным лунообразным ликом ухмыляющегося гиганта, объяснялось какой-то особой выпуклостью стекла, дающей такой эффект.

Часть вторая. Через чердачное окно

Глава 6

Доктора Дженсена они застали за работой над ботинком. Время приближалось к девяти часам, и доктор работал в каретном сарае, где заливал смолой места, пропускающие воду. Он установил мачту, пропустив ее в отверстия для шнурков, а к каблуку приделал руль. Они собирались отправить ботинок в плавание под парусом. Джек подумал, что существует множество более простых способов обзавестись лодкой: в гавани стояло с полдюжины небольших яхточек, которые сдавались в аренду на день, и множество шкиперов предлагали свои услуги, в особенности во время солнцеворота, когда они не могли заняться ничем другим, кроме сдачи себя в аренду.

Но доктора интересовала не просто возможность поплавать в лодке под парусом. По правде говоря, не любил он это дело, которому когда-то мальчишкой отдал много времени, живя у залива Сан-Франциско. Повзрослев, он охладел к этому занятию и теперь наслаждался видом с берега, а выходить в океан ему для этого не требовалось. Он сказал, что его привлекает именно плавание под парусом в громадном ботинке. Предугадать, чем закончится такое путешествие, было невозможно. Он сказал, что отправится в путь завтра. Прилив отходит в девять утра, и доктор намеревался отойти вместе с ним, так сказать. Он не знал, когда вернется домой, но предполагал, что при таких странных погоде и море и ввиду наступающего солнцеворота путешествие может затянуться. Миссис Дженсен оставалась дома, но желание мужа понимала и не собиралась ставить ему палки в колеса. Джек, Скизикс и Хелен кивнули, хотя Джека объяснение доктора не удовлетворило. Эта история, казалось, имеет под собой какие-то более глубокие корни, чем те, о которых говорил доктор.

Хелен показала доктору книгу миссис Лэнгли. Его эта книга ничуть не удивила. Впрочем, он остерег их от проявления слишком большого интереса к ней и сказал, что лучше бы им относиться к тому, что в ней написано, как к сказкам и ничему более.

Джек, услышав это, поскреб голову, но ничего не ответил. Он посмотрел на доктора Дженсена, на его комбинезон, на ведро со смолой, на его невероятную лодку и сказал:

– Все, кажется, куда-то собираются ни с того ни с сего, правда?

– Неужели? – сказал доктор.

– Ну, может быть, они *никуда* и не собираются, но что-то у них *на уме* есть. В воздухе что-то чувствуется, правда? Вот точно, как перед грозой, только это продолжается уже целую неделю и становится все... не знаю. Нет, не хуже, более таким... как бы это сказать... или чем-то вроде такого.

– Очень странно, – пробормотал доктор Дженсен и снова принялся замазывать дыры в ботинке, казалось, почти не обратив внимания на слова Джека. Либо не обратил, либо не считал предмет достаточно важным.

Джек рассказал ему про мисс Флис и монстра из моря. Доктор Дженсен покачал головой отчасти с отвращением. А вот известие о появлении миссис Лэнгли и ее участии, казалось, заинтересовало его, правда, всего на несколько секунд, а потом он пожал плечами и вернулся к своим трудам.

– Миссис Лэнгли в последнее время была активной? – спросил он как бы невзначай, вытирая руки о комбинезон и подняв глаза на Хелен. Она кивнула.

– По правде говоря, да. Иногда ее никак не заставить замолчать. Обычно, когда я ей отвечаю, она радуется и замолкает. Скажем, она говорит о розовом платье или об индейке на День благодарения, а я говорю, что платье очень красивое или что ничего вкуснее индейки я

никогда не ела. А потом ничего, словно ее беспокоили лишь платье и индейка, а теперь она всем довольна. Но всю последнюю неделю она стонала и беспрерывно говорила. А еще я слышу кошачье мяуканье где-то вокруг чердака. Кажется, там не один кот – может, три или четыре.

– Ну-ка, ну-ка, – сказал доктор Дженсен, раскуривая трубку. – Коты, говоришь? Коты-призраки?

Хелен пожала плечами.

– Ни одного живого кота я там не видела.

– По дороге к Мунвейлу раскопаны могилы, – сказа доктор Дженсен и посмотрел на нее взглядом, который вроде бы говорил, что у него вдруг возникло желание поболтать о загадках, упомянутых раньше, но дело это было очень серьезное и требовало тщательного подбора слов. – Не слышали?

Они все трое отрицательно замотали головами.

– А еще одну раскопали на кладбище Рио-Делла. До тебя эти сведения непременно дойдут, Джек, если уже не дошли.

Глаза Джека широко раскрылись. Доктор Дженсен только по одной причине мог произнести такие слова.

– Это могила моего отца?

Доктор кивнул, пыхнул трубкой и прищурился, глядя на Джека. На секунду он полностью отвлекся от своей лодки. Разговор подошел к такому повороту, который требовал от него полного внимания.

– Я сходил туда сегодня утром, посмотрел. Я мог бы сказать тебе об этом на берегу, но сначала хотел посмотреть могилы близ Мунвейла. Такое случается здесь не в первый раз. Если ты дойдешь до этого места в книге миссис Лэнгли, то она тебе все расскажет об этом, ну и чуточку приукрасит, как она это любит. Она не видела ничего плохого в небольших манипуляциях с истиной, если это добавляло красок в историю. Но мы ищем истину, и, повторяю, я бы рассказал вам, в чем она состоит, если бы сам знал. Я этим вечером ходил на ферму, думал, найду вас там, но Уиллоуби сказал, что тебя не было целый день. Эти могилы у Мунвейла никто не грабил, их наполовину смыла Угрёвая речка, и если дождь не прекратится, то к утру в море будут плавать покойники. Но несколько могил еще не вскрыты рекой. По крайней мере, я так считаю. Я думаю, тела поднялись и ушли.

Скизикс рассмеялся неискренним смехом, словно отчасти смущаясь, но считая эту мысль довольно глупой, чтобы ее оспаривать. А Джек даже не улыбнулся. Жуткая картинка, возникшая в его воображении, – тело его отца шагает прочь от кладбища Рио-Делла – никакого смеха у него не вызвала. Доктор Дженсен, видимо, прочел выражение на его лице, потому что поднял руку и покачал головой.

– Могила твоего отца была раскопана. И это другое дело. Кости остались внутри.

Мысль о костях тоже не вызвала никакого восторга у Джека, но он хотя бы испытал некоторое облегчение.

– Почему? – спросил он, странным образом чувствуя, что доктор Дженсен знает ответ.

Он только пожал плечами, с десятков раз затянулся из своей трубочки, неторопливо набил ее заново, разжег, а потом сказал:

– Это кости не твоего отца.

Джек стоял безмолвно.

– Я сам заполнил этот гроб, Джек, костями человека, которому следовало бы умереть на много лет раньше. Его кости рассыпались в прах, когда я укладывал его, и мне пришлось для веса добавить туда всякого хлама, принадлежавшего твоему отцу.

– Вы хотите сказать, что мой отец жив?

– Нет. Ничего подобного я тебе не говорю. Только то, что его не захоронили в этом гробу. Может быть, он и жив, а может быть, мертв. Может быть, я сейчас ремонтирую его ботинок.

– Так, значит, в него не стреляли?

– Стреляли, еще как стреляли, но не убили. Харбин попал ему в руку. А твой отец – Харбину в лицо. Хотелось бы мне сказать, что это была самозащита. Но это ложь. К самозащите это вообще не имело никакого отношения. Харбин заслужил смерть как никто другой. Да и чего-нибудь похуже. Я не уверен, что с ним в конце концов не случилось чего-нибудь *похуже*. Тела его так и не нашли. Ты это знаешь. Он спрыгнул с утеса в штормовое море. Случилось это, конечно, в солнцеворот, который ничем не отличался от нынешнего: дождь и ветер целую неделю. Прилив сегодня слишком высокий, завтра слишком низкий; волны штормового прибоя набегают с севера, а через час спадают, а еще час спустя возвращаются. В ту ночь смыло несколько домов близ Ферндейла. Утопленников было столько – не счесть. Все тела нашли, все – до последнего. Но Харбина так и не обнаружили, хотя и искали целую неделю внизу и сверху по побережью.

– Так чьи же кости лежали в гробу? – спросил Джек; его ошеломило известие об исчезновении доктора Харбина, и он никак не мог отвлечься от мысли об отрытой могиле, которая вовсе не была могилой его отца. Известие о том, что его отец, возможно, все еще жив, странным образом обескуражило его. Почему-то его угнетала эта мысль. Если так оно и было на самом деле, если его отец застрелил Харбина и бежал, то это означало, что он бросил Джека на все эти годы на попечение Уиллоуби, хотя мог легко вернуться и забрать его. Никто в деревне не считал его виновным в каком-либо преступлении. Никакого обвиняемого не было, как не было никого, кто был бы озабочен предъявлением обвинений.

– Это были кости человека, о котором я тебе говорил сегодня утром. Старого китайца из Сан-Франциско, который жил в складе на заливе. На берегу были и трое других из нас: Уиллоуби, я и Кеттеринг. Я не меньше Ларса Портленда хотел, чтобы Харбин умер, но мне не хватало смелости убить его своими руками. Не было такой гнусности, какую бы он не совершил. Убийство твоей матери – его рук дело, тут и сомнений никаких нет – было только одним из многих его преступлений, но и этого вполне хватало. Твой отец сказал, что убьет его, и сдержал свое слово. Или хотя бы попытался, и ушел с мыслью, что ему это удастся. Я предпринял попытку остановить его, но потерпел неудачу, и я вместе с Уиллоуби видел, как они вызвали друг друга на дуэль. Если бы Харбин убил твоего отца, то я бы этого Харбина сам застрелил прямо там, на месте, и нес бы за это ответственность. Но, как я тебе уже сказал, твой отец попал ему прямо в голову, и Харбин упал на спину и свалился с утеса. Мы видели, как он летел в океан как тряпичная кукла. Мы видели, как приливная волна бросала тело Харбина в белом пальто на прибрежные камни, а потом большая отливная волна унесла его на глубину, и он исчез навсегда. Превратился в корм для рыб – так мы считали. Теперь я уже в этом не уверен.

– Кто же тогда еще мертв, кроме человека из Сан-Франциско, инженера?

– Никто.

– А где же мой отец?

– Спроси миссис Лэнгли. Она знает.

– А где доктор Харбин? – Задав этот вопрос, Джек понял, что на самом деле он не хочет это знать, что если бы он знал наверняка, где Харбин, то ему бы самому захотелось убить доктора. Но и это было неправдой. Ему как бы *полагалось* хотеть прикончить этого человека за то, что он сделал с его матерью и отцом. Но ведь Джек почти не знал ни мать, ни отца, верно? У него остались лишь смутные детские воспоминания о них. А мысль об убийстве была ему чужда. Такие мысли, наверное, могли бы привлечь Пиблса, или Макуилта, или самого Харбина.

– Не понимаю я, – сказал Джек, чувствуя себя идиотом, потому что задавал вопросы совершенно очевидные. – Я имею в виду старые кости в могиле моего отца.

– Сказать тебе правду, так нам никакие тела были не нужны. То, что произошло на высоком берегу, рано или поздно потребовало бы объяснения. Тот старик, когда мы его нашли, был настоящей мумией. Он лежал на земле под дождем. И похож он был на старый кожаный

мешок, из которого сшили что-то вроде куклы. Из его рта доносились какие-то звуки, но они были лишены всякого смысла или произносились на языке, которого мы не знали. Не прошло и пяти минут, как он превратился не во что иное, как в грудку костей и праха. Прах его все еще часть земли на лугу, а его кости мы положили в брезентовый мешок и притащили домой. Я положил их вместе с балластом в гроб, как уже говорил, а всем, кто спрашивал, говорил, что в гробу лежит Ларс Портленд. Я тогда служил коронером, и у меня не было оснований, чтобы врать, никаких серьезных оснований. Никто меня не подозревал в том, что я приложил к этому руку. А я и не прикладывал до определенного момента. Просто я хотел, чтобы все было шито-крыто. Так оно в точности и было до третьего дня.

Скизикс до этого времени сидел молча на бочонке с гвоздями, слушая разговор Джека и доктора Дженсена. Это были их дела, а ему хватало ума в чужие дела не соваться. Но когда Скизиксу показалось, что Джек уже выговорился, он спросил:

– А как насчет луна-парка? Вы сказали, что этот старик (что там с ним случилось – превратился в прах на высоком берегу?) *управлял* карнавалом. Что же случилось, когда старик исчез? Луна-парк закрылся? Куда он делся?

– Это настоящая загадка, – сказал доктор, кося глаза в пол. – Он два дня простоял под дождем, и вид у него был такой, что еще немного – и он проржавеет насквозь. Я был готов спорить, что к концу недели от него останется не больше, чем от друга Кеттеринга – ничего, кроме праха и костей. Но тут луна-парк ночью снялся с места и уехал. Вытащили все стойки из земли и исчезли. Я слышал свист каллиопы. Разбудил меня посреди ночи, но пока я выгонял фургон из сарая и ехал до Прибрежной дороги, луна-парк исчез. Только на путях в направлении Скотии в лунном свете поднимался пар. Я приложил ухо к путям и услышал его, поезд двигался на юг. Я поехал за ним – вот что я сделал на следующий день. Доехал до самого Сан-Франциско и оставался там две недели, искал этот склад, хотя и знал, что не найду его там, что, когда мы там были в прошлый раз, он уже исчез. Бесплезной была вся затея, и я знал это, но все же что-то в атмосфере толкало меня делать то, что я делал. И он вернулся на свой манер, я это про склад говорю. Он стал не такой, как несколькими годами раньше, а вы помните – он практически разваливался на части.

Теперь от него остался только скелет здания. В закрытых углах термитная пыль доходила до щиколоток, а в тех местах, куда доставал ветер с залива, пол был чист. Нет, там было немало мусора в виде всяких железных обломков, а также латунных, бронзовых и медных, но в большинстве своем все это срослось под слоями ржавчины и патины, так что я не мог сказать наверняка, чем все это было прежде. Я видел там старые постеры, наклеенные на несколько стенок и оставленные выцветать. В большинстве своем это были цирковые постеры или плакаты для луна-парка, выцветшие из-за непогоды, а под ними слой за слоем обнажались такие же. Словно сами эти стены никогда не знали штукатурки и представляли собой не что иное, как папье-маше, скрепленное клеем из мидий и рачков. Запах напрямую указывал на это. Все это место даже в ветреную погоду пахло приливной заводью, в которой давно не было воды, а все ее содержимое выкипело на солнце.

Ягодные кусты тогда разрослись самым роскошным образом, хотя теперь они, казалось, умирали, возвращаясь в прежнее состояние. Но в заваленном всяким хламом складе невозможно было найти место, откуда можно было увидеть какое-либо из соседних зданий за пределами заросших сорняками дворов. Изнутри открывался вид на залив за железнодорожным мостиком. На улице вдоль фасада в стороне от причала тянулась металлическая ограда, покосившаяся и местами поломанная, и заканчивалась она с обеих сторон, просто теряясь в зарослях. Я заглянул туда во время низкой воды, и мне пришлось спуститься на илистые отмели, а потом выбираться вверх из залива. Альтернативой этому пути было прорубаться через заросли ежевики.

Как бы то ни было, ничего другого я не нашел. Я убедил себя, что во время последнего нашего похода мы совершили ошибку. Наши поиски тогда были недостаточно усердны, к тому же проходили они в сумерках. Мы заглянули за ограду сквозь заросли и *решили*, что от всего этого ничего не осталось, но нас определенно обмануло заходящее солнце. Может быть, мы по ошибке приняли каркас сооружения за часть железнодорожного мостика.

На этом доктор Дженсен неожиданно выдохся. Он встал, оглядел свое суденышко, которое казалось Джеку мало подходящим для плавания. Но все же оно доплыло до берега, не опрокинулось и не затонуло. Может быть, оно перенесет и еще одно плавание.

– И с тех пор вы туда так и не возвращались? – спросил Джек, не вполне удовлетворенный тем, что доктор подошел к концу своей истории.

– Нет-нет, я возвращался. Три года спустя. Я приехал туда еще раз, чтобы купить некоторые виды амфибий, и заглянул в Чайнатаун на ужин. Я проехал по набережной Сан-Франциско, но – обрати внимание – не для того, чтобы проверить склад, а чтобы купить саламандр на пристани. И по дороге мы проезжали через ворота. Я давно забыл об этом месте, а потому удивился. Я проехал их за одно мгновение и, опомниться не успев, уже неся к причалу.

Ворота эти были отремонтированы и либо покрашены, либо очищены от ржавчины. Все кусты подрезаны и зеленели, и на всех росли сочные ягоды. Сам склад тоже был отремонтирован, на крыше лежала новая дранка, окна были остеклены. Краска свежая, и через окно я видел свет внутри и человека, который возился с каким-то устройством, наклонился над ним, крутил что-то гаечным ключом. Потом мы проехали. С саламандрами возникли проблемы – половина из них умерли, а остальные не стоили того, чтобы с ними возиться. Я несколько часов пытался отбить деньги, которые заплатил авансом впустую, потом поспешил на станцию и едва успел на вечерний поезд на Инвернесс – еще чуть-чуть и опоздал бы. Больше я туда не возвращался и не знаю, кто восстановил склад. Наверняка я могу сказать одно: сделал это не старый друг Кеттеринга. Его кости лежали на кладбище в Рио-Делле, они и сейчас там, снова засыпаны землей и, надеюсь, там и останутся навсегда.

– Так кто же это был? – спросил Скизикс, глядя на Джека, а потом на доктора Дженсена, словно зная, что разговор идет о делах, которые выше его понимания, но, вероятно, не выше понимания Джека.

Он ошибался: Джек ничего не знал. Доктор Дженсен пожал плечами и сказал, что полной уверенности у него нет, но кое-какие подозрения имеются. Впрочем, ничего сочинять он не будет. Он подождет, пока у него не появится полная уверенность, и уже тогда расскажет. Все остальное может только привести к неприятностям, а доктору Дженсену казалось, что они трое уже и без того получили свою долю неприятностей. В помощи они не нуждаются.

Джек спросил у него, *что* им следует делать. Они ведь не могут просто наблюдать со стороны, тогда как все остальное северное побережье окуталось какими-то тайнами? А если они что-нибудь упустят? Что, если все будут в нужный момент на месте, а они останутся дома?

На каком это месте, поинтересовался доктор Дженсен. Джек не знал ответа на этот вопрос, но задал доктору другой, получше – спросил, куда это тот направляется в ботинке? Доктор Дженсен пожал плечами и сказал, что никто не знает, где он в конечном счете может оказаться.

Так они вернулись к тому, с чего начали.

Немного спустя, когда Скизикс насытился остатками вчерашней индейки с клюквенным соусом, Хелен спросила доктора Дженсена о том, что имела в виду миссис Лэнгли, говоря о «земле мечты». Хелен, совершенно очевидно, пыталась собрать все воедино, получить нечто связанное из всех фрагментов, тогда как Скизикс потратил это время на дурацкие улыбочки, а мысли Джека металась от любопытства к сожалению и предвкушению, а потому он ни к каким выводам за этот вечер не пришел.

Хелен видела какие-то закономерности в этом странном поведении – оно каким-то образом было связано с волшебной страной миссис Лэнгли, верно? Все полагали, что именно туда они и отправляются. Один только бог знал, сколько обитателей городка готовились поднять паруса и отправиться в плавание, как доктор Дженсен; кто-то, может быть, намеревался создать для этих целей огромного бумажного змея; кто-то – вызвать какого-нибудь монстра из океана; кто-то еще – соорудить (что?) громадную подзорную трубу из бочонка виски и гигантских очков. А *откуда* могли взяться очки? Явно из земли мечты, о которой твердила миссис Лэнгли. Началось это все с солнцеворота. С солнцеворотом могло появиться что угодно. С солнцеворотом исчез Ларс Портленд. Он ведь ушел в землю мечты, правда?

Доктор Дженсен пожал плечами. Может, так оно и было. Он хотел туда попасть. Землю мечты определенно с тех пор никто не видел, а уже двенадцать лет прошло. Кеттеринга, который был вместе с ними на берегу, тоже больше никто не видел. Дорога, которую он искал, открылась ему с помощью алхимии. Он говорил что-то об эликсире, о вине, которое пахнет одновременно дегтем, одуванчиками и океанской водой. Но одного эликсира для этого было недостаточно. Еще одной составляющей каким-то образом был и луна-парк, а с ним и восточные ветра, и морской вал с севера, и перемены в погоде. Все это было очень маловероятно, и его приходилось принимать как данность, хотя Алджернон Харбин придерживался другого мнения.

Харбин искал что-то в этом роде, пока поиски не сделали его несчастным. Те его части, что не были запятнаны разрушением и жадностью, совсем зачахли и умерли, а когда ему показалось, что Ларс Портленд добился успехов там, где сам он потерпел поражение, что ж...

Доктор Дженсен покачал головой. Они уже успели побывать в той земле, и не было причин, сказал он, тащиться туда еще раз. Хелен, конечно, была права. Никто из них не знал, куда они направляются и что там найдут. В снах нередко являются предметы не очень красивые, и, как говорит пословица, лишь очень малому числу из наших снов желаем мы сбыться. Но была в этом одна загадка, которая влекла нас, сказал доктор Дженсен, и еще существовало грустное представление, что в наших жизнях обязательно должно быть что-то большее, чем продолжающаяся деградация мира, который мы, обманывая себя, считали прочным. Мы бродим по краю пропасти, казалось ему, и этот край крошится, а мы балансируем на этой ненадежной кромке и повсюду вокруг видим наших друзей – они падают с обрыва и разбиваются о камни внизу, и не существует возможности предсказать, какая из малых площадок, на которые мы ступаем, разрушится под нашим весом, а мы полетим вниз следом за теми, кто уже лежит там, внизу. Должен быть какой-то способ, настаивал он, чтобы все спланировать, крепко держать штурвал и вырулить к берегу, менее окутанному туманами и не с такими отвесными берегами, как те берега, которые мы знаем.

Доктор Дженсен посмотрел на свои карманные часы и вздохнул. Было уже поздно, и в его голосе слышались сентиментальные нотки. С утренним солнцем все будет казаться более радужным. Он отправляется в развлекательный круиз, сказал он, ничего более. Он верил в свои сны, чтобы предположить, что не ослепнет, увидев их наяву. Он предложил всем взять еще по куску пирога, но аппетит был у одного только Скизикса.

Скизикс, подхватив кусок вилкой, сказал, что, если он внезапно окажется в земле своей мечты, то пересечет ее пешком и по дороге заглянет во все таверны – и хорошие, и плохие – подряд, чтобы перекусить. А плохие пусть напоминают ему о том, насколько хороши хорошие. Дело это грустное, сказал он, все это хождение по краю, и по-своему довольно живое. Но для него, казалось, ненадежность дела придавала ему особый аромат; любое место становилось для него скучным, если его существование там было прописано от и до. Доктор улыбнулся и сказал, что Скизикс юн, но настанет день, и он, возможно, увидит мир через другие очки.

* * *

Джек в ту ночь спал урывками. Ветер задувал порывами, а дождь то молотил по стенам сарая, то стихал, Джек то засыпал в тишине, то просыпался, вздрогнув, думая, что слышит что-то, а потом снова засыпал. Один раз он проснулся, встал с кровати, засунул руку под матрас, нащупал там – не сразу – маленький пузырек зеленовато-золотистой жидкости, который прятал там уже неделю. В высоту пузырек не имел и трех дюймов. Этикетки на нем не было, а закупоривался он не пробкой, а винтовой крышкой, и это Джека вполне устраивало, потому что пробку он, вероятно, никогда бы не смог извлечь из горлышка. Оставил пузырек – Джек теперь был почти уверен в этом – маленький человек в костюме мыши. Найдя пузырек, Джек открыл его и поставил рядом со своей книгой и свечкой на прикроватном столике, отчего сарай почти мгновенно наполнился ароматом дегтя, одуванчиков и океанской воды, всеми одновременно, но в то же время отчетливо различимых каждый в отдельности, словно одновременно открыли три пузырька, в которых находилось по какому-то одному из ингредиентов, и их ароматы повисли в воздухе, не перемешиваясь.

Он сказал об этом Скизиксу и Хелен, никаких причин скрывать это у него не было. Пиблс подслушал его слова, притаившись у двери в комнату Скизикса, но чихнул, выдав себя. Джека это ничуть не взволновало, в конечном счете ведь Пиблс казался ему чем-то вроде бородавки, жалкой и не вызывающей ничего, кроме раздражения. Но сегодня, по прошествии двух последних дней, Джек не был так уж в этом уверен – Пиблс стал казаться ему чем-то большим, чем прежде. И все же вряд ли этот эликсир мог заинтересовать Пиблса – если это был действительно эликсир, – а даже если он страстно хотел заполучить маленький пузырек, то был слишком труслив, чтобы похитить его, пробравшись в комнату Джека.

Он засунул пузырек назад – под матрас. Ему показалось, что он слышит доносящийся издалека звук каллиопы, той самой, что звучала в его снах. Он завернулся в одеяло и открыл ставень. Звук музыки, как ему показалось, стал немного громче, словно затаился снаружи, выжидая того момента, когда можно будет залезть внутрь сарая. Джек видел черную линию океана вдаль за берегом, и ему казалось, будто он видит сияние огней и в Мунвейле, хотя было непонятно, кому понадобилось зажигать огни посреди ночи. Может быть, там появилось северное сияние, невысокое над Мунвейлскими холмами.

Луна-парк был освещен, как рождественская елка. Джек чуть ли не видел зеленые луговые травы вокруг. Он направил в ту сторону подзорную трубу, настроил резкость и разглядел чью-то тень, которая двигалась среди аттракционов, а все они, как это ни странно, работали – вращались, качались, кренились. Тень – а это несомненно был доктор Браун – появлялась то здесь, то там, переключала рычаги, поворачивала огромные металлические колеса, отступала и прикрывала лицо от пара, клубами вырывавшегося из каких-то машин. Две фигуры за его спиной подбрасывали поленья в печь в форме улья. Он разглядел их не сразу – там было слишком темно.

Дверь комнаты смеха открылась, изнутри хлынул яркий свет, а на пороге остановился какой-то человек в огромном остроконечном клоунском колпаке, простоял он там недолго, потом через мгновение дверь захлопнулась, чуть ли не ударив его по носу. Огонь в печи разгорелся ярче, каллиопа заиграла громче и развязнее, два человека рядом с печью с охапками дров в руках, и в мерцающем свете огня казалось, что они подпрыгивают и пляшут. Они оба были скелетами, каким-то образом оживленные, чтобы служить доктору Брауну.

Джек сел и моргнул, потом посмотрел снова. Дверь печи была закрыта. То, что он принял за скелеты, теперь превратилось в обычные тени, раскалывавшие прибитые к берегу коряги топорами. Он слышал доносящиеся издали звуки ударов, заглушавшие звуки каллиопы. Были ли они *скелетами*? Маловероятно. Вполне возможно, что увиденное было игрой лунного света,

прорывавшегося сквозь разрывы в тучах, – это, и внезапно заплясавший огонь, и цепочки ламп наверху, все смешалось, чтобы одурачить его. В этом, наверное, все и дело.

Он вдруг заметил, что аттракционы вовсе не пусты, по крайней мере не полностью. Кто-то катался на колесе обозрения. Оно крутилось очень медленно, поднималось к небу против часовой стрелки, громадная петля огней и с десятков кресел-качалок, закрепленных на ней, как цифры на часах. Спицы этой штуковины и дуги между ними были серебристо-темными на фоне света и напоминали паутину, подсвеченную лунным сиянием. В одном из кресел виднелась сгорбленная фигура, кресло это поднималось от двух часов к одному часу, потом к двенадцати, потом стала опускаться к одиннадцати и десяти и дальше, чтобы после шести начать снова подниматься к небесам. Джек попытался разглядеть ее в подзорную трубу, и при этом странная уверенность стала разрастаться в его животе. Он не мог поклясться, что это Ланц, но сутулая фигура вполне могла быть Ланцем, который расположился на краешке маленького качающегося сиденья. Он ведь до этого бродил по улицам в темноте. Искал что-то. Он выслушал ворона, усевшегося ему на плечо, и направился к берегу с решимостью, достаточной, чтобы игнорировать приветственные крики друзей.

Джек наблюдал еще десять минут, пока северный ветер не начал доставать его и через одеяло, и пока снова не пошел темный дождь, пробивавшийся через ставни, туманивший линзы его подзорной трубы. Время приближалось к рассвету, пора было спать. Луна-парк уже открылся и функционировал, хотя и не в полную силу; Джеку и Скизику нужно будет взглянуть на него утром, если им удастся выскользнуть без Хелен. Она все равно, наверное, будет торчать на чердаке – малевать что-нибудь и почитать книгу миссис Лэнгли, может быть, точить лясы с давно умершей старухой. Джек еще раз нащупал крохотный пузырек, после чего, довольный, уснул, и ему приснились Хелен, и Скизикс, и доктор Дженсен, но главным образом Хелен – все они плыли в гигантском ботинке по морю такому синему, что их вполне можно было принять за странников, плывущих по небу к стаям звезд.

Глава 7

– Может быть, это он.

– Значит, он изменился. Я сам увидел краем глаза, но никогда бы так не подумал. Глядя на него, об этом никак не подумаешь.

– А мы вот все подумали. Уже несколько лет как.

Из гостиной доносились голоса, они проникали в кухню, но не дальше. Люди говорили тихо, как заговорщики. Один из этих голосов принадлежал доктору Дженсену, другой – Уиллоуби. Ни один из них, если бы попытался, не смог бы изменить свой голос до неузнаваемости – настолько, чтобы провести кого-нибудь, – впрочем, они и не пытались. Джек остановился сразу же за служебной дверью крыльца, слушал. Встал он рано. Ему не спалось – тайны сплетались в его мозгу и не давали уснуть всю ночь. Он вошел внутрь после чашки кофе и ломтя хлеба с джемом. Он стоял в рубашке, наклонив голову, дрожа от утренней прохлады, которая проникала внутрь через москитную дверь. Ему бы следовало закрыть кухонную дверь, но она скрипела, а потому он ее не закрывал, не хотел, чтобы беседующие узнали, что он подслушивает.

– Двенадцать лет, – сказал Уиллоуби и помолчал, словно думая. – Мы можем не сомневаться?

– Мы не можем вот так отбросить сомнения. Мы не можем прийти и *спросить* у него в лоб, ведь так? И вообще я думаю, это не имеет большого значения. Если хотите знать мое мнение, то я считаю, что слишком много времени прошло, чтобы беречь прах. Пусть его лежит. Это мой совет, только от Джека и остальных нужно скрывать. В особенности от Джека. Если он узнает, то пользы ему от этого не будет никакой.

– К тому же *мы* и сами толком *не знаем*, – сказал почти сразу же Уиллоуби, словно спеша согласиться с доктором. После этого наступило молчание. Джек не мог понять, о ком они говорят. Он предполагал, что речь идет о его отце. О ком-то, кто «вернулся».

– Во всяком случае, – продолжил доктор несколько мгновений спустя, – я видел его своими глазами на берегу близ того места, где нашел тело в приливной заводи. Во всем этом деле было что-то чертовски странное. Да и ребята говорили прошлым вечером, что сами заметили его в городе около заведения Макуилта.

– Он и здесь побывал. Я в него стрелял, но он был слишком далеко. Держу теперь ружье заряженным у двери. Я готов. Я не думаю, что мог бы застрелить человека, ну разве что если иного выхода не будет. Но я легко могу пристрелить...

Послышалось шарканье ног, скрежет ножек стульев по полу. Джек развернулся и поспешил через москитную дверь на заднее деревянное крыльцо. Он перескочил через ограждение, запрыгнул на брусчатку, выложенную прямо в траве заднего двора и ведущую к реке. Он ожидал услышать окликающий его голос Уиллоуби. Мысль тайком проникнуть на кухню и подслушивать была отвратительна, но еще унизительнее была вероятность быть пойманным за этим занятием. Нет, ничего особо скверного он не сделал. Но он должен был дать им знать о своем присутствии. Должен был войти в гостиную и сказать, что слышал часть их разговора, и попросить их рассказать ему, о чем идет речь. И даже если бы ему отказали, у него было бы не меньше информации, сколько имеет сейчас.

Но никто его не окликнул. Они пока еще не вышли. Он как раз уходил за сарай, когда услышал первый выстрел. Потом закричал доктор Дженсен, раздался топот бегущих ног, крик, затем звук еще одного выстрела. Джек бросился к концу сарая, свернул за угол и увидел Уиллоуби, стоявшего на пастбище и прижимавшего приклад ружья к плечу. Окно Джека наверху было распахнуто. Неожиданно в нем появилась голова доктора Дженсена и крикнула:

– Нет, черт побери!

И тут он увидел Джека, стоявшего внизу под окном. Вдалеке, чуть ли не устало махая крыльями над вершинами дубов, стоявших по кромке пастбища, появился одинокий ворон. Каркнул пронзительно и исчез через мгновение.

– Я уверен, что попал в него, – сказал Уиллоуби, поворачиваясь к Джеку, приняв на мгновение его за Дженсена, зашедшего в тень сарая.

– Почему? – спросил озадаченный Джек.

Уиллоуби неожиданно улыбнулся, словно его поймали на чем-то, что он не должен был делать.

– Миндаль, – сказал он. – Эта тварь ела мой миндаль. Они половину дерева обклевали. Жаднящие твари эти вороны.

Джек кивнул. Сейчас ему предоставлялась возможность задать вопрос-другой. К ним присоединился доктор Дженсен, он изобразил легкое удивление при виде Джека, но при этом был не в силах скрыть свою озабоченность, которая оттягивала вниз уголки его губ и глаз.

– Так, – сказал он, проводя рукой по волосам. – Я не могу торчать здесь целое утро, помогая вам стрелять воронов. К тому же их слишком много, так что закончить эту работу надлежащим образом не удастся. Можете поверить мне на слово. Можно убить два десятка воронов утром, но к вечеру весь горизонт будет черен от слетевшихся вороновых стай. Вам нужно пугало, Уиллоуби, или посадите на ветки деревьев резиновых змей. Змеи вселяют в них страх. А мне пора.

Он вытащил свои часы, посмотрел время, чем напомнил Джеку Макуилта, который все время проверял свои карманные часы и смотрел в подзорную трубу.

– Ботинок уже спущен на воду, Джек, – продолжил доктор. – Я сделал это сегодня рано утром. Прилив ожидается через час, так что мне лучше поспешить. Увидимся, наверное, через день-два.

– Возвращайтесь, – сказал Джек.

Доктор Дженсен кивнул.

– Должен вернуться. Я должен сдержать свои обещания. Но я должен кое-что узнать, кое-что увидеть, и в мои намерения входит предпринять кое-какие усилия в этом направлении. Ждать еще двенадцать лет я не могу.

С этими словами он направился к своему фургону, а Уиллоуби и Джек остались стоять на сырой траве.

Эти двое говорили не о его отце. Джек понял это совершенно неожиданно, а как только понял, отпрыгнул в сторону к двери сарая, понесся вверх по лестнице через три ступеньки, в своей комнате сунул руку под матрас. Его книга, подсвечник и чашка были сброшены с ночного столика на пол. Это мог сделать ветер, задувавший через открытый ставень, но Джек так не думал. Пузырек оставался при нем. Он закрыл ставень, поднял подсвечник и зажег свечу, а потом поднял пузырек, скрутил крышку. Сарай наполнился запахом океана при низком приливе, смешанным с запахом диких цветов на весеннем обдуваемом ветром лугу. Он одним глазом оглядел комнату – где бы найти для пузырька место побезопаснее, но ничего подходящего не нашел. Конечно, можно было спрятать его в лесу, но он никак не мог знать, кто или что может наблюдать за ним, если он выйдет за дверь сарая. Он плотно завинтил крышку, сунул пузырек в карман, схватил свою куртку и направился в сиротский приют.

* * *

Они наблюдали за доктором Дженсеном из пещеры на утесе. Его ботинок под парусом обогнул мыс, то исчезая, то вновь появляясь за накатывающими волнами. Он, казалось, ничуть не продвигался вперед, направляя против течения свое суденышко, которое с каждым порывом ветра, казалось, лишь возвращалось обратно к берегу. Его ботинок, казавшийся издали маленьким, поднялся на пенистый гребень очередной волны, потом рухнул с нее вниз. На какой-то миг исчезла из вида даже верхушка его мачты, но потом появилась снова, прежде чем исчезнуть в очередной раз.

Они провели за наблюдениями больше часа, поглощая хлеб из пекарни и кофе. Ботинок тем временем лавировал туда-сюда на расстоянии около полумили от них. Он почти не продвинулся вперед. Такими темпами он и к вечеру не преодолеет устья Угрёвой реки, и ночь проведет в веселой компании плавающих скелетов. Джеку пришло в голову, что если бы можно было легко добраться до того места, куда решил отправиться доктор Дженсен, то полдеревни уже давно пустилось бы в плавание. Доктор, видимо, исходил из допущения, что для такого плавания нужно *особое* плавающее средство, как, например, в случае с Макуилтом, которому понадобились особые линзы для его подзорной трубы. И, возможно, идея была верна, но этого определенно было недостаточно, чтобы преодолеть ветер и приливное течение.

Когда кофе и хлеб кончились, вся троица направилась на Прибрежную дорогу. Доктору Дженсену придется самому о себе позаботиться. Луна-парк заполнили жители городка. Казалось, туда пришла половина Рио-Делла, а с ними и бесчисленное число людей из Мунвейла и Скотии. Фанера в комнате смеха была свежепокрашена, как и металлическая структура всяких горок, от езды по которым захватывает дух, или по меньшей мере во всем этом была такая свежесть и новизна, которых Джек не мог увидеть, когда вчера на мокрой траве луга лежала куча хлама. Деревянная арка над дорогой была обклеена плакатами – чуть ли не зловещими в своем изобилии – с изображениями различных аттракционов карнавала.

Клоуны на велосипедах и скелеты в цилиндрах снова ухмылялись с тех мест, где они были нарисованы. Здесь пахло свежими опилками, моторным маслом, горящими кедровыми поленьями, углем, а еще гримерными красками и утиным барбекю. В киосках продавали пиво, и мясо на шампурах, и горячие апельсины, и возникало зловещее ощущение, будто луна-парк

безграничен, что он тянется вдоль берега вниз и вверх, и через луга к далекой, подернутой дымком деревне. Здесь были краска, и двухмерные купола из фанеры, и занавешенная дверь с надписью на ней краской МАВРИТАНСКИЙ ХРАМ; тут же стоял и крытый фургон с неясной надписью: ЗАБАВНЫЕ ФРИКИ. На берегу здесь и там стояли кабинки, а среди тех, кто заходил в них, а потом выходил наружу, чтобы за десять центов увидеть существо, которое было наполовину рыбой, а на другую половину мужчиной или птицей с головой свиньи, оказались мисс Флис и жена мэра, племянники Макуилта, рыбак, которому не повезло днем ранее на пристани, и даже сам старина Макуилт с повязкой на глазах, палочкой простукивавший свой путь в сердце луна-парка.

Сколько людей протискивалось через беспорядочные толпы, было не перечесть, и до Джека по-тихому в остальном воздухе океана доносились хлопки палаточных полотнищ, скрежет металла о металл и рев огня в гигантской печи, и все это на фоне гула и рокота тысяч смеющихся и переговаривающихся голосов.

Остальное подчеркивали чувственные и дикие звуки каллиопы, которые, казалось, синхронизировались с поворотами и скачками аттракционов, каждый из которых летел, и раскачивался, и вращался в согласовании со всеми остальными. Скизикс попробовал было сбить металлические бутылки из-под молока бейсбольным мячиком, но ему не повезло. Хелен выиграла резиновую свинку с выражением удивленной скорби на физиономии, бросив три монетки по десять центов в тарелку. Джек держал свои деньги при себе, но не потому, что был скрягой. Он положил глаз на колесо обозрения. Он, казалось, ни на что другое и смотреть не мог. Ланца там, конечно, уже не было, если только это был Ланц. Это вполне мог быть и кто-то другой, может, проверяющий. Теперь оно определенно работало без сбоев. Ржавчина и грязь, покрывавшие его днем ранее, теперь были соскоблены. Колесо покрасили в кричащие тона, и маленькие кабинки дергано поднимались вверх и описывали круг, пассажиры показывали куда-то на берег, видимо, замечали церковные шпили в Мунвейле или башню зернохранилища на берегу в Ферндейле.

Казалось, наступили сумерки, какие приходят в шесть вечера, а не за час до полудня. Джек увидел звезды в помрачневшем фиолетовом небе, впрочем, они, казалось, помигав, исчезли и вполне могли оказаться крохотными лампами, подвешенными наверху на всем пространстве от одного конца луна-парка до другого, они все еще продолжали гореть, хотя уже пришла середина дня. Здесь было около десятка кабинок, занятых гадалками и людьми, которые заявляли, что могут общаться с мертвецами, и один или два из них говорили жалобными, плаксивыми голосами самих мертвецов, требующих внимания, просящих закончить начатое ими дело, сетующих на плохие условия обитания в загробном царстве.

Из какой-то палатки вышел Пиблс, уставившись на свою руку, и чуть ли не столкнулся со Скизиксом, который резко подпрыгнул, словно избегая прикосновения ядовитой рептилии. Ни Джек, ни Хелен, ни Скизикс ничего ему не сказали. Недавние события в проулке и на кухне мисс Флис, казалось, сделали невозможными какие бы то ни было разговоры о пустяках между ними. Но вскоре стало ясно, что в разговорах нет ни малейшей нужды. Пиблс ухмыльнулся, обведя взглядом всех троих, давая понять, что он скорее поговорит с клопами, и поспешил прочь в направлении Мавританского храма, куда зазывали посмотреть на ребенка-аллигатора. Джек, глядя на спешащего прочь Пиблса, увидел, что его покалеченный палец частично восстановился, как луч морской звезды, и что Пиблс два или три раза посмотрел на свой палец, прежде чем исчезнуть в дверях храма.

Джек подошел к палатке, из которой несколькими секундами ранее появился Пиблс. Он поднял матерчатый клапан на входе и заглянул внутрь. В свете масляной лампадки он увидел человека, склонившегося над импровизированным столом и читавшего книгу, причем его лицо было в полудюйме от страницы, словно он прикладывал все усилия, чтобы разглядеть хоть что-то. Джек не сразу понял, что видит перед собой доктора Брауна, но прямые волосы и шрам

от пули на щеке выдали его, когда он поднял голову. Поначалу доктор поморщился, потом усмехнулся и спросил:

– Тебе что-то надо? – Голос его выдавал уверенность в том, что Джеку *определенно* что-то надо, что уж оно было такое.

Доктор, казалось, изрядно располнел с того времени, как Джек видел его вчера на берегу. Он теперь стал и вполтину не таким – каким? – прозрачным, может быть, и вполтину не таким растрепанным. Он оставался таким же бледным, словно от серебра, несомого лучами луны, а не от желтого света фонаря, а его лицо словно вытянулось и казалось изможденным из-за морщин, отражавших неописуемые эмоции. На нем было черное пальто и черный галстук, а волосы, черные и маслянистые, ниспадали на воротник и сутулые плечи, и, хотя он сидел с благодушной улыбкой на лице, его сутулая тень затеняла полотно палатки за его спиной, и Джек подумал, что доктор вполне может оказаться громадным вороном.

За его спиной и вокруг валялся какой-то странный мусор: упаковочные ящики, набитые желтеющими плакатами карнавала, бочонки с металлическими шестернями, маховиками и болтами, обрушившиеся стопки книг, старых и наполовину уничтоженных, – с отсутствующими страницами, загаженными и раздранными обложками. Запах металлических опилок и машинного масла перемешивался с плесневелым запахом старых отсыревших книг и древесных опилок, которые покрывали травянистый пол слоем в несколько дюймов.

Джек отрицательно покачал головой в ответ на вопрос. Он вдруг обрел уверенность в том, что перед ним Алджернон Харбин, человек, которого двенадцатью годами ранее убил его отец. Сомнений в этом практически не осталось, в особенности если связать воедино все, что сказали прежде доктор Дженсен и Уиллоуби. И шрам от пули. Джек чуть ли не обрадовался, увидев этот шрам. Какими нечестивыми средствами воспользовался этот человек, чтобы вернуться из моря и стать владельцем солнцеворотного луна-парка, сказать было невозможно, да и вряд ли это что-то изменило бы. Джек сразу же понял, что не хочет убивать этого человека. Он вообще никого не хотел убивать. Он просто не желал его видеть. А еще хотел знать, что привело этого человека назад.

Джек неожиданно вспомнил о пузырьке у него в кармане, но удержался от того, чтобы его погладить. Доктор, вероятно, увидел страх в его глазах, потому что улыбнулся ему и кивнул, словно говоря: «Знаю я, знаю. И возьму его, когда мне захочется».

Джек вышел на свежий воздух. Скизикс и Хелен исчезли. Он оглянулся на Мавританский храм – оттуда доносился звук флейт, на которых играли под аккомпанемент причитаний. Из-за дверного клапана за ним наблюдал Пиблс, но метнулся в глубь палатки, когда Джек его заметил.

Он нашел друзей близ колеса обозрения и сказал им, что догадался, кто скрывается под личиной всемирно известного доктора Брауна. Хелен сказала, что ее это ничуть не удивляет. Ее удивило только то, что Джеку понадобилось столько времени, чтобы догадаться. Скизикс сказал, его ничуть не заботит, *кто* такой доктор Браун или кто-нибудь еще, пока они не начнут проявлять интереса *к нему*. Проблема Джека, сказал Скизикс, в том, что он полагает, будто вовлечен в какой-то огромный заговор. Это все, скорее всего, тщеславие. Насколько он, Скизикс, понимает, нет тут никаких заговоров, заговоры слишком облегчили бы все на свете – все на свете можно было бы предвидеть.

– Мой тебе совет, – сказал Скизикс, с умным видом кивнув Джеку, – открой этот – как он у тебя называется? – пузырек, который ты прячешь, и дай нам всем попробовать.

Джек помотал головой. Эта идея показалась ему слишком рискованной по причинам, которые он не мог полностью понять. В конечном счете яда в пузырьке *определенно* не было, иначе зачем вообще он оказался у него? И зачем тогда доктор Браун прилагал столько усилий, чтобы его выкрасть? И не тем ли целиком и полностью объясняется тот факт, что Джек принес пузырек с собой, дабы предотвратить его похищение? Он мог легко спрятать его в лесу. Там бы он был в большей безопасности, чем в его кармане, несмотря на то что Джек пытался убедить

себя в противном сегодня утром. Он принес пузырек с собой, потому что где-то в его голове созрела идея сделать именно то, что предложил сделать Скизикс.

Он огляделся, испуганный тем, что вдруг оказался в окружении толпы людей.

– Не знаю... – сказал он Скизиксу, и Хелен кивнула, словно говоря, что и она не знает. Скизикс в ответ поспешил к человеку, продававшему сидр, купил стаканчик и вернулся с улыбкой, обращенной к Джеку.

– Не рискуешь – не выигрываешь, – сказал он, кивнув на стакан.

– Не надо, – сказала Хелен. – Это опасно. Доктор Дженсен посоветовал бы тебе слить это в канаву.

– Доктор Дженсен выпил бы весь пузырек и отправился в плавание в своем ботинке, – сказал Скизикс. – Мы не просим *тебя* участвовать. Сначала проведем разведку, и, если это безопасно, мы тебе скажем. – Скизикс добродушно улыбнулся Хелен и по-отечески похлопал ее по плечу. Хелен немедленно ударила его по руке и сказала, что он идиот. Она так или иначе *не собиралась* в этом участвовать, что бы он ей ни говорил. Скизикс давил на то, что не хочет ее участия. Она была для него как младшая сестренка, которую нужно беречь. Тут есть аттракцион – катание на пони, сказал он, ей это, вероятно, понравится, и с этими словами дал ей монетку в десять центов и две по пять, подмигнул и снова кивнул, показывая на Джека со стаканчиком. Хелен бросила три монетки в сидр и сказала, что *все равно* пойдет со всеми. Она не собиралась пить никаких эликсиров Джека, она останется трезвой и будет своего рода якорем, когда Джек и Скизикс потеряют разум.

Джек отвинтил крышку с пузырька, капнул немного жидкости в сидр, виновато поглядывая при этом по сторонам. Ни Пиблса, ни доктора Брауна поблизости не было видно. Скизикса не устраивало столь малое количество эликсира в стаканчике, хотя и такое количество придало коричневатому сидру зеленоватый оттенок морских водорослей, но Джек больше не желал добавлять ни капли. Ему казалось, что уж лучше недобрать, чем перебрать. А на самом деле он просто не хотел потерять без всякого толку жидкость, которая была в пузырьке. Он понятия не имел, что это, и как он *намерен* ее использовать, или вообще можно ли с ней что-нибудь сделать. Джек и Скизикс разделили сидр между собой.

Под скрежет и скрип колеса обозрения за его спиной, под треск маховика, останавливавшего маленькие кабинки одну за другой на посадочном трапе, Джек начал чувствовать головокружение. Он ненавидел высоту, и ему вовсе не нравилось ощущение падения. Да и в самом воздухе луна-парка присутствовало какое-то колдовство, заряжавшее атмосферу необъяснимым предчувствием чего-то, словно Джек и его друзья, стоя в опилках и передавая друг другу стаканчик, неслись навстречу чему-то, или, может быть, словно что-то – поезд, или морская волна, или осенний ветер, подхвативший опавшие листья, – несло *на них*. Они стояли в очереди на посадку в колесо, и ни Джек, ни Скизикс ничего, кроме этого, не чувствовали.

Джеку показалось, что колесу обозрения для совершения одного поворота потребовалось около трех четвертей часа. Колесо дергалось, зависало, потом дергалось снова. Маленькая кабинка, казалось, раскачивалась и подпрыгивала с каждым порывом морского ветра. Скизикса раскачивание и вращение изрядно веселили, и он сел в кабинку с желанием получить максимум от этого развлечения, он откидывался назад, нагибался вперед, улюлюкал и захохотался в смехе, пока Джеку не стало казаться, что со следующим рывком колеса он непременно упадет на людей-муравьишек внизу чуть ли не в миле от них. Их колени зафиксировали на месте металлическим стержнем, и оператор колеса подергал за этот стержень и кивнул, словно удовлетворенный тем, что все в порядке, безопасность гарантирована. Насколько о том мог судить Джек, стержень этот ничуть не повышал безопасность, разве что в каком-то туманно-шутливом смысле, а потому правой рукой ухватился за какую-то планку в структуре колеса, а левую руку вытянул вдоль спинки сиденья над плечами Хелен. Он улыбнулся ей слабой улыб-

кой в попытке выставить дело таким образом, будто он просто пытается сделать так, чтобы ей было удобнее.

При обстоятельствах получше он бы не пожелал себе ничего другого, только сидеть, обняв Хелен. Но он знал, что выглядит бледно. Он и *чувствовал* себя бледно, если только такое возможно. Он щелкнул Скизикса в ухо средним пальцем, а потом, когда тот посмотрел на него грозным взглядом, скорчил ему рожу за спиной Хелен. Скизикс усмехнулся, качнул кабинку еще раз и посмотрел на Джека, высоко подняв брови, словно удивленный тем, что Джеку хочется покачаться сильнее.

– Эй! – вскрикнула Хелен и ударила Скизикса в грудь, после чего тот успокоился, довольствуясь только тем, что корчил жуткое лицо каждый раз, когда кабинка кренилась вперед.

Хелен вскрикнула еще раз. Когда Скизикс начал сетовать, твердить, что он, мол, ничего не сделал, она велела ему заткнуться и показала на океан. Они поднялись достаточно высоко, чтобы видеть, что происходит за кронами дубов и ольх, растущих на высоком берегу. Океан имел цвет сочной, прозрачной зелени, напоминающей бутылочное стекло. С низеньких бурюнов срывалась морская пена и прилетала на ветре, а волны прибоя горбились внизу, накатывались и разрушались непрерывно вдоль бухт и крутых обрывов со звуком, напоминающим грохочущий бег скорого поезда.

Далеко от берега, подпрыгивая на волнах прибоя, плыла яхта-ботинок доктора Дженсена. Она то возносилась вверх, то падала, волны разрушались, ударяясь в носок и шнурки, иногда грозили поглотить это судно целиком и отправить на морское дно. Доктор Дженсен вычерпывал воду, держась одной рукой за шкот, ветер трепал волосы на его голове, вырывал шкот из его руки, и поначалу казалось, что его вполне может выбросить за борт, но этого не случилось. Он перестал заниматься парусом, который трепыхался и плясал в самом глазу шторма, словно одержимый жаждой свободы.

Теперь он вычерпывал воду двумя руками, а его судно сильно просело. Ветер и течение влекли его на юго-восток, к бухте, где Скизикс и нашел этот ботинок двумя ночами ранее. Трое в кабине колеса обозрения с тревогой наблюдали за ним. Помочь доктору никто из них не мог. Только он сам. По крайней мере, он умел плавать, а от берега его отделяли не более чем три сотни ярдов, ну и поскольку течение направлялось в бухту... Джека в этот момент судьба доктора Дженсена заботила куда как меньше, чем его собственная. Он знал, что это немилосердно с его стороны, но знание ничуть не изменяло его чувств, а именно такое чувство и овладело им, когда их кабинка преодолела верхнюю точку; именно оно и определяло все.

Теперь они устремились вниз, к зеленой траве луга. Желудок Джека с головокружительным напором подпрыгнул в грудную клетку, а сам Джек прижался к спинке сиденья и заскрежетал зубами, уверенный, что кабинка в любой момент может слишком сильно наклониться вперед, и тогда он, Джек, выпадет из нее. Он прижался спиной к кожаным подушкам и затаил дыхание, а кабинка тем временем проскользнула мимо ухмыляющегося оператора и под треск храповика стала снова рывками набирать высоту, устремляясь к вершине. Джек расслабился. Он выдавил улыбку на лице, обращая ее к Хелен и радуясь против собственного желания тому, что улыбка на ее лице тоже вымученная. Только Скизикс, казалось, наслаждается происходящим, хотя и он явно утратил желание наклонить кабинку так, чтобы они все вылетели из нее.

Они качнулись в сторону небес и снова увидели доктора Дженсена – теперь он был еще ближе к берегу и продолжал вычерпывать воду. Он попал в зону морских водорослей. Ветер перестал дуть беспорядочными порывами, и ветровые волны накатывались на берег широким маслянистым потоком, а это означало, что доктор справится. Джек порадовался этому, но его ничуть не радовала тщетность путешествия доктора. Он до последней минуты надеялся, что доктор Дженсен найдет то, что ищет.

Скизикс протянул руку мимо Хелен и постучал Джека в грудь, показав затем на северо-восток, в сторону Мунвейлских холмов. Сумеречное небо казалось водянистым и глубоким,

как море, и светилось точечными звездочками, которые моргали и подмигивали, словно глаза на темном дереве. Джеку казалось, что он прежде никогда толком не видел Мунвейлских холмов – никогда с такой высоты, как сейчас. Ферма Уиллоуби и в самом деле стояла на возвышенности, на некотором отшибе от деревни, которая и сама находилась на несколько сотен футов выше, чем отвесный океанский берег. Если добавить к этому высоту сарая с чердаком, то можно было предположить, что он, *вероятно*, обозревал эти холмы тысячу раз даже с большей высоты. Может быть, все дело было в необычном ракурсе, с которого он смотрел сейчас, а может быть, – в морском ветре, который полностью очистил небо, и Джек теперь просто впервые ясно видел этот пейзаж.

Ему опять показалось, что он видит тени города – того же города, что искал прошлым вечером Макуилт. Теперь он видел шпиль церковной колокольни, покатые крыши и вертикальные стены, гостиницы и проулки. Все это было лишь темнотой на холмистом горизонте, словно дым витал там фантомными облаками. Хелен тоже увидела то, что видел он. И вовсе не благодаря эликсиру. Все обретало резкость и словно осаждалось, дымчатые тени превращались в камень, дракун и листья, вытравившие себя на серой материи занавеса.

Колесо обозрения перевалило через вершину, и Джек держался, закрыв глаза, когда их кабинка опять пошла вниз. Остановок, чтобы посадить новых пассажиров, больше не было. Они быстро – головы у них еще не перестали кружиться – опустились в финиковый и опилочный запах обрывистого берега. Джек открыл глаза. Нехорошо было выглядеть таким явно испуганным. Он взглянул на Хелен, которая смотрела прямо перед собой, словно изучала какую-то точку ландшафта вдалеке. Скизикс же с ужасом смотрел куда-то мимо них обоих, нижняя челюсть у него отвисла. Джек развернулся в том направлении, куда смотрел Скизикс. Он увидел оператора колеса обозрения, держащего руку на металлическом рычаге. Оператор ухмылялся им ртом с опущенными деснами. Его волосы висели на плечах, как морские водоросли, а кожа лица была стянутая и задубевшая, как у мумифицированного трупа. Оператор подмигнул им. Джек услышал слова, оброненные Хелен, «Ну и ну», словно ее оскорбила такая фамильярность, а когда они взлетели вверх, она сказала:

– Не нравится мне, что он так на меня смотрит. Ненавижу такое.

– И я тоже, – искренне сказал Джек, поняв, что на сей раз Хелен не видела того, что видели они со Скизиксом.

А видели они опять город, только теперь более резко – город с его улицами и проулками, распахнутыми окнами, открытыми, чтобы уловить слабое утреннее солнце, призрачные тени того, что, вероятно, было людьми, что шли своими маршрутами по извилистым улицам. Джек почти что узнал рисунок проулков, дорог и улиц, короткую пристань, которая тянулась в море небес. В холмах вроде бы появился какой-то срез, лощина, которая открывалась к дубам, растущим в предгорьях, уходящих в море и в Рио-Делл. Теперь этот срез превратился в мощеную дорогу.

– Вы только представьте себе дорогу здесь, в лесу, – сказал Скизикс с удивленным выражением лица.

– Какую дорогу? – спросила Хелен.

– Вон там, на лугу, дорогу, уходящую в холмы. Ты что – слепая?

– Я не вижу никакой дороги, – сказала Хелен.

– Зато я вижу, – сказал Джек. – Но я не понимаю, куда она ведет. Может быть, нам стоит пройти по ней, пока она видна. Давайте заберем доктора Дженсена с берега. Он пойдет с нами.

Но колесо обозрения понесло их на новый круг. Доктор Дженсен скрылся из виду за обрывом. Музыка десятка далеких звуков играла в голове Джека. Он ждал, когда город появится еще раз, и тот появился. Он казался таким ужасно далеким, словно вообще находился не на Мунвейлских холмах, а на каком-то месте в пространстве гораздо дальше, словно Джек

видел его через мощную подзорную трубу, и это в сочетании с громадным размером приближало его, но не на самом деле, а лишь создавало иллюзию, будто переход по мощеной дороге до городских ворот не труднее вечерней прогулки.

Звуки луна-парка почти смолкли, теперь Джек слышал только приглушенное эхо каллиопы и далекий *скрежет*, создаваемый торможением металла о металл. У него возникло такое чувство, будто они мчатся навстречу чему-то, а может быть, что-то мчится навстречу им – тень во сне, волк в лесу. Ему казалось, что он родился и преследователем, и преследуемым, и ему вдруг пришла в голову дикая мысль, будто он гонится за смертью, догоняет ее, разворачивается лицом к ней в своей кабинке колеса обозрения, снова воспарявшей вверх, чтобы открыть вид на верхнюю часть маленькой дуги морского воздуха, вокруг которого они и крутились. Ощущение грядущего столкновения усиливалось, и он слышал свист спускаемого пара, стук и лязг металлических колес, ирреальный вопль паровозного гудка, создававшего впечатление, будто он мчится на Джека по далекому, поросшему лесом склону холма.

Потом снова появился вращающийся луг и тысячи людей на нем, словно мазки краски на полотне. Джек искал взглядом оператора колеса в надежде не увидеть то, что он уже видел прежде, но настолько охваченный любопытством, настолько погруженный в свое путешествие, что был не в силах хотя бы повернуть голову в другую сторону. Оператор исчез. На его месте теперь стоял доктор Браун, державший в руке пустой стаканчик из-под сидра. Он, казалось, принахивался, его глаза были крепко закрыты. Он открыл глаза и кивнул Джеку, когда их кабинка проезжала мимо него.

Они резко остановились на расстоянии одной кабинки до платформы. Звуки утреннего луга резко вернулись. Джек тряхнул головой, пытаясь вытрясти из нее туман. Колесо обозрения крутанулось на один зубчик маховика, потом снова остановилось. Доктор Браун высаживал пассажиров. Он замер на мгновение, провел пальцем по доньшку стаканчика, медленно слизнул жидкость, смакуя, изучая его. Он перевел рычаг в другое положение, и они сделали рывок вверх. Потом еще один.

Город на холмах слегка подернулся дымкой. Дорога перестала быть дорогой, превратившись в речное русло, выложенное полированными камнями. Вода из этой реки словно испарилась вся и в один миг, а камни отливали на солнце белизной. А потом они превратились в прах, выцветший до степени зелени на зимних склонах холмов. Колесо остановилось, когда их кабинка оказалась в самом верхнем положении, и теперь неторопливо покачивалась. Скизикс, судя по его виду, и подумать не мог ни о том, чтобы раскачивать кабину, ни о каких-либо других дурачествах.

Снизу до них донесся крик, и в одно мгновение, прежде чем кто-то из них троих успел сообразить, что происходит, масса людей, что толклась в луна-парке, пришла в движение и двинулась к утесу. Те, кто находился впереди толпы, перешли на бег. Люди толкались и кричали. Некоторые застыли на месте и лишь покачивали головами. Джек услышал, как кто-то из толпы требовал веревку, и с полдюжины людей исчезли за кромкой обрыва, спускаясь к морю.

Доктор Браун опустил их на еще один щелчок храповика. Джек видел макушку его маслянистой головы и кое-как перевязанную бинтом руку. Он тоже наблюдал за краем обрыва. Пассажиры выбирались из кабинок колеса и отправлялись вслед за толпой к берегу. Принесли веревку. Какой-то человек привязал ее к дереву, а другой ее конец сбросили вниз. Кто-то забрался снизу наверх. Колесо опустилось еще. Джеку хотелось подтянуть под себя ноги, словно он сидел на морском причале, опустив их в воду лагуны, в которой плавали акулы. Он вообразил иссушенные руки, схватившие его за ноги. Ему представилось бледное лицо доктора Брауна, оказавшееся на одном уровне с его лицом, а потом возвышающееся над ним, сидящим и прикованным к месту с помощью стержня, который зафиксировал его колени.

Доктор Браун поставил стаканчик. Его рука упала с рычага, и он сделал несколько шагов к обрыву, словно в раздумье. Люди в кабинке ниже Джека принялись кричать доктору, требуя, чтобы он и их выпустил, но доктор, казалось, их не слышал.

– Смотрите! – воскликнула Хелен, показывая на берег. Там, устало бредя к аркообразным воротам карнавала, по пыльной Прибрежной дороге шел доктор Дженсен.

Джек вскрикнул от радости. Скизикс легонько ударил его по руке, он тоже был рад не меньше Джека по причинам, которые сам не мог толком объяснить. Доктор Браун резко повернулся и посмотрел на них, словно подозревал, что они могут исчезнуть; потом он снова повернулся и посмотрел на Прибрежную дорогу мимо брезентовых палаток и фанерных кабинок. Он, казалось, немного ссутулился, потом ударил кулаком по ладони, после чего направился к своей палатке, оставив колесо обозрения с кабинками, наполненными кричащими, недовольными людьми.

Следующие десять минут прошли в переполохе хаотичной активности. Джек выбрался из кабинки вниз. Скизикс остался, заявив, что лучше подождет внутри. Но Джека влекло относительно надежное основание колеса, к этому времени он уже был сыт по горло беспорядочным раскачиванием. Он помахал Хелен с земли, словно говоря, что все в порядке, он поможет им спуститься по одному. Она махнула ему в ответ, а Скизикс скорчил гримасу – сморщил лицо и надавил большим пальцем на нос. Джек потянул на себя рычаг, с удивлением увидев целый дождь ржавых хлопьев, полетевших на его ботинки. Первая кабинка остановилась, из нее выпрыгнули две девицы и мигом бросились к обрывистому берегу. Он снова потянул на себя рычаг. Казалось, механизму не хватает смазки, а рычаг был погнут и неудобен. Луна-парк и его аттракционы не были такими свежими и аккуратными, как предполагал Джек; карнавал был старым и усталым, а атмосфера веселья и цвета фикцией – иллюзией, создаваемой музыкой каллиопы, краской и людскими толпами.

Через мгновение его друзья стояли рядом с ним. Скизикс упал на колени и театрально поцеловал землю. Доктор Дженсен помахал им и пошел через луг к толпе, стоящей вдоль обрыва. Людская масса раздалась. Веревку, похожую на толстенную рыболовную лесу, вытягивали вверх. К ее концу было под мышки привязано чье-то тело, его протаскивали по кромке обрыва и дальше по траве и диким цветам. Доктор Дженсен бегом пустился в ту сторону. Джек бросился за ним вместе с Хелен, а Скизикс побежал следом.

– Это Ланц! – крикнула Хелен.

Джек знал, что так оно и есть. Гудение толпы стало стихать. Они догнали доктора Дженсена. На лугу воцарилась тишина, если не считать звуков каллиопы и печи, похожих на звуки крови, струящейся по венам пустого луна-парка. Откуда-то сверху доносилось карканье ворона, Джек поднял голову и увидел вдали над ними в небесах черную птицу, она покружила над морем, а потом, сделав петлю, полетела на восток и растаяла в воздухе.

Глава 8

– Вчера вечером случился оползень, – сказал один из толпы, покачивая головой. Это был виноторговец Даусон, он говорил, не вынимая трубку изо рта. – Там много всяких ребячьих игрушек, застряли между камнями и в кустарнике. Набивные птички и всякое такое. Он был среди них. Наверно, упал вместе со своим домом-развалюхой. Его, видать, смыло по склону холма, пока он спал. Стыд и позор, вот что я скажу. Гол как сокол, но при этом нормальный парень. Лучше, чем многие из тех, кого я знаю.

С помощью еще двух человек, неизвестных Джеку, Даусон положил тело Ланца под дубом. Виноторговец первым подошел к телу, опутанному корнями и ветками растений со склона. Одной рукой он вытянул трубку изо рта, другой отряхнул брюки и, покачав головой, сказал:

– Белый, как рыба, правда? – Послышалось согласное бормотание.

Однако это утверждение и вполнину не способно было описать белизну кожи Ланца. Она стала почти прозрачной, и Джеку, который вместе с доктором Дженсеном протиснулся в первый ряд, показалось, что он через пленку серебристой кожи видит желто-белые очертания скелета Ланца. Доктор Дженсен поднял голову Ланца, разгладил волосы на пробор, потом покачал головой. Рубашка на мертвеце была порвана, хотя никаких выводов из этого сделать было нельзя, поскольку Ланц вроде бы предпочитал порванную, тонкую, как кружево, одежду и брюки, а не ту одежду поновей, что оставляла для него миссис Дженсен. Все его тело после падения с утеса покрывали царапины и порезы, но на его белой, как бумага, коже, хотя и в ушибах, разрывах и грязи, не было видно крови. В некоторых местах, главным образом на его пальцах и на лбу, кожа казалась серой, словно плоть под ней слегка подгорела.

– Это вряд ли можно назвать естественным, да? – спросил виноторговец тихим голосом. – Дождь смыл с него всю кровь, а грязь оставил.

Доктор Дженсен посмотрел на него и снова, не произнеся ни звука, отрицательно покачал головой. Люди в толпе поднимались на цыпочки, вытягивали шеи, пытаясь определить, насколько ужасной была трагедия, чтобы потом не перевернуть, рассказывая об этом случае. Большинство людей сзади, которые устали подпрыгивать и тщетно задавать вопросы, вернулись в луна-парк, а когда доктор Дженсен набросил на тело свою куртку, а виноторговец Даусон поспешил за своим фургоном, люди начали расходиться по двое, по трое, пока не осталось всего с полдюжины. Пиблс тоже остался. Джек не видел его в толпе, но он определенно все это время был здесь, наблюдал. Он продолжал разглядывать труп, словно мог видеть через куртку. Он нервно потирал руки, пока не заметил, что Скизикс с ужасом смотрит на его недавно порезавшийся палец.

Он смерил Скизикса испепеляющим взглядом и начал было говорить.

– Убирайся отсюда, – сказал Скизикс.

– Я... – начал было Пиблс.

Скизикс метнулся к нему, ударил его ладонью по плечу, ухватил за лацканы пиджака. Пиблс пошатнулся, потом резко выпрямился, видя, что Скизикс завел назад свою сложенную в кулак руку.

К ним подскочил доктор Дженсен, ухватил Скизикса за плечи и оттащил в сторону. Пиблс последовал за ними, потому что Скизикс все еще держал в кулаке лацканы Пиблсова пиджака. Пиблс размахивал руками, в его глазах появилось выражение испуга. Он произвел какой-то хныкающий звук, вызвавший у Джека отвращение – не звук честного испуга, но чего-то треснувшего, сломанного, безумного. Джек с удовольствием посмотрел бы, как Скизикс бьет Пиблса. В отношении Пиблса к телу Ланца было что-то такое, чего не должно быть. У Джека и самого руки чесались – он бы с удовольствием ударил по чему-нибудь, а Пиблс был ближайшим к нему достойным побоев предметом. В глазах Пиблса было что-то, наводящее на мысль о том, что он приложил руку к смерти Ланца. Тот ни с какого берега не падал ночью. Его, вероятно, столкнули – не сам он упал. Он был в городке и в луна-парке. Это знали доктор Дженсен и Пиблс. Джек не сомневался: Пиблс неплохо осведомлен о том, что касается смерти Ланца.

Скизикс отпустил лацканы пиджака и теперь стоял, со злостью глядя на Пиблса, сжимая и разжимая кулаки. Доктор Дженсен вклинился между ними, чтобы оттеснить Скизикса. Пиблс со злобной поспешностью плюнул сначала на доктора Дженсена, потом развернулся и плюнул на Скизикса и понесся прочь по Прибрежной дороге, прежде чем Скизикс проскользнул мимо доктора и побежал следом. Джек хотел было броситься за Скизиксом, который несся вдогонку за Пиблсом, но доктор Дженсен ухватил его за руку и удержал.

– Пусть бегут, – сказал он.

Джек взглянул на Хелен, которая сидела на упавшем дереве у тела Ланца, потом посмотрел в лицо доктору Дженсену. Доктор ответил ему взглядом, который предполагал гораздо большее, чем просто посмотреть друг другу в глаза – это был заговорщицкий взгляд.

Раздался грохот подъезжающего фургона. Даусон затормозил, вылез из кабины, и они вчетвером положили тело Ланца внутрь. Скизикс устало плелся им навстречу по Прибрежной дороге, Пиблс от него ушел. Джек мог бы догнать Пиблса, но какой от этого был бы толк? Что бы они сделали с ним только за то, что выражение его глаз таило вину? Не стоило оно того. Они подобрали Скизикса, забыв на время о луна-парке.

* * *

Даусон нервно потрогал подбородок и встал не менее чем в двух футах от стола, на котором лежало тело Ланца, наполовину укрытое простыней. Казалось, ему решительно не нравится то, что он видит. Он попал в переделку, в которой был бессилен, сказал он доктору Дженсену. Медицинское искусство было для него таинством, закрытой книгой. Он один раз сам зашивал себе предплечье, когда порезался ножом для разделки рыбы, то был предел его возможностей. Но его, как и всех, одолевало любопытство, и возможно, пройдя все эти круги, он имел право знать.

Никаких признаков насильственной смерти на теле Ланца не обнаружилось. Его не застрелили и не зарезали, он не разбил себе череп, пока летел вниз с обрыва. Скизикс мог бы сказать, что Ланц был целехонек, как невинная девушка, если бы хоть кто-то из них был в настроении слушать такие шутки.

– Это напоминает мне то, что в моем бизнесе называют «последнее прессование», – сказал Даусон, словно, будучи не в силах понять смысл медицинской терминологии, решил подойти к вопросу с точки зрения виноторговца.

– Я не знаком с виноделием, – мрачно произнес доктор Дженсен. – Что за «последнее прессование»?

– Это выжимание – как ее называют? – *эссенции*, можно сказать. Остатков. Выжимание шкурки, когда кажется, что в ней уже ничего не осталось. А когда вы заканчиваете, там и в самом деле ничего не остается. Этот мальчик выглядит, как выжатый лимон. Но, повторюсь, я не доктор. А с его кровью что-то сделали, вы так не думаете?

– Более того. – Доктор Дженсен принялся разглядывать линию волос Ланца через сильное увеличительное стекло. – Похоже, его нервы раскалили. Я уверен, его подожгли изнутри, если только такое возможно, чего, впрочем, совершенно быть не может.

Даусон широко распахнул глаза и пожал плечами, словно намекая, что в мире есть вещи, которые не должны быть возможны, но все равно стали возможными.

– Ланц вчера вечером несколько часов катался на колесе обозрения, – сказал Джек, чувствуя себя отчасти идиотом. Катание Ланца на колесе не могло убедительно объяснить его нынешнее состояние, но в то же время Джеку казалось, что эти вещи должны быть взаимосвязаны. И время скрывать какие-то вещи сейчас было самое неподходящее, какие бы чувства они у него ни вызывали. По крайней мере, время было неподходящее для того, чтобы скрывать важное. Он, конечно, прятал пузырек с эликсиром. Он был готов показать его доктору Дженсену, если бы решил, что у доктора может возникнуть желание попробовать его содержимое, но он был практически абсолютно уверен, что доктор предложил бы вылить содержимое пузырька в помойное ведро.

– Откуда ты знаешь? – спросил доктор Дженсен, подозревая, вероятно, что Джек и сам провел вчера некоторое время в луна-парке, и не очень одобрял такой выбор.

– Я его видел из чердачного окна. Может, это был и не он, но я *думаю*, что он. Он пошел в этом направлении после истории с вороном. Мы вам об этом рассказывали. Я видел его в подозрную трубу несколько часов спустя, уже в начале утра.

Доктор Дженсен кивнул, словно рассказ Джека его убедил, даже с учетом всего происходящего. Затем он резко набросил простыню на лицо Ланца и принялся мыть руки в тазу.

– Я не знаю, что здесь происходит, – сказал он, ни на кого не глядя, – но скажу, что случившееся с нашим другом Ланцем произошло и с человеком, которого я нашел вчера в приливной заводи. – Он повернулся и в упор посмотрел на Джека. – И вот у нас здесь солнцеворот, луна-парк и все остальное – вы, ребята, знаете об этом столько же, сколько и я, а может быть, и больше. Все это не может быть совпадением. Вот что я твержу. Вы поосторожнее с этим луна-парком. Поосторожнее с доктором Брауном. И, бога ради, поосторожнее с вóронами. У солнцеворота пик через два дня. На вашем месте я бы залег, чтобы меня никто не видел. Читал. В библиотеке. Если собираетесь в деревню, идите все вместе. В одиночестве вы подвергаетесь опасности. И забудьте ваши дурацкие идеи про историю миссис Лэнгли. Иначе вам не поздоровится.

С этими словами он подтянул на себе брюки, манжеты которых были все еще мокры от морской воды, на них засохли белые разводы от соленых брызг, а ботинки потемнели от влаги. Его волосы растрепал ветер, отчего возникало впечатление, будто кто-то прошелся по ним граблями. Он, вероятно, устал до изнеможения, и оно и неудивительно, подумал Джек, внезапно проникаясь сочувствием к доктору. Он отправился в плавание утром, держа в голове определенный пункт назначения, а не блошинный рынок на углу. Это был немыслимо громадный, и красочный, и таинственный пункт назначения, с берегами, не нанесенными на карту, и один бог знает, с какими мечтами, ожидающими своего воплощения. А он вместо этого оказался здесь, продрогший и мокрый, в одежде, покрытой пятнами высохшей соли, дьявольски усталый и по колено погрязший в болоте чужих забот.

И тем не менее миссис Дженсен обрадовалась его возвращению. Она не могла скрыть своих чувств – ее выдали глаза, когда она увидела, как они подъехали в фургоне, и только вид мертвого Ланца внутри стер это выражение. Ведь в фургоне вполне мог оказаться и мертвый доктор. Он ведь отправился в плавание, преследуя те же цели, что и Ланц, разве нет? А разве Джек не шел той же дорогой, дорогой, которую позолотило своими лучами солнце, дорогой, которая пересекала заросший травой луг и уходила к подножиям холмов? Он и Скизикс видели это, и он и Скизикс будут идти той же дорогой, пока это так или иначе не кончится. И Хелен разделит с ними их судьбу.

Все выстроились за дверью, провожая Даусона и оставляя Джека наедине с Ланцем. Он протянул руку, чтобы снять простыню с Ланца и в последний раз увидеть его лицо, сожалея обо всех упущенных им возможностях хоть немного облегчить жизнь другу. Он всегда откладывал на завтра, разве не так? Он потер пальцами кромку простыни, но снимать ее не стал. В этом не было никакого прока. Под ней лежал уже не Ланц. То, что было Ланцем, проникло в воздух над крутым берегом, было впитано затихающим луна-парком. Он отрицательно покачал головой. Чепуха какая-то, правда? Не имело смысла *изобретать* ужасы, когда мир и без того полнился ими.

На столе за лоханью стояло бесчисленное множество пустых кувшинов, фиал и стеклянных пробирок. Джек вошел и присмотрелся, вытащил пузырек с эликсиром из кармана. Внутри было два дюйма зеленой жидкости. Он мог позволить себе расстаться с половиной. Он вытащил пробку из одной из маленьких бутылочек, стоявших на полке, потом свернул крышку со своего пузырька и наклонил его над пустой бутылочкой. От двери до него донеслось какое-то царапанье, как будто кто-то хотел войти. Он закрыл свой пузырек, сунул его в карман, потом вернул пустую бутылочку на полку и сделал вид, что занят стопкой книг, лежащих к нему корешками. Дверь открылась, появился доктор Дженсен и остановился на пороге. Он намор-

шил нос, посмотрел на Джека, начал было говорить, потом передумал и тяжело сел на стул. В воздухе комнаты висел запах эликсира. Джек кивнул миссис Дженсен, которая вошла следом за доктором, после чего выскользнул и присоединился к своим друзьям, и они втроем молча двинулись к гавани.

* * *

– Что будем делать? – спросил Скизикс, пнув на ходу камень.

– Время убивать, – сказал Джек.

– Мы чего-то ждем, да? Что-то должно случиться. Время убивают, когда чего-то ждут. Может быть, нам нужно поторопить событие, чтобы оно случилось? Загнать их в угол?

Хелен укоризненно посмотрела на Скизикса. Ей явно не нравилось выражение «загонять их в угол», что бы под этими словами ни имел в виду Скизикс.

– Может быть, и загонять-то в угол некого. А если и есть кого, то оно совсем не то, что ты думаешь. Если ты его увидишь, вполне возможно, что и схватить его не захочешь. Макуилт вовсе не рад был тому, что он увидел. Доктор Дженсен сказал, чтобы мы держались от этого подальше, и он прав.

– Ха! – сказал Скизикс. – Доктор Дженсен выплыл из гавани в ботинке. Он куда *собрался*? На рыбалку? Когда он сам будет следовать своим советам, тогда и я стану его слушать. Что об этом говорит миссис Лэнгли?

– Миссис Лэнгли говорит главным образом о своей мертвой собаке, а еще о превратившей ее в идиотку прическе, которую ей сделали у мисс Пинкум. Она никак не может ее простить.

– Я имею в виду, что она говорит в книге, – сказал Скизикс.

– А-а, *в книге*. Да не много чего. Я всю не прочла, имей в виду, но это главным образом одна из тех книг, которая избегает конкретных слов, предпочитая всякие абстрактные вещи. Миссис Лэнгли увлекалась разного рода философией и мистикой. Я думаю, по большей части все это чушь несусветная. Насколько я могу судить, она там никогда не была. Она упоминает дороги и реки, но все очень аллегорично. Не какую-то конкретную дорогу вроде той, что вы двое, как вы заявляете, видели...

– Мы ничего *не заявляем*, – начал было Скизикс.

– Давайте прогуляемся до холмов, – оборвал его Джек. Где-то в дальней части его мозга, словно остаточное изображение на закрытых веках глаз, все еще петляла по луку та дорога, что он видел с вершины колеса обозрения.

– Зачем? – спросила Хелен.

– Посмотрим дорогу, – сказал Джек. – Может, там теперь и нет ничего, а может, и есть. Какой-нибудь знак. Что угодно.

– Конечно, что-то там может быть, – вставил Скизикс. – Мы *должны* увидеть своими глазами, а занятий получше у нас ведь все равно нет, правда?

Хелен отрицательно покачала головой. На лице у нее застыло выражение, свидетельствующее о ее скептическом отношении к дороге Джека и Скизикса.

– Ну, конечно, ведь *ты* ее не видела, эту дорогу, – театрально проговорил Скизикс. – Все верно: ты была морским якорем. А мы с Джеком ее прекрасно видели – она ведет в сторону Мунвейлских холмов. Мы оба видели. Если бы кто-то один, тогда не в счет. Но там есть что-то, это точно, даже если оно потускневшее. Уверен, мы могли бы это найти.

– Конечно, могли бы, – сказал Джек.

– *Вы* можете искать что угодно. А я возвращаюсь к мисс Флис. Не валяйте дурака.

Скизикс пожал плечами, глядя на нее, словно говоря, что ему все равно, чем она будет заниматься, а он из тех, кто готов рисковать, глупо это или нет.

– Я хочу одного – найти сокровище, – сказал он и свернул в проулок, который вел на холмы мимо фруктового сада миссис Огливи. Хелен не проглотила эту наживку. «Пока», – сказала она и пошла прочь по Главной улице.

– Какое сокровище? – спросил Джек. – Я не видел никаких сокровищ.

– И я тоже, – рассмеялся в ответ Скизикс. – Но Хелен будет по этому поводу волноваться целый день. Я не удивлюсь, если она направляется к мисс Флис, но на полпути развернется и бросится догонять нас.

Джек шел молча, с трудом переставляя ноги. Он надеялся, что Скизикс прав. Он бы предпочел, чтобы Хелен пошла с ними. Учитывая доктора Брауна, который тайком бродит по деревне, и мисс Флис с ее колдовством, и Пиблса, который всех их ненавидит, им троим следует держаться вместе. И доктор Дженсен им то же самое советовал.

До холмов было полчаса ходьбы неторопливым шагом. Голубизну неба разбавляла белизна разбросанных здесь и там облаков, тени которых двигались по лугу. В воздухе стояла тишина, если не считать доносившегося издали карканья воронов в миндальном саду под мостом. Джек и Скизикс слышали звуки собственных шагов и собственного дыхания, а несколько раз, когда они начинали говорить, их разговор сразу стихал, и наступала тишина.

Джек не любил воронов, очень не любил. Но когда они собирались в стаю, возникало впечатление, что никакой угрозы от них не исходит – Джек и Скизикс боялись именно одинокого ворона, – но, с другой стороны, доктор Браун легко мог спрятаться и в стае, при условии, конечно, что доктор Браун мог превращаться в ворона. Уиллоуби и доктор Дженсен полагали, что может; это сомнений не вызывало. Они бы застрелили его, «сбили», возможно, более точное слово. Вчера рука доктора Брауна не была забинтована, в отличие от сегодняшнего утра.

Выйдя на луг и поднимаясь по склону холма, они стали осматривать землю. Они не знали, что ищут: что-нибудь, что угодно, имеющее смысл. Впрочем, травы и дикие цветы луга были высокими и зелеными, доходили им до пояса, колыхались на ветру, как морские волны. Джек «в разведывательных целях», как сказал Скизикс, забрался на ветки дуба, почти потерявшего листву. Но с этой высоты он не увидел ничего, что было бы похоже на дороги или русла водных потоков. Он заметил какое-то быстрое бело-голубое движение у Падшего моста; вероятно, это была миссис Огливи, которая резиновой колотушкой обивала миндальные деревья.

Он видел ориентиры – какие уж были, – которые приметил с колеса обозрения, хотя теперь смотрел на них с другой стороны и под другим углом. Почему-то с головокружительной высоты колеса обозрения ничто не казалось далеким в такой степени, в какой они видели это сейчас. Рощица, которая, как виделось с колеса, расположена не более чем в двух сотнях ярдов от, скажем, обнажения разрушающегося гранита, на самом деле находилась от этого обнажения почти в четверти мили. А каменистый склон, очерчивавший небольшой разлом, по которому часть холма сползла вниз во время землетрясения в незапамятные времена, теперь уходил вовсе не прямо на север, а в юго-восточном направлении, словно развернулся каким-то хитроумным способом за последний час, чтобы сбить их двоих с толку.

– Ну его к чертям, – сказал Джек, когда спустился с дуба на землю. – Хелен была права. Здесь все равно ничего нет, кроме ветра и травы.

Но Скизикс уже карабкался по склону холма к другой дубовой рощице, а потому Джек последовал за ним, понимая, что на самом деле Скизикса интересуют не столько результаты, сколько тишина и безлюдье у подножий холмов. С пришествием луна-парка бухта перестала для него быть достаточно безлюдной – теперь там толпилось слишком много бродяг и собирателей ракушек. Скизикс ковырял землю палочкой, переворачивал камни, искал наводки. Он нашел сломанный перочинный нож, кусок материи, пустую бутылку, которая на солнце обрела пурпуровый цвет. Он поднес бутылку к глазам, посмотрел через нее, словно через искажающую линзу ее вогнутого донышка можно было увидеть то, что он искал.

– За нами кто-то идет, – сказал он, потом повернулся и продолжил идти в прежнем направлении.

– Случайно не голубая рубашка?

– Она самая. Идет по расщелине, срезает путь по зарослям ив, чтобы его не увидели.

– Он?

– Не знаю. Да нет же, конечно нет. Это Хелен. На ней ведь была голубая куртка и белая рубашка?

– Кажется, – ответил Джек, который совершенно не помнил, что было на Хелен. Но кажется, она была одета именно так. – Давай подождем ее.

– Пусть она нас догоняет. – Скизикс пошел дальше, хотя теперь медленнее.

– Мы можем подождать ее на вершине, – сказал Джек, но на самом деле ему хотелось оглядеть окрестности с более высокой точки. Они поднялись достаточно высоко, чтобы увидеть начало дельты Угрёвой реки, разветвляющейся в направлении к Ферндейлу и Санни-брею. А еще на обрывистом берегу расположился луна-парк, который отсюда вовсе не казался таким уж большим – всего лишь несколько палаток и лачуг да с полдюжины скрипучих аттракционов. Над ними поднимался дым от печи, который тут же рассеивался ветром. Конечно, с вершины холма они увидят еще больше, думал Джек, да к тому же отчетливее увидят землю, лежащую внизу под ними, она вся будет на виду, ничто не спрячется от их глаз.

– Посмотри-ка сюда, – сказал вдруг Скизикс. Он нагнулся и пошуровал палкой в земле. Трава здесь была не такой густой и росла пучками из песчаной почвы, словно корнями уходила в дно давно высохшей реки. Округлые, выгоревшие добела камни, похожие на громадные птичьи яйца, лежали наполовину скрытые прядями травы. Старое русло находилось в футах пятнадцати и, петляя, направлялось к расщелине в холмах. Они пошли по старому руслу, забыв о Хелен. Время от времени они останавливались, чтобы откопать какой-нибудь металлический лом: погнутый и проржавевший железнодорожный костыль, тупую кирку, оплетенную корнем дуба и сросшуюся с осколком обсидиана, сделанную из раковины морского ушка пуговицу шириной с ладонь Джека. В валунах виднелись окаменелые органические остатки, напоминавшие картины, выполненные в тоне сепии, попадались в песке и маленькие спиральные ракушки, затянутые в песок так, словно они пролежали здесь полмиллиона лет.

Но больше всего заинтересовала их пуговица – доктору Дженсену она должна была понравиться. Их влекло все дальше в холмы, которые смыкались вокруг них, загораживали собой и обрывистый берег, и океан, а потом, когда первые холмы остались позади, и деревню, а с нею мост и фруктовый сад миссис Огливи. И в этот момент Джек вспомнил о Хелен. Он остановил Скизикса, и они решили выйти из русла, подняться по склону на самый верх холма и там дожждаться ее. Оттуда они наверняка смогут ее увидеть, помахать ей своими куртками или чем-нибудь, чтобы привлечь ее внимание.

Скизикс потел, несмотря на ветер с океана, к тому же он пыхтел и отдувался во время разговора, останавливаясь через каждые шесть-восемь шагов, чтобы отдохнуть.

– Знаешь, – сказал он, – я думаю, это совсем не речные камни. Во всяком случае, большинство из них.

Джек пожал плечами и продолжил подъем.

– Это булыжник, вот что это такое. Мы, оказывается, шли по дороге. Готов поспорить. И гигантская пуговица тому доказательство. Давай выпьем еще твоего эликсира – совсем по капельке – и посмотрим, что нам откроется. Наверняка мы увидим дорогу.

– Давай-ка не будем ничего пить, – ответил Джек, подумав вдруг в этой тоскливой, обдуваемой ветром тишине, что из Хелен и вправду получился надежный якорь. – Давай сначала дожждемся Хелен, а потом уже будем что-то делать. Ты ее не видишь?

– Нет, я никого не вижу. Постой-ка. Да, вижу. Там, внизу, среди деревьев.

Джек посмотрел туда, куда показывал Скизикс. Длинный ряд дубов, растянувшихся чуть ли не в одну линию, вливался в ольховую рощицу, которая переходила в лесок, граничащий с лугом. Что-то голубое двигалось там среди деревьев. Что-то в этом было странное. Это была не Хелен. Он ни минуты не сомневался. Это был кто-то, пытавшийся быть невидимым. Но для кого? Для них, конечно. Будь это Хелен, она бы не пряталась, может быть, окликнула бы их, злилась, что они ее не дождались. Он и представить себе не мог, чтобы она пряталась среди деревьев на краю леса. И уж точно не в такой странный и пустой день, как нынешний.

Скизикс, казалось, согласился с ним.

– И кто это, по-твоему? – прошептал он, словно опасался, что бриз унесет его слова по колышущейся траве.

– Это не Хелен, – сказал Джек. – И не доктор Дженсен. Когда мы уходили, он едва на ногах стоял.

Кто бы это ни был, он приближался. Если он и дальше пойдет по леску, они потеряют его из вида, а он выйдет по другую сторону холма, соседнего с тем, на котором стоят они, и окажется вне поля их зрения. Сомнений в том, что этот неизвестный безобиден, у них не возникало – просто вышел человек прогуляться, воспользовался редкими солнечными часами. Так говорил себе Джек. Почему-то вся эта история с солнцеворотом начала его доставать. Он стал видеть вещи, которых не существовало. Он внезапно стал подозрителен ко всему. Как и Скизикс. Джек видел это по лицу друга.

– Пойдем, – сказал Джек, вставая. – Мы тут ничего не делаем, только пугаем сами себя.

Скизикс отрицательно покачал головой и высоко поднял пуговицу.

– Мы нашли вот это. Ты подумай только, что мы еще сможем найти, если заберемся в холмы поглубже. Может быть, это любопытствующий доктор Браун.

Он кивнул в сторону леска, в котором в эту минуту ничего нельзя было разглядеть, кроме тенистых деревьев.

Джека пробрала дрожь.

– Может быть, – сказал он, вспоминая выражение лица хозяина луна-парка, когда тот облизывал палец, проводя им по внутренней поверхности стаканчика для сидра. Потом он вспомнил Ланца, белого и мертвого, как камни в русле реки. – Слушай, предлагаю пойти на запад. Мы сможем выйти на Прибрежную дорогу, где она уходит на континент за плато Крутобережья. На дороге всегда кто-то есть. Может, нас и подвезет кто-нибудь до города.

– Я хочу узнать, где начинается эта речушка, – высказался Скизикс. – Если не хочешь со мной, я пойду один. Это уже недалеко, какая разница – туда или сюда. Мы можем пройти по холмам до Мунвейла еще до темноты, если уж ты так хочешь, и провести ночь там. Денег на ужин у меня хватит.

Джеку эта идея не понравилась. Но не мог же он оставить Скизикса одного, в особенности еще и потому, что по лесу шляется неизвестно кто.

– Ну хорошо. Но только в Мунвейл я не пойду, даже если речушка и поведет нас *в том* направлении.

Они снова тронулись в путь, пробирались по осыпи на краю холма, а потом вниз в сухое русло, которое попетляло по маленьким полянкам, разделяющим холмы, то расширяясь, то сужаясь, то исчезая под травой, чтобы снова возникнуть через сто футов в том месте, где в земле было слишком много песка, отчего травы становились куда как реже. Больше смысла для них имело забраться снова на какой-нибудь холм и определить общее направление речушки, а потом направиться туда напрямик, а не следовать всем петлям и поворотам.

Скизиксу эта идея не понравилась. Если они нашли гигантскую пуговицу, сказал он, то найдут и что-нибудь еще, может быть, что-то такое, что позволит им прийти к некоторым выводам. Солнце упало с небес, и сумерки с горизонта поползли к ним. Джек не знал, наступил ли уже вечер в Мунвейле, может быть, там целый день был вечер; не знал он и о том, затенили ли

там странные сумерки и их горизонт, а если затенили, то как далеко на север или восток нужно пройти, чтобы догнать свет. И может быть, туда вообще не попасть, если у тебя нет ничего, кроме двух ног и желания.

День на холмах снова стал чуть ли не знойным. Джек слышал жужжание мух, летавших у его головы. В остальном тишина стояла полная. Прорезанный насквозь холм высился справа от них, словно в далеком прошлом речушка пронзила его своим потоком, а теперь небольшой, связанный сплетшимися корнями растений треугольник склона, опровергая тяготение, висел там, затеняя белый песок и камни.

Они услышали хруст палки прежде, чем увидели ее. Они вдвоем стояли на краю сухого русла в том месте, где оно обходило холм, когда до них донесся этот звук – звук палки, вонзающейся в песок и гравий. Потом в обозримом пространстве появился кончик палки, а следом за ним – Макуилт, глаза которого были замотаны полоской черной материи.

Ноги Джека словно приросли к земле русла. Лицо Скизикса окаменело с выражением изумления на нем, он разглядывал куртку из синей джинсовой ткани, помятую белую рубашку, застегнутую внизу пуговицами не в те петельки, с потрепанным подолом, не полностью заправленным в брюки. Хозяин таверны остановился в трех футах от них, потянул носом воздух, потом пригнул голову к плечу, наклонился в сторону ветра. Ухмылка застыла на его лице. В этой ухмылке чувствовалось что-то ужасное, зловещее, его голова качнулась назад, вперед, щеки задергались, задрожали.

Скизикс осторожно сделал шаг назад, потом подтянулся, готовясь дать стрекача. Джек последовал примеру друга. Уж от слепого-то виноторговца он может убежать – в этом он не сомневался. Но вдруг сама эта мысль показалась ему нелепой. Состояние Макуилта явно не улучшилось. Он ослеп, когда смотрел в свою самодельную трубу, но видел он достаточно для того, чтобы отправиться на те же поиски, что и они; у них просто был общий пункт назначения. Он держался кромки леса, потому что мог идти этим путем даже вслепую. В открытом поле он бы потерялся в одну минуту. Заговори с ним, сказал себе Джек. Скажи что-нибудь – что угодно, лишь бы нарушить тишину. Джек открыл было рот в тот самый момент, когда Скизикс развернулся и побежал. Сначала он спотыкался в мягком песке вперемешку с гравием, а потом понесся, как сумасшедший, крича Джеку, зовя его за собой. Прежде чем Джек смог заговорить или выпрямиться, Макуилт взмахнул своей палкой и ударил его по плечу.

– Эй! – воскликнул Джек, отпрыгнув назад. – Я не... – Над сухой речушкой промелькнула тень, и Джек, подняв голову, увидел его – высоко в небе кружил ворон. Макуилт сорвал с глаз повязку, и тогда Джек увидел, что в его глазницах одни только белки. Макуилт тем временем закинул назад голову и выгнул шею, видимо, у него еще оставалась какая-то крохотная часть зрения, если он сумеет изогнуться в достаточной мере. Макуилт испустил проклятие, еще раз рассек воздух своей палкой, вернул повязку на прежнее место, пощупал воздух свободной рукой и, держа палку как саблю, сделал шаг в сторону Джека.

Джек спрыгнул в сухое русло речушки и повернулся к Макуилту. Тот явно совершил ошибку. Ворон был простым совпадением. Камень просвистел рядом с головой Джека и попал слепому в плечо, отчего тот сделал пол-оборота на месте, потом взвизгнул и, сыпля проклятия, бросился в сторону Джека головой вперед.

– Ударить слепого, да? – воскликнул он. – Помогите! Убивают! Ударить несчастного слепого!

После этого он подошел еще ближе и ударил Джека палкой точно по правой коленной чашечке, поднял палку двумя руками, собираясь обрушить ее на голову Джека, но вдруг зашелся в смехе, а по земле снова промелькнула тень ворона, кружащего в небесах.

Макуилт не был слеп. Он не мог быть слепым. Джек знал это, бросаясь прочь, когда палка просвистела у его уха. Макуилт снова выругался и похромал следом за ним, неестественно высоко держа голову. Снова прокаркал где-то рядом ворон. Джек искал его глазами. Вон

он сидел – на мертвом дереве у русла. Мимо, ударившись в склон холма, пролетел очередной камень. Появился Скизикс, нагнулся, поднял еще один камень размером с бейсбольный мяч. Подбросив сначала камень в руке, он швырнул его прямо в голову Макуилта, но тот вовремя пригнулся. Он видел, как Скизикс кидает камень. Джек тоже поднял камень с земли и метнулся к другу. Макуилт пробормотал что-то, прощebetал – вероятно, разговаривал сам с собой. Он залез в карман своего пальто и вытащил полированный синий пистолет. Одну нелепую секунду Джеку казалось, что пистолет игрушечный. Скизикс не повторил его ошибку, он необыкновенно быстро развернулся и нырнул в кусты за холмом. Макуилт стал прицеливаться, а Джек швырнул наугад свой камень.

Слепой уклонился от камня, и тот пролетел мимо его головы. Джек услышал, как камень упал в русло, заросшее сорной травой, а сам он ударился плечом о песок и покатился вниз по склону холма. Но укрыться ему было негде. Он не мог зарыться в землю, как суслик. Он остановился, ударившись о неровность в склоне, нащупал в земле еще один камень, и бросил его на бегу. Он бежал к тому месту, где исчез Скизикс, и кричал, не думая о том, что делает, а может быть, кричал он для того, чтобы не слышать звук выстрела, когда он раздастся.

Но он все равно его услышал – выстрел был громче крика. Пуля попала в гранитный выступ рядом с ним, и он тут же нырнул в траву высотой по пояс, покатился вниз по небольшой поляне меж двух холмов. Сзади до него донесся крик и проклятия, а еще его звал Скизикс. Он остановился и развернулся, предполагая, что увидит ковыляющего за ним Макуилта с наклоненной головой и дымящимся пистолетом в руке.

Владельца таверны мотало, как пьяного, он швырнул свой пистолет в кусты, ткнул в воздух палкой, помахал свободной рукой.

– Пстой! – прокричал он. – Не оставляйте меня здесь! Эй! – *Теперь* он действительно был *слеп*, потерял ориентацию. Скизикс прыгнул с края холма вверх, вырвал палку из руки Макуилта и зашвырнул ее наверх в кусты на склоне холма. Джек поспешил назад к ним. Скизикс, встав на четвереньки, уполз в сорняки, искал что-то... пистолет Макуилта.

– Забудь ты о нем. Оставь его, – крикнул Джек. – Пойдем отсюда.

– Ворон! – прокричал в ответ Скизикс. – Нужно убить ворона! Я попал в него камнем, но не убил! Я пристрелю эту гадину! – Но он никак не мог найти пистолет, который упал куда-то вне поля их зрения, когда старик швырнул его, удивленный и испуганный тем, что совсем потерял зрение. Ворон был его глазами, а Скизикс сдуру бросил в него камень. На кой черт он связался с Макуилтом? Старик был пешкой, доктор Браун использовал его в своих интересах, потому что сам был хромым. Джек поднял камень с земли, и тут же подумал, а мог ли он вообще убить какое-либо животное? Пиблс мог, но это была только часть проблемы с Пиблсом, разве не так? Скизикс продолжал поиски в кустах, сетуя вполголоса и тяжело дыша от напряжения.

Из травы за мертвым дубом раздалось какое-то шуршание и неожиданное жуткое карканье, наполовину человеческое, наполовину вороново.

– Вот он! – прокричал Скизикс, имея в виду, возможно, и то, и другое: пистолет и ворона. Он бросился в кусты и вышел оттуда с пистолетом, вытряс песок из дула, прицелился в небо, затем отвернулся и, скорчив гримасу, нажал на спусковой крючок.

Ворон раз или два взмахнул крыльями, прыгая по сорнякам и камням. Скизикс шагнул ближе, навел на него пистолет и выстрелил. Пуля попала в ствол дерева, пройдя в ярде от того места, где стояла крупная птица, крутя головой и глядя своими маленькими черными глазами. Макуилт, находившийся в десяти ярдах в сухом русле, взвыл и выругался. Он попытался убежать, споткнулся, поднялся на подгибающиеся ноги и пошел вперед, выставив перед собой руки.

– Не стреляйте! – воскликнул он. – Не стреляйте в несчастного слепого человека. Подонки! Вы – подонки, если стреляете в слепого человека!

У Джека руки чесались кинуть ему в спину камень, но он сдержался. Он закричал на Макуилта, требуя, чтобы тот заткнулся и убрался отсюда. Скизикс остановился, посмотрел на Макуилта, словно взвешивая что-то, потом повернулся к ворону, прицелился и выстрелил еще раз. Потом еще и еще, он расстрелял все патроны один за другим, выстрелы раскидывали вокруг землю, камни и сорняки. Ворон запрыгнул на упавшую ветку и с карканьем улетел, сильно напоминая Джеку безумный смех, рассеивавшийся в неподвижном воздухе наверху. Через минуту не осталось ничего, кроме звука бойка по пустой камере и затихающих проклятий слепого Макуилта, который нащупывал путь по краю холма и вскоре исчез из вида.

Глава 9

Спасаясь от кота, он выбежал наружу через трещину в стене сарая и почти исчез в высокой траве. Слава богу, дверь сарая была закрыта, а потому выбраться наружу следом за ним кот не мог. Рост в три дюйма давал мало преимуществ, но их число становилось еще меньше, когда вы начинали расти с такой скоростью, что мышинный костюм начинал вас душить прежде, чем вы успевали выполнить свою миссию, а потом незаметно исчезнуть. Нужно было придумать другой облик, вот в чем было дело, такой костюм, чтобы коты и не думали к нему подходить.

Он нашел дорогу к реке прямо за фермой Уиллоуби, и до места добрался на попутке – доплыл по течению, усевшись на бревно, на берег выбрался, слава богу, никем не замеченный и нашел обрывки одежды у мастерской таксидермиста. Ему они подошли, как одежда обычного человека подходит карлику, а случай, конечно, именно таким и был. Расти он начал по-серьезному и, если бы задержался еще на час, то новая одежка сидела бы на нем еще лучше. Впрочем, мода его мало волновала, ему дела нужно было делать, а времени оставалось мало.

Он пробрался на пристань и наскреб там смолу со свай, а одуванчики без проблем собрал во дворе. В старой мастерской таксидермиста было полно посуды, кастрюль и тому подобного хлама, так что проблем с заваркой у него не возникнет. Совсем никаких. Он это знал – он ведь как-то раз уже проделывал это. Он хотел, чтобы ему хватило достаточно времени, дабы заварить побольше, но именно времени-то у него и не было. Придется ему уложиться в то время, что есть. Маленькая порция для себя, порция Дженсену, порция для человека, который через несколько минут войдет в дверь и очень захочет добавки.

Вот он и пришел. В разбитом окне появилась рука, пошарила по двери, открыла задвижку. Дверь распахнулась. Внутри вошел великан высотой почти в восемь футов, но одежда, конечно, висела на нем, как на пугале, поскольку его рост еще не достиг размера одежды. Через час, если этот человек все еще останется здесь, одежда, возможно, будет сидеть на нем как влитая. А он *наверняка* все еще будет здесь через час и даже немного дольше, и тогда одежда другого человека станет для него слишком тесной. А потом он отправится в прошлое, где попытается найти, но потерпит неудачу в поисках четырехлетнего Джека Портленда на заколоченной ферме Уиллоуби, потом он должен будет посетить Виолу Лэнгли, вернуться в настоящее, доставить эликсир и, наконец, бежать от кота в высокую траву, соскользнуть в реку и закончить свое путешествие в мастерской таксидермиста, где он будет уже в спешке заваривать еще одну порцию эликсира. Все эти незапланированные задержки съели его драгоценные остающиеся несколько часов Солнцеворота, тогда как самая важная его работа все еще оставалась впереди.

Он на мгновение остановился среди тающих комочков смолы, вспомнив свою жену. Через несколько часов, если все пойдет по плану...

Гигант стоял в дверях, с глупым видом смотрел на него. Его это смутило.

– Закрой чертову дверь, идиот, – сказал он. – Они тебя увидят.

– *Кто* вы? – спросил второй, закрывая дверь.

Но он знает, подумал невысокий. Или, по крайней мере, подозревает. Мы ведь похожи, нужно быть слепым, чтобы не увидеть этого. К тому же я это проделываю не в первый раз, так что *знаю*: все он прекрасно понимает. Или начинает быстро понимать. Он воспротивился искушению поддразнить этого человека, смутить его. У него все еще оставалось несколько мгновений, чтобы сделать это. Но он не мог себе позволить тратить время на шутки.

– Я – это ты, – сказал он. – Из будущего. Неужели тебе надо это объяснять?

– Нет, не надо, – раздался ответ несколько секунд спустя.

– Тогда давай, толки одуванчики. Мы не можем терять ни секунды.

– Но скажи мне, – проговорил великан, продолжая разглядывать его, хотя вдруг и начал все прекрасно понимать. – Скажи, что тебе известно.

– Ты сейчас все узнаешь, только уже начинай толочь эти одуванчики. И слушай. До определенного момента все будет идти хорошо. Ты доставишь эликсир куда надо, правда, не без проблем. Вот молодец, ты перестал плясать на меня и взялся за дело. Ты знаешь, как это делать – не в первый же раз. Того эликсира, что есть, недостаточно; ты это и сам понимаешь.

– Нужно нарвать еще. Ты, конечно, прав. Я сейчас же пойду за ними.

– Нет, никуда ты не пойдешь. На тебя будут обращать внимание, как если бы ты был бегемотом. К тому же мы ведь уже начали. Толчем, да? Ты попадешь туда, куда собираешься, иначе меня бы не было здесь, разве не так? Если нам о чем и следует беспокоиться, так это *обо мне*. И еще о Дженсене.

– Конечно, о Дженсене. Он упустил свой шанс, да? Я сожалею, что занялся формулой и предоставил беднягу доктору самому себе. Это его и подвело.

– Неужели ты думаешь, что я не знаю, о чем ты сожалеешь? Что тебе нужно рассказывать мне о своих сожалениях? Ничто не отнимает у меня столько времени, как попытки не думать о твоих сожалениях.

– Я ни черта не вижу без очков. Мы должны были это предвидеть.

– Мы много чего должны были предвидеть, но не предвидели, правда? Новые сожаления. Но с некоторыми из них мы покончим еще до того, как завершим наше дело, сам увидишь.

Они в четыре руки натолкли одуванчики со смолой, промыли кастрюлю океанской водой.

– Наконец-то! – воскликнул высокий, когда эликсир в кастрюле обрел цвет и начал закипать. Воздух стал насыщаться его ароматом, к которому примешивался запах океана, приносимый ветерком, проникавшим внутрь через потрескавшиеся оконные рамы.

– А разве могло быть *иначе*? Ведь я же здесь, разве нет? Шшшш! Какой-то шум за окном.

Маленький человек, волоча ноги с закатанными брючинами, подошел к двери и распахнул ее. Снаружи под перечным деревом стояла, погрузившись в раздумия, девушка. Она пришла в себя и посмотрела на него не без удивления, словно узнав. Он улыбнулся ей, в конечном счете, выводить ее из себя не имело смысла; они пока еще не могли допустить, чтобы их обнаружили.

– Кто вы? – спросил он, предполагая, что ее интерес к ним неслучаен.

– Я... Хелен, – сказала она. – Извините, что поела вас глазами. Вы так похожи на одного моего друга. Это просто поразительно, правда.

– Неужели? И как его зовут?

– Джек, – ответила она и развернулась, собираясь уходить.

Она была испугана, он это видел. Но она знала Джека. Он не мог ее отпустить, но и бежать за ней он не мог.

– Постой! – крикнул он. Но она уже бежала. – Скажи Джеку, пусть попробует Летающую Жабу! – прокричал он. – Пожалуйста. – Эти слова были сказаны не для того, чтобы остановить ее, но, возможно, они могли возыметь нужное ему действие. Он хотел оставить послание, сделать нечто большее, чем шепнуть Джеку в ухо, но чертов кот все испортил. Однако времени

исправить ситуацию не было. Они должны приготовить новую порцию, вскипятить, налить в пузырек и исчезнуть.

Прошло еще более часа, когда снаружи началась потасовка. Было уже темно, дождь то шел, то прекращался. Раздались крики, слышалась возня.

– Это твой, – сказал маленький.

Большой спал, положив голову на стол. Он сказал, что вздремнет чуток, и уснул, представив кипячение своему меньшему напарнику. Теперь он, вздрогнув, проснулся.

– Что?

– Один из твоих. – Слышался новый крик, а за ним – жуткие ругательства. Высокий прыгнул к двери. Кто-то ночью попал в беду. Дело это к нему не имело отношения, но он не мог не вмешаться.

Маленький знал это не хуже большого. Он вздохнул, вспоминая удар по голове, который он вот-вот должен получить. Он нащупал у себя на голове шишку, которая образовалась после этого удара, а когда дверь распахнулась, сказал:

– Осторожнее! Там, за дверью, ты увидишь кое-кого знакомого тебе – Харбина. Я в этом не сомневаюсь. Возьми это с собой. Меня ты больше не увидишь. Никогда.

Он протянул большому пузырек эликсира с завинченной крышечкой. Эликсира было немного, но достаточно, чтобы вернуться, так сказать, в поезд, на вокзал. Вместе с пузырьком он передал ему крохотную бутылочку с пробкой. Размер этой бутылочки, тоже содержащей эликсир, отвечал размерам мыши, если только мыши склонны таскать с собой бутылочки с эликсиром.

Великан засунул и то, и другое в карман, распахнул дверь, удивленно оглянулся на своего компаньона и кивнул на прощанье. После чего вышел в дождливую ночь и исчез.

* * *

У Хелен не было никакого желания бродить по холмам с Джеком и Скизиксом. Ни малейшего. Волшебные земли ничуть ее не влекли. Она была совершенно довольна тем местом, в котором находилась. Ну, почти совершенно.

Но насчет Скизика Хелен не была так уж уверена. Скизиксу иногда требовался кто-нибудь, чтобы приглядывал за ним. В разговорах он был очень смел, но мисс Флис была злобной и завистливой, и Скизикс всегда был легкой добычей. Он стал для Хелен почти братом, был ей близок как никто другой. Но два года назад он влюбился в нее, создав между ними напряженность. Или решил, что влюбился; ей тогда пришлось положить этому конец. Потом он влюбился в Элейн Поттс, дочь пекаря. Элейн Поттс конца этому не положила, хотя временами и делала вид, что Скизикс ей совершенно безразличен.

Хелен узнала всю правду об Элейн Поттс, когда они зашли в пекарню. И это ее тоже не удивило. Скизикс принадлежал к тому сорту простых людей, которые становятся все менее и менее простыми, когда узнаешь их поближе. Хелен нравились такие превращения. Один из ее любимых авторов написал, что красивых женщин нужно сохранять для мужчин, лишенных воображения. То же самое можно было сказать и о мужчинах – вернее, о по-настоящему красивых мужчинах. Скизикс имел одно из таких интересных лиц, которое предположительно было обречено никогда не стать красивым, но станет – как это говорят? – привлекательным. Вот как говорят. Его лицо принадлежало к тем лицам, которые легко рисовать, если художник поймет, что именно делает это лицо таковым.

Элейн Поттс, казалось, почувствовала это. Она была той же породы, хотя и не знала об этом. Именно это отчасти и привлекло к ней Скизика – ее незнание.

Джек никак не подходил на роль брата, никогда не подходил. Он был по-своему странным парнем: смотрел со своего чердака в подзорную трубу, бродил по лесу, собирал стеклянные

бутылки и старые книги. А теперь этот его эликсир; он отобрал его у мыши, сказал он. Или у крохотного человечка, одетого, как мышь. Это было очень похоже на Джека.

Хелен улыбнулась. Главная улица была почти пуста. Все отправились в луна-парк, решила Хелен. Только один рыбак сидел на причале и что-то лениво строгал ножом. Ветер задувал по центру улицы, нес старую пожелтевшую газету по воздуху, подбирая лежащие листья. Хелен внезапно стало одиноко. Она пожалела, что *не пошла* вместе с Джеком и Скизиксом, даже подумала, не повернуться ли ей и не догнать ли их. Но она даже не догадывалась, где их теперь искать. Джек был хорошей компанией. Жалко, что он такой одиночка, настолько погружен в себя, хотя именно это в какой-то мере и делало его таким интересным. Интересным, подумала Хелен. Какое отвратительное слово для такого свойства.

Она увидела мастерскую таксидермиста. Они втроем – Джек, Скизикс и она – проникли туда как-то вечером и украли набитую обезьянку, которую потом отдали Ланцу. Ей это воспоминание долго не давало покоя, но то случилось уже два года назад, и поеденные жуками животные продолжали сидеть там без дела. Таксидермист Райли умер. Этим утром он «явился» в луна-парк, по крайней мере, такие она слышала разговоры. Райли без умолку твердил о качестве стеклянных глаз, никак не мог остановиться, пока в лицо медиума не плеснули холодную воду, заставив таксидермиста умолкнуть. Но сейчас в мастерской горел свет – где-то в глубине, слабый такой свет, будто кто-то зажег свечу.

К ней это, конечно, не имело никакого отношения. У нее были занятия поважнее, чем интересоваться горящими свечами. Джек и Скизикс, вероятно, попытались разобраться с этим, если проходили мимо, а кончилось это, вероятно, тем, что какой-то бродяга бросился вдогонку за ними по проулку. Они расследуют все, что попадется им на глаза. Скизикс этим днем пришел домой в хорошем настроении, хвастался своими находками, был полон всевозможных теорий, прищелкивал языком и качал головой, жалея, что Хелен не было с ним. «Чем она вообще занималась?» – спросил он с напускным интересом. Потом он одобрительно кивал на все ее художественные творения, говорил что-нибудь умное по их поводу, а потом вздыхал. Потом он принимался бахвалиться и корчить рожи в ответ на предполагаемые рожи Хелен. Но Хелен никаких рож, конечно, ему *не корчила*. Она полностью его игнорировала.

Она поймала себя на том, что прошла уже полпути до задней двери в мастерскую таксидермиста, и теперь подкрадывается к ней на цыпочках. Она не хотела возвращаться домой с пустыми руками и решила в одиночку организовать себе приключение, а потом бросить его в физиономию Скизиксу.

Окна, выходящие во двор, были пыльными и тусклыми, заклеенными изнутри газетами. Заклеили их тысячу лет назад, и газеты здесь и там высохли и пожелтели, кое-где отслоились от стекла.

Она посмотрела на реку в обе стороны – никого. Рыбак на причале отсюда не был виден. Она подошла к мастерской сзади, морщась при звуках гравия и мусора под ногами. Внутри горел свет. Она увидела комнату в разрыве газеты, приклеенной к окну. Пригляделась, затаив дыхание, прищуриваясь, чтобы было лучше видно в сумерках интерьера.

На полу валялись несколько набитых игрушек, половина из которых была почти не видна в тени. Она разглядела только голову медведя, спинной плавник акулы, несколько выложенных в длинный ряд кальмаров с луноподобными глазами, они словно проплывали в потоке над рифом в открытом море. Потом она увидела шевелящуюся руку. Человек в халате художника работал, сидя на скамье. Все же горели в комнате не свечи – комнату освещал огонек в печи, на которой стояла кастрюля с каким-то варевом. Хелен, вздрогнув, поняла, что тяжелый запах океана и смолы все же надул не ветерок с моря, этот запах происходил из комнаты, в которую она смотрела сквозь разрыв в газете на стекле.

В комнате находились два человека – не один. Хелен, разглядев их получше, поняла, что тот, на котором рабочий халат, ростом значительно превосходит другого. Теперь, когда

Хелен пригляделась, ей стало ясно, что халат для него маловат. Он работал – растирал что-то, – сидя на скамье. Он был самым высоким из людей, каких видела Хелен, – не меньше семи футов, а может быть, и больше. Он, словно страдая от страшной близорукости и потери очков, наклонялся к плодам своих трудов, так что его от них отделял какой-нибудь дюйм. Другой человек помешивал содержимое стоящей на огне кастрюли. Он явно был карликом, а не казался таковым рядом с гигантом, трудившимся рядом с ним, ведь его голова не доходила даже до высоты скамейки. Чтобы помешивать варево в кастрюле, ему пришлось залезть на табуретку, и одежда на нем была на несколько размеров больше, чем ему требовалось, рукава и брючины ему пришлось закатать. В мастерской таксидермиста было слишком темно, чтобы разглядеть подробности, но эти двое вполне могли быть братьями, даже близнецами.

Как ей следовало поступить? Как поступили бы на ее месте Джек или Скизикс? Она могла бы просто уйти, но тогда ей не удастся поведать им свою историю. Она будет рассказывать то, что видела, во всю меру своих способностей, но когда подойдет к концу, Скизикс спросит: «И что ты сделала потом?» Она на это ответит: «Ничего, я вернулась домой». Нет, это не годится. Запах смолы и океана неожиданно был заглушен резким запахом одуванчиков. Пузырилась и шипела жидкость в кастрюле, над которой теперь поднимался зеленоватый пар, рассеивался по всей комнате, и запах эликсира, эликсира Джека, утяжелял воздух.

Хелен отпрянула от окна, прижавшись спиной к стволу перечного дерева. Ее глаза подернулись туманом эликсира, ее переполнили грусть и тоска по всем местам, где она так хотела побывать в жизни, но не побывала, по всем замечательным местам, в которых она была и которые была вынуждена покинуть, по всем местам, которые она хотел увидеть, но так и не увидела. Перед ее глазами возникло скоротечное видение холмистой местности в окне железнодорожного вагона, и она ухватила рукой за ветку дерева, испугавшись, что сейчас от головокружения упадет в траву. В ее ушах слышались звуки океанских волн, накатывающих на берег, стук колес по рельсам на железнодорожном мостике, и на какое-то короткое мгновение ей показалось, что она стоит на железнодорожных путях на крутом берегу и машет уходящему поезду, мужчине и женщине, которых не знает и которые машут ей в ответ с того места, где стоят в последнем вагоне. Через мгновение они уменьшились до размеров точек на бескрайнем ландшафте и исчезли из виду.

Она вдруг почувствовала на себе чей-то взгляд. Смотрел на нее маленький человечек. Он распахнул дверь, выходящую во двор, и улыбался ей. Она отпустила ветку дерева, тряхнула головой, чтобы прогнать туман из головы, и улыбнулась в ответ, хотя в ее улыбке и чувствовалось беспокойство. Его лицо показалось ей странно знакомым.

– Кто вы? – спросил он.

Их встреча продолжалась не больше минуты. Он был так похож на Джека, и она почувствовала необходимость сказать ему об этом, но больше ей сказать было нечего. Ей не нравились такие вещи. Ей ни к чему было говорить со странно одетым человеком в дверях заброшенной мастерской таксидермиста.

– Постой! – крикнул он, когда она развернулась и побежала. Он вышел в тень дерева и прокричал: – Скажи Джеку, пусть попробует Летающую Жабу!

И она исчезла – завернула за угол мастерской, выбежала на Главную улицу, по которой быстрым шагом направилась к дому мисс Флис, вошла через заднюю дверь, стараясь не шуметь и размышляя на ходу о «Летающей Жабе». Может быть, Скизикс поймет, что это значит. Или Джек. В конечном счете, ведь именно Джеку просили ее передать эти слова. Она и прибережет их для Джека, которому их таинственность наверняка понравится.

Она поднялась по чердачной лестнице, протиснулась в комнату наверху, заперла за собой чердачный лючок и, оглядевшись, увидела в полутьме посасывавшего палец Пиблса. Книга миссис Лэнгли лежала, открытая, на столе, словно он читал ее. Полотно, лежавшее на мольберте, было разрезано, разодрано перочинным ножом, а сам мольберт перевернут. Ее коробка

с красками лежала на полу вместе кисточками и тюбиками, вместе с мелками, все было разбросано, притоптано.

Хелен остановилась и замерла. Она подалась назад к люку, но не отважилась его открыть. Пиблс смотрел на нее с глуповатой ухмылкой, которая словно говорила, что он с удовольствием скинет Хелен с лестницы, если ему предоставится такой шанс. Ее обуяла неожиданная ярость. Этот маленький грязный негодяй прикасался к ее вещам, расшвырял их по комнате. На полу перед ним лежал керамический кувшин с несколькими веточками, с десяток серных спичек и нечто, похожее на куриные потроха. Скизикс и Джек говорили ей об этом.

– Я устал от тебя, – сказал Пиблс. Он чиркнул спичкой о ноготь своего большого пальца и принялся смотреть, как огонек подбирается к его коже.

– Ты и вполтину не устал от меня так, как устала от тебя я.

Спичка догорела до самой его кожи, но он и не шелохнулся и позволил язычку пламени обжечь его, будто ему это даже понравилось.

– Очень впечатляет, – сказала Хелен, снова посмотрев на погубленное полотно. – Почему бы тебе не поджечь свою рубашку и не сгореть вместе с ней?

– Я могу сжечь всех нас, – сказал он и зажег новую спичку, поднес пламя к растерзанному полотну. Оно вспыхнуло, и огонь стал распространяться, поедая недописанную картину, вспыхивала засохшая краска.

Хелен сделала полшага к мольберту. Картина уже была уничтожена, но Хелен это мало волновало. Ее волновал дом. Пиблс вполне может сжечь их всех в точном соответствии со своими словами. Но она остановилась. Она не даст Пиблсу того чувства удовлетворенности, которое он испытает, видя, как она гасит пламя. К тому же он, вполне вероятно, отчасти брал ее на испуг. Он слишком много говорил. Пытался напугать, произвести впечатление. Очки на нем сидели косо, волосы были растрепаны, и если бы до этого дошло, она могла бы избить его до потери сознания. До одного из подсвечников она легко могла дотянуться. Она могла бы схватить его и убить Пиблса одним хорошим ударом, потом скинуть его *вниз*. При этой мысли ее сердце забилося сильнее, она почувствовала, как дрожь охватывает ее тело. Она ненавидела такие вещи.

Пиблс ухмыльнулся, глядя на нее.

– Испугалась?

Хелен ничего ему не ответила. Она пристально смотрела на него, словно пытаясь понять природу его необычного поведения. Таким взглядом можно было свести его с ума. Она уже опробовала на нем этот взгляд, давая таким образом понять ему, что прекрасно осознает его прискорбное безумие, «видит его насквозь», как сказал бы Скизикс.

Пиблс смотрел на свой новый палец, неуверенно шевеля им. Этот палец вырос из его ладони как-то наперекосяк, как отросший луч морской звезды. Его улыбка на мгновение сникла. Он чиркнул еще одну спичку, нагнулся и поджег веточки в кувшине, раздул пламя и бросил туда птичий потрошок – то ли желудок, то ли печень. Потом вытащил серебряную иголку из своей куртки и проколол свой новый палец, протянул руку Хелен, чтобы она увидела. Она смотрела на него с каменным лицом. Он проколол палец еще раз, потом еще и еще. Кровь из него не текла. Он ухмыльнулся, словно гордясь собой, и проколол соседний палец, потом сдавил его, держа над кувшином, но ничего не произошло. Следующий прокол тоже не дал никаких результатов. И тогда, обуянной внезапной яростью, он принялся колоть как попало все свои пальцы, но в них, казалось, не было крови. На его лице мелькнуло выражение изумления и страха, но быстро превратилось в неожиданное выражение отвращения и отчаяния. Он вонзил иглу в ладонь, выдавил капельку крови на обгоревшие веточки.

С шипением и шкварчанием из веточек поднялось облачко дыма, сгустилось над кувшином, принялось вращаться и словно пульсировать в неподвижном воздухе чердака. Потом стали образовываться неотчетливые формы. Воздушные картины пустились перед ней в пляс:

овца с раной в шее, голова насекомого, виселица с повешенным человеком со связанными руками. За этими фигурами она видела ухмыляющееся лицо Пиблса. Ужас охватил Хелен, лицо выдало ее страх. Она кинулась вперед, пинком отбросила дымящиеся веточки к стене и принялась затапывать их.

Пиблс удивленно вскрикнул, потом вскочил и, бросившись на нее, вонзил иглу в ее предплечье. Хелен вскрикнула и отскочила в сторону, хотя боли и не ощутила. Игла застряла в мощном шве ее куртки, и когда Хелен метнулась в сторону, игла выскользнула из руки Пиблса. Его словно начало корчить от ярости. Он стоял с открытым ртом и будто ощупывал зубы языком. Его грудь вздымалась. Он взял еще одну спичку, неудачно попытался зажечь ее о ноготь, потом вытащил из кармана рубашки коробок, выкрикнул проклятие и трясущимися пальцами чиркнул спичку о терку.

Хелен теперь находилась не рядом с люком, она стояла у окна, выходящего на улицу. Отсюда дотянуться до подсвечника она не могла. Полотно на полу сгорело дотла. Она огреет Пиблса стулом – вот что она сделает. Она разобьет стул в щепки о его маленькую голову. Она...

Но прежде чем успела сделать хоть что-то, он поднес спичку к выдавшей виды муслиновой занавеске. Занавески – одна, другая, третья сразу же занялись пламенем. Он попятился к люку, на ходу зажигая новую спичку и оглядывая комнату в поисках еще чего-нибудь горючего. Он увидел подранный угол скатерти, накинутой на стол, стоящий на краю мебельной свалки. Пиблс поднес спичку к скатерти, дождался, когда пламя заплесало на столешнице, принялось облизывать ножки стула, стоявшего на ней. Он внезапно нагнулся, злобно усмехнулся Хелен и потянулся к задвижке на люке. Он собирался оставить ее здесь. Он собирался спуститься, запереть люк снизу и оставить ее здесь.

Хелен взяла стул, на котором он только что сидел, подняла над головой и швырнула в него. Он легко увернулся, на удивление легко, словно кто-то выхватил его с траектории, по которой летел стул. Хелен развернулась, принялась срывать то, что оставалось от занавесок. Они обрывались, рассыпаясь искрами, а она кидала их на пол и затапывала на них огонь. Потом она бросилась к столу, чтобы сорвать с него скатерть, прежде чем займется вся эта свалка старой мебели. Но в этом не было нужды. Скатерть поднялась в воздух и догорела над полом. Она выжала из себя огонь, как выжимают воду из стираного белья, а Пиблс стоял, ошеломленно глядя на происходящее, словно его ударили кулаком в живот. Он, подергиваясь, приподнялся на цыпочки, словно механический танцор, издал короткий, резко смолкший крик. Упавший стул вдруг поднялся в воздух, выровнялся и с громким стуком упал на все четыре ножки. Люк открылся с хлопком. Пиблс стоял, покачиваясь, у лестницы. Скатерть встряхнулась, как вытряхиваемый коврик, и сгоревшей кучей золы упала на пол, а Пиблс в этот момент словно помимо своей воли сделал шаг в пропасть – тряхнул головой, огляделся, а потом с криком исчез из вида упав на крутую лестницу вниз. Ему удалось в последний раз бросить на Хелен озадаченный и ядовитый взгляд, а потом она услышала стук его тела о ступеньки. Люк закрылся. Защелка скользнула на свое место, и чердак погрузился в тишину.

Хелен требовалась компания. Вернее, не так. Кто-то был здесь вместе с нею. Она почувствовала постороннее присутствие на чердаке и сразу же поняла, кто этот посторонний. Им была миссис Лэнгли. Миссис Лэнгли ничуть не хотела видеть, как Пиблс сжигает дом. Горящая скатерть привела ее в ярость, и она сбросила Пиблса вниз по лестнице, как мешок с апельсинами.

Хелен сразу же захотелось привести все в порядок, подобрать останки скатерти и поставить стул на прежнее место на столе, собрать разбросанные краски и мелки. Но она не отважилась. Может быть, лучше было дать миссис Лэнгли немного остыть – пусть она сама сделает следующий шаг. Но ничего не происходило. Хелен ждала. День клонился к вечеру, и чердак погружался в темноту. Наконец она нагнулась и подобрала коробок спичек Пиблса. Коробок лежал на полу, куда и упал, когда миссис Лэнгли дернула Пиблса за волосы. Хелен предпола-

гала, что спички исчезли, испарились в воздухе, разлетелись по доскам пола. Но они остались там, куда упали. Она зажгла свечи в подсвечнике и очень аккуратно поставила его на стол. Ее сердце уже перестало бешено колотить по ребрам. Ей стало лучше, когда она избавилась от Пиблса. Она, насколько это было возможно, дружила с миссис Лэнгли, а с Пиблсом – никогда, хотя было время – и с ним пыталась подружиться. Пиблс ей не позволил этого даже много лет назад, когда такая дружба была вполне возможна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.